

HOME
IS *NOT*
ON THE WAY

ASHLY DUEAL

JUST BECAUSE IT
HURTS,
DOESN'T MEAN
IT ISN'T WORTH IT.

Я стала особенной, не представляя собой ничего необыкновенного. И я стала такой благодаря одному человеку. Мы вместе создали воспоминания и вместе запечатлели друг друга в памяти.

ДОМОЙ НЕ ПО ПУТИ — Эшли Дьюал

ГЛАВА 1.

Я оглядываюсь и вижу улыбающиеся лица, перекошенные от непонятной радости. Чего они хохочут? Странно.

Я оглядываюсь еще раз, вдруг мне чудится. Но нет. Все люди, которые сидят рядом, восседают в зале, стоят у трибун — все лыбятся так широко, что их лица кажутся жуткими и искусственными, будто бы натянутыми на бесстрастные, однотонные головы манекенов. Я тоже пытаюсь улыбнуться. Дергаю уголками губ, а потом чертыхаюсь.

Никак у меня не получается изобразить радость. Ну и фиг с ней. Если и говорить о чувствах, то ощущаю я промозглую пустоту, которая, как и погода, меняется внезапно, но портит настроение довольно-таки сильно.

— Реган!

Я недоуменно смотрю на свою соседку. На ней, как и на мне, квадратная, черная шапочка, а еще дурацкая мантия, в которой теряются руки. Я вскидываю брови, мол, чего орешь на весь зал, а она надувает вспотевшие, красные щеки.

— Тебя назвали!

Назвали? Я оборачиваюсь и понимаю, что деканша, как и вся ее свита, ждут моего выхода. Блин!

— Реган Б-баумгар-ртен.

Неуклюже подскакиваю, едва не валюсь кубарем из-за треклятой накидки, но каким-то образом сохраняю равновесие и шествую к трибуне. Хотя бы фамилию правильно выговорили. А то обычно — Баумгуртен, Ваугратен....

Люди в зале громко аплодируют. Звучит какая-то идиотская музыка, которая мне напоминает тему из звездных войн. Там-там-там там-та-дам там-та-дам. И вот деканша уже прямо передо мной в своей черной накидке. Будто бы Дарт Вейдер.

— Поздравляю, Реган, — шепчет она мне, когда я пожимаю ее костлявую руку. — Пусть у тебя все получится, а ветер перемен...

Я отключаюсь. Просто гляжу в эти сморщенные, уродские губы и вспоминаю, сколько раз они отчитывали меня и оплевывали. Я пропускала занятия, потому что не любила ни университет, ни профессоров, ни ежедневное унижение, коим поливали почти всех, кто обучался на моем факультете. А потом меня вели к деканше, и она, будучи в как бы так сказать, не очень хорошем настроении — муж бросил ее и ушел к студентке с моего курса — орала и клялась, просто божилась, что никогда мне диплом не вручит, а я сгнию на дне общественной ямы, как гниют яблоки в ее огороде.

— Удачи!

— Спасибо, — хриплю я и едва не добавляю "безмозглая карга".

Мы расходимся, как в море корабли, и я плыву к своему месту, невольно осматривая тех, с кем училась чертовы пять лет. Пять лет! Я видела эти тупые рожи каждый день, и я их терпеть не могла, потому что одна половина любила учебу, не обращая внимания на те унижения, о которых я уже упоминала, а другая — любила унижения, принимая учебу как нечто неизбежное. Конечно, была парочка людей, с которыми можно было общаться. Но до выпуска дожил лишь один. Кори Гудмен.

Он так же, как и я, не улыбается до посинения, оглядывается по сторонам и не фигу не понимает. Ничего друг, тут просто все спятили, а мы с тобой угодили в их сети.

У него смешные волосы. Они вообще вьются, как шерсть у барана, но Кори считает, что как у барана — это не круто. А круто, как у его старшего брата — Уильяма, который, собственно, тот еще баран. Я его почти не знаю, видела пару раз, но он носит широкие, просто гигантские штаны, такие же широкие футболки, выкуривает по сто сигарет за день и зарисовывает свои пошлые мысли не менее пошлыми татуировками. Хорошо хоть Кори еще не додумался вывести на своей спине: я делаю плохие вещи, но делаю их *хорошо*.

После меня выходят еще люди. Всем деканша жмет руку и улыбается, а я гляжу на эту картину и спускаюсь по спинке стула все ниже и ниже. Когда эта церемония подойдет к концу? Столько стараний ради бумажки. На дипломе выведено огромными буквами в пол-листа — видимо, потому что особо больше нечего писать — ОКОНЧИЛА ФАКУЛЬТЕТ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖУРНАЛИСТИКИ. Или же, наконец, завершила бессмысленный курс и бессмысленным предметам. Писать статьи всякие и выражать свое мнение в мелких, не особо заумных рецензиях я умела и до поступления в университет.

Минут через сорок мы вырываемся из здания. Я всегда мечтала учиться в Йеле, но в итоге проучилась в местном, задрипанном университете, который похож на коробку, тупо брошенную на кривой улице Янгстауна. Я оборачиваюсь через плечо, когда толпа орущих студентов прет из дверей, будто бы за ней несется горячая, темно-оранжевая лава, и гляжу на это серо-зеленое здание, проглотившее с потрохами мои "лучшие" годы.

Кто бы мог подумать, что все будет именно так. Ведь в школе я верила в лучшее, считала, что уеду из городка сразу же, как получу аттестат. Что я стану кем-то. Напишу что-то. Сделаю нечто важное. Возможно, прославлюсь. Возможно, по уши влюблюсь. Я выходила за порог школы с надеждами о той жизни, о которой, впрочем, все мечтают. Но сейчас я понимаю, что все было полной чушью. Взаперти собственных предрассудков, ты не способен вырваться на свободу. Верить — верь, конечно. Вот только о реальности не забывай, потому что она о тебе прекрасно помнит. Она размазала мои мечты, как прямо сейчас Стейси Роман размазывает сопли по лицу. Ей-то отец уже местечко забил в своей адвокатской конторе. Ей впору рыдать, ведь больше не получится лизать зад учителям за хорошие отметки. Теперь работать придется. А мне..., у меня надежда только на себя. А я, как вы уже поняли, совсем уж не добросовестный человек.

Невольно оглядываюсь, ища в толпе родные лица. Маму или папу. Не знаю, зачем я это делаю, ведь понимаю, что никто не придет. Но я глупая. Я всегда была глупой.

Есть одно важное правило. Люди считают, что если будут верить в тех, в кого верить не стоит, это обязательно им воздастся свыше. Мол, все мы меняемся, можно и потерпеть, и понадеяться, и подождать. Но все эти страдания в пустоту — полная лажа, потому что не надо терпеть. Не нужно строить из себя великомучеников. Если человек дерьмо — он дерьмо. И твоя вера в него, ничего не изменит. Она не сделает тебя лучше, и она не

припишет тебе дополнительные баллы, которые ты потом вдруг вытащишь из кармана на Страшном Суде и вручишь Богу.

Сделай себе одолжение — не жди от людей чего-то. Они такие, какие есть, и ты их не исправишь, как бы ни старался, и как бы сильно в них ни верил.

Мне кажется, я строю иллюзии насчет своих родителей уже целую вечность. И мне жутко больно, когда они меня разочаровывают, пусть я и не хочу это признавать. Но, на самом деле, это не их проблема и не их вина. Я сама виновата, потому что я — глупая. Я жду, когда ждать нет смысла, а не они.

Внезапно кто-то наваливается на мои плечи, и я громко чертыхаюсь.

— Сад ты мой цветущий! — Верещит мне на ухо Кори и хохочет. Ненавижу, когда он меня так называет. Умничает ведь. Узнал, что фамилия "Баумгартен" означает: *деревья в саду*, и теперь при каждом удобном случае выделяется. — Ты чего такая кислая?

— Нет, я сладкая.

— Ммм, еще и колючая. Смотри, Стейси сейчас выплюнет легкие! Она реально ревет, или у нее началась аллергия?

— На тебя у нее аллергия, а людям вообще-то грустно.

Я хихикаю, обхватываю друга за плечи, и мы медленным шагом плетемся в сторону домов. Живу я рядом, Кори всегда меня проводит, пусть потом и бежит к своему братику, чтобы посмотреть, как тот девок снимает. Сам-то Кори — монах. Целовался пару раз, да и то с мандаринами. А Уильям — ну просто Вильгельм Завоеватель. Девушек Янгстауна ему было мало, и тогда он пропал на целый год, чтобы переспать со студентками Принстона. Я слышала эту историю уже столько раз, что у меня сводит все тело, и пена изо рта вдруг начинает литься, едва кто-то в разговоре упоминает о Нью-Джерси.

— Знаешь, я ведь скучать буду.

Я гляжу на смуглое лицо друга и почему-то не хочу шутить. Мы идем по тропинке, по которой ходили сотни раз до моего дома, и до меня вдруг доходит, что больше этого не будет. Что Кори Гудмен не проведет меня после занятий, что мы не будем хохотать аж до слез над мусорщиком Бади, который вечно ставит пакеты так, что они валятся вниз, и из них объедки выкатываются обратно на дорогу. Кори не расскажет мне истории о своем ненаглядном брате, а я не разревусь на его плече после очередной ссоры с предками. Да, ничто больше не повторится. Все осталось позади, и мы идем вперед все медленнее, ведь не хотим заканчивать то, что вроде бы только началось.

Мне становится страшно. Я должна быть взрослой, а я еще подросток, который изо всех сил сжимает руку лучшего друга в надежде, что все это неправда. Что он никуда от меня не денется. Грудь вздымается от горячего воздуха, который застревает у меня где-то в горле. Я прикусываю губы и, наконец, отвечаю:

— Я тоже буду скучать.

— А писать будешь?

— Было бы откуда писать, ведь я еще не уезжаю.

— Все будет в порядке, Реган. Тебя примут на работу в Йель.

— Меня учиться туда не приняли, а тут прям стажироваться разрешат. — Я говорю так уверенно и решительно, хотя внутри надеюсь, что друг прав, и у меня все получится. — Ты когда уезжаешь? Когда начнется великий тур по местам славы *Вильгельма Завоевателя*?

— Сегодня вечером. Уилл все устроил, даже с предками договорился, хотя я знаю, что ему наплевать на их мнение. Он бы все равно укатил на своем старом Додже.

— И я бы укатила куда угодно, лишь бы подальше от родителей.

— Да уж. А их не было на церемонии? — По улице проносится гудок автомобиля, и мы видим, как из окон кричат краснолицее ребята, размахивающие квадратными шапками. Не думаю, что они адекватные. Все мы любим безумства, но радоваться тому, что закончился университет, что ж в этом хорошего? В смысле — и что дальше? Работа? Семья? Смерть?

Я встряхиваю волосами и выдыхаю.

— Да, они не пришли. Но я не удивлена, это было бы дико. В конце концов, там никто не раздавал бесплатную выпивку. Так что церемония — отстой.

— Ага, — как-то жалобно усмехается Кори. Когда мы говорим о моих родителях, он не может нормально себя вести, вечно корчится и жмется, будто у него штаны застряли где-то в промежности. Добрый мальчик. Но сейчас плохо быть добрым. — Ох, Реган, садик ты мой цветущий, только представь, что мы больше не вернемся на семинары. Что я больше не буду стоять перед твоей дверью в январе, пока ты ищешь свои любимые джинсы...

— А я не буду притворяться твоей мамой, когда ты прогуливаешь физкультуру...

— И мы не будем зависать в "Френзи"...

— Ты все равно не любишь эти йогурты.

— Зато ты любишь.

Он кривит губы, а я крепче его обнимаю, потому что жутко, ну просто нереально его люблю. Кори Гудмен — неотесанный, сумасшедший мальчик, который в первый же день выделился из толпы, когда отказался носить университетскую форму, потому что она не просто зеленая, а блевотно-бирюзовая. Я тоже отказалась, и нас отправили к деканше. Нас и еще одного парня, имя которого не хочу произносить. Там мы с Кори и познакомились, пока ждали эту каргу — она, кажется, во все горло орала по телефону на своего мужа. Нам все равно пришлось носить эту форму, но мы всячески над ней издевались. То я надену юбку как топ, то Кори обрежет брюки под капри.

Неожиданно я понимаю, что мы оказываемся напротив моего серого дома. Запах тут стоит тяжелый. Паленой травы и жаркого лета. Дышать сразу становится трудно, но, что странно, отнюдь не из-за этого. Я вновь смотрю на друга и протяжно выдыхаю. Он мнетя и перекатывается с ноги на ногу, будто бы не знает, что сказать. Я тоже не знаю. Поэтому не спешу удивить его красноречивой тирадой, а просто прижимаю к себе.

Кори сцепляет руки за моей спиной.

— Без тебя жизнь будет совсем другой, Реган Баумгартен.

— Ты единственный человек, который так красиво произносит мое имя.

— У меня было много времени, чтобы потренироваться.

Я зажмуриваюсь. Сжимаю его узковатые плечи и вздыхаю. Не хочу признавать, что на глазах слезы. Глупости какие! Я не плакала уже так давно, не разревусь и сейчас.

Отстраняюсь и грозно свожу брови.

— Пиши мне, услышал? Я, может, никуда не уеду. Останусь тут на веки вечные, а ты все равно пиши. Даже из своего тура, даже потом, когда переедешь в Индиану в этот, как его, в Ивансвилль.

— Эвансвилл.

— Какая разница.

— Договорились. — Кивает он. Поправляет свернутую на локте мантию и глядит мне в глаза открыто, пронзительно и печально, как смотрят, когда прощаются, но когда не хотят уходить. Кори нервно усмехается. Нервно похлопывает меня по плечу. Нервно плетется к

противоположному двору и глядит на меня через плечо. Ему до дома еще минут десять, но я уверена, что идти он будет медленно. Чтобы смотреть на меня как можно дольше. — И не вздумай рыдать, Реган! Услышала?

— Не дожدهшься, гаденыш! — Я уже кричу, потому что парень все дальше и дальше, а на глазах эти противные слезы. Черт. Порывисто смахиваю их и широко улыбаюсь. — Я не пророню ни слезы, ясно?

— Заметано!

Он машет мне рукой и скрывается за поворотом.

Пусто. Мне становится холодно и как-то странно. Я гляжу на светлую улицу, но я не вижу больше знакомых домов, знакомых лиц. Все кажется совсем чужим. Наверно, стоит идти домой, а ступни, словно врезались в землю. Я так и стою на повороте, глядя куда-то вдаль. Возможно, я жду, что Кори Гудмен вернется и обнимет меня еще раз, но вообще-то я знаю, что он так не сделает. Он слишком любит меня, а, значит, не захочет сделать мне больно. Умный гад, слишком хорошо меня знает.

ГЛАВА 2.

Сколько у вас любимых мест? Обычно их немного. А дом на вершине хит-парада.

Я свой дом терпеть не могу, благодаря двум факторам: мама и папа. Мать и отец — точнее, потому что трудно выговаривать "*nana*", когда он глядит на меня опьяневшими, красными от безумия глазами или, когда просит убраться из дома, или, когда недовольно выворачивает руки. С "*мамой*" проще. Она просто молчит, ну или просто орет. Во всяком случае, бить они меня никогда не била, поэтому мы с ней типа дружим. Отец мне отвесит пощечину, она закроет ладонями лицо, а потом мы сидим на кухне, и я слушаю, как же ей больно, хотя лицо у меня саднит, а не у нее.

Дом у нас небольшой. Вообще, он мог бы стать очень прикольным, уютным, и что там еще бывает с домами, в которых живут, а не выживают. Но у нас мало денег, и потому крыльцо разбито, а на ступеньках прогнившие трещины. Иногда по ночам, когда завывает ветер, я слышу симфонии Бетховена и прелюдии Шопена, хотя, конечно, ни Бетховена, ни Шопена ветер еще не научился играть достойно.

Почему-то когда я думаю о родителях, я вспоминаю школу. Друзей у меня всегда не было много, а в старший классах я полностью отгородилась от ребят, и не потому что не хотела с ними общаться, а потому что стыдилась своих предков. Да, очень часто, когда я возвращалась домой, я видела отца, разгуливающего по кварталу с липким от пота лицом. Его ноги заплетались, будто змеи, а изо рта вырывались дикие ругательства, которые он отпускал — смело и отважно — невидимым врагам и чьим-то теням. Он пил так много, что даже меня не узнавал, и когда я пыталась довести — донести — его до дома, отбивался и не щадил свое горло, разрывая воздух криками и бранью. Также я понимала, что будь у меня друг, я не смогла бы привести его к себе домой, ведь, кто знает, отец уже пьян или еще не дошел до нужной кондиции.

Что ж, в школе, как известно, мнение окружающих играет большую роль, потому-то я и закрылась в себе. Стала трудным подростком из не очень благополучной семьи, и если сначала я отталкивала людей, то потом они *сами* перестали со мной общаться.

В университете жить стало немного проще, потому что я, наконец, научилась жить самостоятельно, а не страдать фигней, вроде самобичевания и тотальной отчужденности. Так что я уверена, что Кори Гудмен вовремя появился в моей жизни и доказал, что даже у

потерянных, отбитых социопатов есть возможность найти друга.

Я прохожу домой и облакачиваюсь спиной о закрытую дверь. Прикрываю глаза. Не люблю, когда меня называют нищербродкой — а в университете это практически было моим вторым именем — но глупо отрицать очевидное.

Знаете, я думаю, что у бедности есть запах. Бедность пахнет сыростью, алкоголем и потом. Бедные люди не в состоянии починить трубы, потому-то у них покрываются стены и потолки плесенью. Бедные люди не способны вынести на своих плечах трудности, лишь заглушают ор между висков крепкими напитками. Бедные люди живут так, словно время — их верный союзник, словно оно остановлено, а не течет с дикой скоростью. Они живут час, тогда как проходит несколько месяцев. Они живут день, тогда как проходят годы.

Вариться в этом соку без особого запаха трудно. И меня выворачивает наизнанку от того, как воняет вся моя одежда, как воняет моя комната, как воняет двор перед домом. Я знаю, кто я такая; знаю, кто моя семья. Хочу вырваться, но жизнь — подлая тварь — вертит передо мной задом и ржет до коликов, потому что мало трагедии в счастье. Ей интереснее наблюдать за тем, как бедный муравей корчится под безжалостной лупой.

Дома никого нет. Я недоуменно хмурю брови, а потом выдыхаю, потому что как бы паршиво не было, дышать все равно приходится. Наверно, в этом и есть вся суть — дышать тогда, когда дышать больно. А люди ищут великий смысл. Возможно, в жизни вообще нет смысла. А за смысл нужно принять то, что нам в определенный момент нужно. Блин, даже смешно как-то. Спросите меня: в чем смысл жизни? И я вам отвечу: в том, чтобы дожить до завтра. И так каждый день. Не глобально как-то, верно?

Я стягиваю кроссовки и бросаю мантию на скрипучий стул. Плетусь на кухню, то и дело, оглядываясь по сторонам. Предков нет, надеюсь, они и не вернуться. Ушли за пивом и позабыли путь домой, вот такую бы историю я прочитала. Знаю, паршиво так говорить о тех, кто меня вырастил и все такое... Но трудно нормально относиться к родителям, когда они не хотят нормально относиться ко мне, да? Возможно, в детстве еще прощаешь всякие глупости, не замечаешь очевидных вещей. Но сейчас глупо закрывать глаза. Тогда я стану не просто жалкой, но и тупой. Да, предки играют роль в моей жизни, большую роль, но не хорошую, к сожалению. Они, скорей, вечные антагонисты.

Наливаю себе стакан воды и принимаюсь жарить яичницу. На кухне становится тут же душно, а запах поднимает жирный, будто я не яйца на сковородке жарю, а плескаюсь маслом в разные стороны. Я и не знала, что так проголодалась. Набрасываюсь на обед, как ненормальная и смотрю дешевое шоу по телеку, пачкая пульт жирными пальцами. Как бы на самом деле, если честно, иногда я понимаю, что хочу многого. Жалуюсь на то, что мои предки неотесанные алкоголики, тогда как сама похожа на их отпрыска по всем пунктам. Но в глубине души я убеждаю себя, что я еще не потеряна. В конце концов, Кори дружит со мной, хотя живет в чудесной семье. Его родители — оба доктора. Получают кучу денег, но он все равно не ворочал нос и не относился ко мне предвзято. Может, конечно, просто он такой человек. А, может, и я еще не свалилась на дно той самой общественной ямы, о которой мне рассказывала деканша.

Приподнимаю стакан с водой и хмыкаю: с окончанием университета, Реган. Теперь ты свободна. Ну, относительно. Освободилась от одного, погрязла в другом.

Проходит много времени, прежде чем входная дверь распахивается. Я вяло и сонно вздрагиваю, понимая, что уснула прямо на кухне, водрузив голову на руки, и растерянно оглядываюсь. Что меня так изморило — хороший вопрос.

— А ты возьми и попробуй так жить, тупая идиотка! — Вздвывает отец, и я узнаю в его голосе те самые нотки, после которых мне непременно попадает. Дверь хлопает, мать тут же взрывается плачем, а пол сотрясается от громких шагов. — Чего ты реवेशь?

— Я не реву, я не...

— Задолбала со своими психами!

— Хватит на меня орать!

— А ты прекрати истерить! Иначе...

Отец не договаривает, потому что проходит на кухню и видит меня. Я не помню, как он выглядел до того, как начал пить. Сейчас он сморщенный, как апельсиновая кожура. У него старая, сероватая кожа, которая всегда обветренная. Квадратный подбородок зарос, а на скрученных, коротких волосках пена от пива.

Он смотрит на меня и рявкает:

— Что здесь забыла?

Обычно я молчу. Отец все равно не ждет, что я отвечу. Но сегодня мне хочется что-то сказать, может, потребность какая-то в опеке появляется, поэтому я отрезаю:

— Я диплом получила. Вон. — Киваю на стол. Документы валяются под квадратной шапкой. — А вы где были?

— Не твое дело.

Он тянется к холодильнику за пивом, и в этот момент на кухню вваливается мама. Я нехотя перевожу на нее взгляд и вижу то, что всегда вижу: размазанные, кричащие тени, в глазах полопавшиеся сосуды, помада на пол-лица. Она порывисто смахивает слезы и тихо шипит себе что-то под нос, наверняка, проклиная этот день, этого мужчину, этот дом. Но не думаю, что папе интересно. Захлопнув холодильник, он открывает банку с пивом — она щелкает с пронзительным звоном — и поворачивается к маме лицом.

— Что уставилась?

— Ты не должен был рассказывать обо всем Сьюзи. Не должен выставить нас...

— Я буду делать то, что хочу, рот закрой, ясно? — Он взмахивает рукой, пиво пластом льется на пол, а я крепко зажмуриваюсь. — Ты трахалась с ее мужем, и со мной трахалась. Ты со всей школой трахалась, Мэндис, поэтому просто завали свой рот и не капай мне на мозги, уяснила? Ты поняла?

— Натан, прекрати, прекрати орать! Прекрати!

Они взвывают, как дикие животные, а я незаметно поднимаюсь из-за стола и бреду к выходу. Не могу это слушать, не могу там даже находиться. Бывает, тебя мутит от одного лишь звука чьего-то голоса. Именно так я переношу голос отца: ядовитый и хриплый, как у заядлого курильщика. Меня тошнит.

Собираюсь подняться к себе в комнату, как вдруг замечаю у двери стопку писем. Не знаю, что на меня находит. Ор за спиной превращается в тихое жужжание, которое сейчас не имеет никакого значения.

— Вот, черт, черт, — я пулей бросаюсь к почте. Падаю у двери на колени и дрожащими пальцами перемешиваю конверты. Счета, счета, счета.

"ЙЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ".

На конверте расписными, огромными буквами вычерчен девиз университета:

Lux et Veritas — Свет и Истина.

Я буквально задыхаюсь, попросту не могу дышать. Наверно, так себя ощущают те, у кого решается очень многое. Такой важный момент, а я даже языком пошевелить не могу. Будто

умственно отсталая, мычу, качаюсь из стороны в сторону и разглядываю листок, не понимая, что именно он такое. Шанс? Цель? Тот самый смысл?

Разрываю конверт и достаю письмо. Глаза мои моргают часто-часто, и я боюсь, что взлечу ненароком, но я не взлетаю. Я опадаю, как опадают листья осенью. Или как с неба на нас валятся дождевые капли. Или как бомбы, которые бросают на гражданские дома. Я опускаю руки, а взгляд поднимаю вверх, наверно, ищу ответ где-то там, над головой. Но я его не нахожу.

*"Уважаемая мисс Реган Анна Баумгартен,
Мы рассмотрели Ваше предложение и вынуждены его отклонить.
С наилучшими пожеланиями, Мэрилин Итон".*

Не знаю, что хуже: то, что меня сочли неподходящей кандидатурой, или то, что меня навсегда заперли в этом месте. Янгстаун — мой дом, моя клетка.

Неожиданно до меня доходит, что все кончено. Что я навсегда здесь останусь, и что я буду свидетелем этих скандалов вечно, и я буду слушать этот ор и купаться в этой вони, и ничего не изменится. Никогда.

— Что это у тебя? — Вздвывает голос отца за спиной. Он вырывает конверт из моих рук так быстро, что я даже не успеваю среагировать. Испуганно оборачиваюсь, а у него уже не лицо, а рожа, налитая злостью. Из ноздрей вылетает горячий воздух. — Какого хрена?

Он переводит на меня желтоватый взгляд. Только дети алкоголиков поймут, что я имею в виду. Желтый взгляд, не в плане, что его глаза наливаются огнем. Просто глазные яблоки кажутся изношенными, мутными и грязно-желтыми, как цвет пива, которым отец себе брюхо набивает.

Хотите — верьте, хотите — нет, но ответить мне нечего. Я просто смотрю на него, а он смотрит на меня, и это самый долгий зрительный контакт, который произошел у нас за год или за два. В конце концов, он делает то, что всегда делает. Размахивается и хорошенько бьет меня по лицу. Я теряю равновесие и с колен полностью валюсь на пол. Он хочет меня еще раз ударить, но внезапно появляется мама. Она накидывается на него со спины.

— Не надо, Натан, не надо! — Ревет она не своим голосом. — Ты покалечишь ее!

— Убери руки, Мэндис!

— Пожалуйста, прошу тебя...

В ответ отец отталкивает мать от себя. Она валится на пол в симметричной мне позе, и я гляжу, как она погружается в свои ладони, как в океан, в очередной раз, разразившись громким плачем. Пальцы сжимаются в кулаки. Я подрываюсь на ноги, прыгаю на папу, но он даже не обращает внимания. Начинаю молотить по его спине ладонями.

— Оставь нас в покое, убирайся, уходи!

Папа оборачивается. Перехватывает мои кулаки одной рукой и переспрашивает:

— Что?

Кричать в спину легче, чем кричать в лицо. Это уж точно. Но я все равно отвечаю, и не знаю, зачем я это делаю. Смелой стала и глупой, наверно. А, может, разозлилась после того, как получила отказ, после того, как попросилась с другом, после того, как стояла на ступеньках университета и ждала семью, которой у меня нет.

— Уходи, оставь нас. Ты — подонок, пап. Я тебя ненавижу.

Мои слова задела бы его, если бы он испытывал что-то, кроме ярости. Тем не менее, в

его глазах определенно промелькает какая-то эмоция, правда, она такая же невзрачная, как и одежда, которая на нем висит. Отец сваливает на мои плечи свои гигантские ладони, я вздрагиваю от их тяжести, горблюсь, а он перекашивает уродское лицо. Уже через пару секунд я вылетаю за дверь, будто куль с мукой. Перекручиваюсь через спину по ступеням и с грохотом валюсь на прохладную к вечеру землю.

Он кричит какие-то ругательства. Подносится ко мне и пинает ногой. Я подлетаю и падаю вниз. Подлетаю и падаю вниз. Наверно, лучше бы я молчала, но теперь уже поздно врать и говорить, что он лучший папа в мире.

В какой-то момент, его пьяное тело пошатывается назад, и его нога ударяет меня не в живот, а в лицо. Я слышу хруст, слышу взрыв между висков, взрыв красок и еще какой-то дряни, из-за которой закладывает уши, и испускаю громкий стон.

Натан Баумгартен бил меня, но он никогда не позволял себе ничего подобного. Мне вдруг кажется, что он никогда не остановится, и только потом я понимаю, что валяюсь на земле уже несколько минут в полном одиночестве. За тонкими стенами моего дома пищит мать, гроыхает мебель, бьется посуда, а я валяюсь в грязи и прерывисто дышу.

Надо встать. Я поднимаюсь, кренюсь в бок. Выпрямляю спину и гляжу перед собой на дом, не зная, что делать. Зайти обратно? Наверно, я повременю с этим.

Протираю лицо и внезапно горблю плечи. На пальцах кровь. Кажется, он попал мне по носу, когда врубил ногой по голове. Пытаюсь вдохнуть воздух — вроде все в порядке, а, значит, все не так уж и плохо.

Я пытаюсь улыбнуться, а вместо этого ощущаю на щеках тупые слезы. О, да, только и осталось, что реветь, правильно. Дергаю головой, чувствую, как от боли на глаза падает темное покрывало, и отшатываюсь в сторону, едва не рухнув вниз. Прекрати реветь, надо взять себя в руки, надо успокоиться, надо...

Хлопаю ладонью по губам и до боли морщусь, согнувшись пополам, как от нового удара в живот. Стоит мне только подумать, что я обязана пересечь порог этого дома, как тут же тело трясет от горячки. Словно вирус по моим венам проносится не просто злость, а отчаяние, ледяное и удушающее, и я не могу нормально дышать.

Неожиданно за моей спиной разносится визг тормозов. Кто-то выкрикивает мое имя, я неуклюже оборачиваюсь, опустив по швам руки.

— Реган?

Из окна высокого, черного джипа на меня во все глаза пялится Кори Гудмен. Что он здесь делает? Сначала я вообще думаю, что он мне привиделся. В конце концов, папа мне круто зарядил по лицу. Может, я рассудка лишилась. Однако затем это видение оживает, и уже через пару секунд парень выпрыгивает из салона, будто бы ужаленный.

Кори несется ко мне со всех ног. Он замирает в паре метров и громко выдыхает. Не знаю, что именно его так шокирует: то, что я реву, или то, что у меня кровь.

— Какого...

Он замолкает. Приближается ко мне и покачивает головой. Если на чистоту, то ему вряд ли что-то известно о моих чувствах. Кори понятия не имеет, что я сейчас ощущаю. Он думает, мне нужна его поддержка, нужны его объятия. А мне нужно, чтобы он ушел.

Мне стыдно, и я хочу провалиться сквозь землю.

— Реган, когда это произошло?

— Почему ты еще не уехал?

— Я уезжаю.

— А здесь что делаешь?

— Хотел проехать по этому кварталу напоследок. Какая блин разница? — Кори делает два широких шага вперед и оказывается прямо перед моим носом. — Идем.

— Куда?

— В полицию.

— Его не накажут.

— Накажут.

— Нет. — Я шмыгаю носом и отступаю назад, не зная, как себя вести. — Папа дружит с шерифом. Это бессмысленно. К тому же, я совершеннолетняя.

— И что? — Громко взывает парень, и неожиданно за его спиной визжит автомобиль. Я гляжу ему за спину. Кто-то сидит за рулем и с силой надавливает на гудок. — Эй, просто на меня смотри, окей? Они подождут.

Перевожу взгляд на друга.

— Я разберусь.

— Не хрена не разберешься! Пошли к моим родителям, они помогут.

— Зачем? Слушай, я не хочу вас втягивать. Тебя ждут, гаденыш. Иди, — я выдавливаю страдальческую улыбку, а затем бросаю это дело и вновь горблюсь, — тебя это не касается, ладно? Тебя здесь вообще быть не должно.

Машина вновь сигналист, и тогда Кори оборачивается и орет во все горло:

— Заткнись, Уилл!

Не помню, чтобы он так с братом разговаривал. Обычно Уиллу он поклоняется, а тут даже голос повысил. Видимо, я, действительно шокировала его своим видом.

— Не мое дело? — спрашивает он, вновь впялив в меня оторопелый взгляд. Он глядит на мое лицо, жалобно дергает губами и отворачивается. — Ублюдох. Какого хрена, как ты вообще здесь живешь, черт.

Столько ругательств за один раз? Да Кори, кажется, не в себе. Я усмехаюсь.

— Смешно? Ну, конечно, давай поржем, Реган.

— Не хрена не смешно, просто это мои проблемы.

— У тебя лицо разбито!

— Серьезно?

— Хватит, Реган, иначе я накостыляю тебя в дополнение к тому, что уже имеется.

— Меня в Йель не приняли, — почему-то отрезаю я. Не думаю, что сейчас подходящий момент для разговора по душам, но слова сами срываются с языка.

— Что? — Глухо переспрашивает Кори.

— Ага. Я узнала минут пятнадцать назад.

— Черт, Реган....

— Сегодня мой день, — я хочу взмахнуть руками, но шею сводит, и поэтому я просто неуклюже передергиваю плечами. Кори собирается что-то сказать, но неожиданно за его спиной громыхает дверца, и парень застывает.

Наклоняю голову и вижу, как на нас движется чья-то тень. Вскоре она приобретает очертания высокого, широкоплечего парня, с которым мне уже доводилось видаться, но с которым я не желала бы вновь пересекаться.

Уильям Гудмен останавливается передо мной с недовольной миной. В зубах у него торчит сигарета, волосы взлохмачены, как у породистого комондора, а в глазах полыхает нетерпение, такое же колючее, как и кожаный браслет на руке, увешенный серебристыми

шпирами. Мило. Я скептически морщу лоб, когда оцениваю его безделушку.

— Чего так долго? — спрашивает он у Кори, не обращая на меня внимания. — Торчать здесь — нет времени.

— Подожди, Уилл, мне надо разобраться.

— С чем?

— С ней.

Кори указывает на меня, и, наконец, Вильгельм Завоеватель переводит на меня свои затуманенные глаза. Мне кажется, он под кайфом. Зрачки у него черные и гигантские.

— Напоролась на дверь? — Шутит он и внезапно приподнимает пальцами мое лицо за подбородок. Изучает мой окровавленный нос, и, несмотря на то, что я вырываюсь, стоит ровно, по-прежнему стискивая в зубах сигарету. — Жить будет. — Он опускает руки и вновь смотрит на брата. — Теперь мы можем идти?

— Чувак, ей помощь нужна.

— Ничего мне не нужно. — Защищаюсь я. — Мне пора.

— Поехали с нами.

— Что? — Воскликает одновременно с Уиллом. Парень усмехается. Наклоняется над братом и выдыхает облако сероватого дыма ему в лицо. — Она не поедет.

— Я ее не оставлю.

— Тогда и ты не поедешь.

— Да в чем проблема? Реган, — Кори смотрит на меня, — давай, ты ведь хотела укатить отсюда, верно? Забей на предков, поедем с нами.

— Я не могу.

— Очень жаль. — Уилл дергает уголками губ и сжимает в пальцах сигарету. На меня он не обращает внимания.

— Я не оставлю тебя, Реган.

— С ума не сходи, поезжай уже.

— Чтобы отец опять из тебя дух вышиб? Чтобы вернуться на твои похороны? Чтобы этот ублюдок не только лицо тебе разбил?

В какой-то момент мне кажется, что Уильям Гудмен все же переводит на меня свой взгляд. Горло першит. Я неохотно приподнимаю ресницы и встречаюсь с ним глазами. Не знаю, почему он вдруг смотрит на меня. Наплевать. Покачиваю головой:

— Нет, я не могу.

— Реган...

— Кори, прошу тебя, поезжай. Мне не нужна твоя жалость, правда, я сама со всем тут справлюсь, веришь? — Потираю руками лицо и откидываю назад волосы. — Веришь?

— Я дам тебе пять минут. — Внезапно отрезает Уилл.

Он откидывает окурок, выдыхает дым и тушит сигарету носком темных ботинок. Я перевожу на него взгляд.

— Что?

— Два варианта: или ты едешь с нами, или возвращаешься, и тебе доламывают нос.

— Еще скажи, что сесть в машину с тобой и укатить непонятно куда, безопасней.

— Безопасней? Нет. Разумнее — возможно.

— Разумнее, — складываю на груди руки и киваю, — ты серьезно?

— Три минуты.

— Ты ведь шутишь...

— Реган, решайся, — взывает Кори. Он внезапно хватает меня за руки и встряхивает их со всей силы, да так, что у меня боль прокатывается по всему телу, как по катку. — Тебе здесь нечего делать.

— Но у меня нет денег.

— Разберемся.

— Каким образом? Уилл, ты же не хотел меня брать, ты же...

— Я передумал.

Неожиданно парень сходит с места и плетется к моему дому. Он скидывает с плеч широкую куртку, бросает ее на гнилые ступени и тянется к двери.

— Что ты делаешь? Остановись! — Я растерянно несусь за парнем. — Уилл, прекрати, ты нарвешься на моего отца. — Впиваюсь пальцами в руку Гудмена и резко поворачиваю его лицом на себя. — Я ведь еще ничего не сказала, я не согласилась.

— Ты, правда, так думаешь? — Его глаза испепеляют меня. Он вскидывает брови, а я не знаю, что ответить. Так и плююсь на него. — Если бы ты не захотела, мы бы уже давно уехали. Так что, не тяни наше время.

— Ты нарвешься на неприятности.

— В этом весь смысл.

Его лицо озаряет кривая ухмылка, пробирающая до костей, и я внезапно понимаю, что Уильям Гудмен — источник огромных проблем. Даже находясь далеко от эпицентра неприятностей, он умудряется ринуться в гущу событий.

Парень распахивает дверь и тянет меня за собой. Я толком ничего не понимаю. Не смотрю на мать, на отца, просто поднимаюсь по лестнице, пока Уилл подталкивает меня вперед своими крепкими руками. Вваливаюсь в комнату. Нахожу сумку.

— Ты кто такой, мать твою, — залетая в мою спальню, орет отец, — ты, что делаешь в моем доме? Какого хрена ты...

Он надвигается на Гудмена, будто цунами, но Уилл отпихивает его назад, выпустив ногу. Отец кричит, а мать пищит от ужаса. Я зажмуриваюсь, приказывая себе не смотреть на них, пусть в груди щемит и ноет. Наплевать, наплевать.

— Что происходит, Реган? — Взывает мать. — Ты куда?

— Она отдохнет немного, — отвечает за меня Уилл и облокачивается спиной о стену. Он смотрит на отца, на то, как тот корчится, держась пальцами за ребра, и достает новую сигарету. Закуривает. — Будете?

Мать хлопает мокрыми ресницами. Папа предпринимает очередную попытку как-то заорать или кинуться вперед, но у него ничего не выходит. Он лишь скатывается все ниже и ниже, в конце концов, распластавшись у дрожащих ног мамы.

— Готова?

Я не отвечаю, потому что я не готова. Тяну молнию и подхожу к Уильяму. Он криво улыбается и пропускает меня вперед. Мы выбегаем из дома, Уилл поднимает со ступеней куртку и вновь накидывает ее на свои плечи. А я гляжу на него широко распахнутыми глазами и ни черта не понимаю. Двигаться еще больно, но я все равно иду, будто бы этот парень умеет лечить одним своим безумием.

— Вот тебе первый урок, птенчик, — отрезает он, вытащив сигарету. Выдыхает дым, не спешит говорить дальше, пробуя на вкус никотин, разрушающий его молодость. — Дом не всегда там, где мы родились. И близкие не всегда те, с кем мы живем. Поэтому ты особо не расстраивайся. Еще успеешь нарыдаться, жизнь позаботится об этом.

Не знаю почему, но я киваю. Уильям открывает мне заднюю дверь, и я оказываюсь там, где не ожидала очутиться.

ГЛАВА 3.

Ярко-красные волосы Тэмзи Пол развеваются на ветру, будто бы костер, пылающий и искрящийся от вмешательства капризных струй прохладного воздуха, которые, в свою очередь, прорываются сквозь полуоткрытое окно Доджа. Она кладет ноги на приборную панель, оглядывает меня через плечо и отворачивается.

— Мы с улицы брошенных зверьков не подбираем.

О Тэмзи Пол мне известно столько же, сколько о современном искусстве. Городок не мог прийти в себя после того, как она — дочка мэра — пыталась покончить с собой, и, не просто выпив таблетки, повесившись или перерезав вены, а скинувшись с крыши их, как бы так сказать, *большого* особняка. Она пролежала в коме несколько месяцев, потом вдруг очнулась и пустилась во все тяжкие. Перекрасила волосы в красный, огненно-рыжий цвет, научилась пользоваться бордовым карандашом и подводкой. Хотя научилась ли — вопрос, конечно, спорный. Поправилась на пару килограмм, забросила учебу, друзей и все то, что для нее имело значение.

Если честно, я считаю, что у каждого человека есть причины ненавидеть эту жизнь. Порой, даже думать долго не надо, чтобы отыскать минусы, из-за которых стоит наложить на себя руки. Но выбор Тэмзи Пол был мне непонятен. Ее мать — добрейшая женщина, она посвятила свою жизнь благотворительности и церкви. Ее отец — самый богатый человек в Янгстауне. Я не исключаю того, что жизнь за порогом красивых домов отличается от той, которую нам пытаются втохоть, заливая о деньгах, роскоши и развлечениях. Но неужели у нее совсем не осталось причин жить?

В любом случае, знаменитой она была, когда я еще выпускалась из школы. Уже лет так пять я ничего о ней не слышала, и вот она сидит на переднем сидении Доджа и смотрит на меня своими раскосыми глазами обсидианового цвета.

— Привет, — нахожусь я.

Я чувствую себя по-идиотски. Машина огромная. С одной от меня стороны — Кори, с другой — улыбающийся, светловолосый парень, похожий на довольного медведя. У него на лице яркие веснушки, брови выщвели, практически белые.

— Я — Джесси!

Он улыбается еще шире и крепко пожимает мне руку. Пальцы у него длинные, но шершавые и все в мозолях. Я недоуменно киваю. Все это походит на наркоманский сон.

— Реган.

— Классное имя!

На водительском сидении Уилл. Его пальцы едва дотрагиваются до руля, пусть едем мы с огромной скоростью. Ветер в Додже стоит, как в пустыне. Мои волосы спутываются и падают мне на лицо, сколько бы раз я не пыталась их заправить за уши. Вскоре мне надоедает поправлять их, и сижу я взлохмаченная, словно ударенная током.

Мы неожиданно замолкаем.

Никто не спрашивает меня о моей жизни, не спрашивает, откуда взялась кровь на подбородке. Все замолкают и смотрят куда-то вдаль. Лишь ветер свистит и гуляет между нами, оставаясь единственной связующей нитью. В какой-то момент Уильям врубает на

магнитоле музыку, меня тянет вниз усталость своими толстенными руками, и я валюсь на плечо Кори, как на спасительную подушку, прикрыв глаза. Сейчас очнуться сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Открыть глаза, значит, обдумать все то, что со мной произошло. А я не хочу думать.

Я чувствую ветер на своей коже, зажмуриваюсь и слушаю музыку, которая, как мне кажется, пробирается внутрь моих мыслей. Такое иногда бывает: слияние. Обычный трек оказывается твоей темой, которую обязательно крутили бы в фильмах, если бы ты был его главным героем. Мне нравится это слияние. Играет та самая песня, в тот самый момент.

Тэмзи Пол больше на меня не смотрит и ничего мне не говорит. Наверняка, яд при встрече — традиция, и люди поступают так уже неосознанно, а просто потому, что надо.

По сути, ненависть отнимает много сил. Да и вообще — людям друг на друга плевать. Необязательно высказывать свое мнение о человеке. Ни тебе, ни ему это не нужно, так что глупо прилагать усилия. Всем в любом случае все равно.

— Мы отстаем от графика, — говорит Тэмзи, и я слышу, как Уильям выдыхает дым от сигареты с глухим свистом.

— Нет у нас графика. Есть наметки.

— Значит, наметки — к черту. Мы в Эри хотели попасть до девяти вечера, чтобы снять комнату пока не стукнет полночь. Но уже восемь.

— Придется ехать быстро.

— Куда быстрее, — ворчит Кори и мнетя на сидении. Из-за того, что он ерзает туда-сюда, моя голова падает с его плеча, и я нехотя выпрямляюсь. — И так ведь гоним.

— Мы плетемся, старик, — смеется старший Гудмен, — я просто не хотел тебя сразу же шокировать, вот и давал по тормозам. Но раз Тэмми говорит, что мы сбились с "*графика*", мы должны прибавить газу. С Тэмми ведь не поспоришь, верно, Тэмми?

— Да куда торопиться? — Продолжает выть Кори. — Мы ведь сами себе хозяева.

— Я — твой хозяин, — пропевает Тэмми и оборачивается, встряхнув огненно-рыжими волосами так, будто она снимается в рекламном ролике шампуня для супер-мега-драйв-суицидальных-красоток. — В девять мы должны припарковаться у аэропорта Эри.

Неужели она скинулась с крыши?

— И почему именно у аэропорта?

Да еще и в коме пролежала.

— Потому что я так сказала.

Интересно, белый шрам, пересекающий ее тонкую, темную бровь — следствие того незабываемого полета? Как это вообще было? Как она решилась? Что почувствовала? Что не почувствовала? Страшно ли умирать? Интересно ли переступить черту?

— Ты как заноза в заднице, — заключает Кори и покачивает головой, — веришь?

— Я педантичная заноза, котик, и если мы договорились в девять приехать в Эри — мы приедем в девять в Эри.

Кори закатывает глаза, а Уилл внезапно разводит в стороны руки: мол, с ней ведь не поспоришь, что уж тут. В этот момент я понимаю, что мы летим по темной, ночной трассе со скоростью семьдесят пять миль в час, а Уильям — мать его — Гудмен не сжимает в своих пальцах чертов руль. Мои глаза расширяются, и я резко подаюсь вперед.

— Эй, котик, за дорогой следи!

— Котик? — Теперь Уилл еще и вперед не смотрит, а смотрит на меня своими серыми, отчасти голубыми — не берусь судить, в салоне темно — глазами, полными вальжности и

легкомысленности, которая свойственна лишь тем, кто уже успел все потерять. Тот, кому есть, что терять, никогда не посмотрит на жизнь такими глазами: смелыми и яркими, как искры. — Ты назвала меня котик?

— Что?

— Как ты меня назвала?

— Какая разница, не гони так, окей? И смотри на дорогу, справишься?

— Нет, подожди, — парень поворачивается спиной к рулю и приподнимает ладони, — не думаю, что мне послышалось.

— Какого фига ты творишь?

— Уилл!

— Котик?

— Нет, блин, тортик!

— Ротик, — добавляет размеренным голосом Джесси. — Плотик.

— Жмотик, дротик, — продолжает Тэмми.

— Уилл, сядь нормально, — взывает Кори и закатывает глаза, — я не хочу умереть, мы ведь еще даже из штата не выехали.

— Какая разница, где умереть, — пожимает плечами Тэмзи, — все равно ведь умрешь.

— Отлично, сказала девушка, спрыгнувшая с крыши. Чувак, следи за дорогой.

— Я и так за ней слежу, просто мне захотелось узнать: послышалось мне или нет.

— И что — если не послышалось, что? — Спрашиваю я, когда Гудмен лениво переводит взгляд на дорогу. Вдруг понимаю, что угодить в неприятности в компании этих ребят куда проще, чем наткнуться на отца в плохом настроении. — Что ты сделаешь?

— Скажу, что не надо меня так называть.

— И почему?

— Потому что тогда я тоже придумаю тебе прозвище. Людям лень называть тебя по имени, и они придумывают какую-то чушь. Но чем мое имя хуже? Если хочешь со мной поговорить, называй меня Уилл или Уильям, или мистер Гудмен.

— Мистер Гудмен? — В голос усмехаюсь я. — Отлично. Но ты назвал меня "птенчик".

— И что?

— А это не прозвище?

— Ну, мне действительно лень произносить твое имя. Не обижайся. Оно идиотское. Я не встречал девушек с именем Реган. Что это вообще за имя? А Уилл — нормальное такое.

— Это ты еще не слышал мою фамилию.

— Там еще хуже?

— Гораздо.

— Реган — классное имя. — Опять вставляет свои пять копеек Джесси и замолкает, так и, продолжая улыбаться, будто у него не все дома.

— Он — поэт, — поясняет Кори, но мне это ничего не поясняет. — И музыкант. Кажется, в багажнике только его вещи и валяются. Гитара в ободранном чехле, ноты.

— Вы давно знакомы? — Спрашиваю у Джесси и прижимаю пальцами пульсирующий нос. Он до сих пор жутко болит. — С Уиллом.

— Целую вечность. Месяца два наверно.

— Большая же у вас вечность.

— В пути время идет иначе, — тянет с переднего сидения парень, — часы превращаются в недели, а недели — в месяцы.

— Я не у вас спрашивала, *мистер Гудмен*.

Уильям ничего не отвечает. Я лишь вижу, как дрогают его губы и вновь смотрю на Джесси. У этого парня не волосы, а катастрофа. Уши проколоты, а веснушки похожи на картинки, которые вам втюхивают психологи.

— В ночи они гнались за тем,
Чего не видели, но ждали,
И как бы ни манили дали,
Нет больше света в слове свет.
И был бы в этом мой ответ,
Но нет.

— Что? — Я хлопаю ресницами.

— Очередное "ничего" от Бонда, — взывает Тэмми и смеется, — Джесси Бонд, никто не понимает тебя, когда уже до тебя дойдет?

— Ты это сам придумал? Только что?

— Музыка — это ведь тоже стихи, — неожиданно задумчиво произносит парень, — я не думаю, я просто говорю, а строчки, как такты — выстраиваются самостоятельно.

— Это интересно, наверно.

— Я так выражаю то, что чувствую.

— И надоедаешь всем прилично, — усмехается Кори, — как-то он сказал мне: *и даже если ты уйдешь, ты ничего не потеряешь, скорее тогда ты пропадешь, когда решишь, что ты уйдешь*. И что это твою мать значит?

Я усмехаюсь.

— Понятия не имею.

— Зато я все понял, — говорит Уильям. Он опять курит и опять говорит развалисто и широко, как говорят люди, уверенные в собственной правоте, причем, даже тогда, когда несут они полнейшую чушь. Лицо у него делается умным, глаза сужаются, а уголки губ подрагивают от легкой ухмылки. — Человек все теряет не в тот момент, когда уходит, а когда решает уйти, птенчик. Понимаешь? То есть, твоя жизнь рушится от мыслей, потом ты бросаешь все, действуешь и так далее, но в тартарары все валится от осознания. Едва ты понимаешь, что тебе это не нужно, как оно тут же становится ненужным, и неважно: ушел ты *уже* или *еще* уйдешь.

Тэмми отнимает у парня сигарету и затягивается.

— Я должна спросить у нее.

— О чем? — Я верчу головой, смотря то на Кори, то на Уильяма. — О чем спросить?

— Это важный вопрос, подумай, прежде чем отвечать, окей? — Тэмзи Пол порывисто приближается ко мне и едва не сталкивается со мной лбом. Глаза у нее дикие. — Ты нашла Иисуса, Реган Баумгартен?

Хлопаю ресницами.

— Что?

— Тэмми, прекрати!

— Пусть ответит! Ты нашла Иисуса или нет?

— А он что — потерялся?

Девушка выпрямляет плечи и медленно расслабляется, позволив своему лицу стать не просто милым, но и довольным. Она вдруг улыбается.

— Отлично, ты прошла тест.

— А это был тест?

— А ты думала, тебя примут без вступительных экзаменов? — Уильям вновь отнимает у девушки сигарету и затягивается. — Мы ведь вольны выбирать, верно? Может, ты нам не нужна, птенчик. Хотя нет, я неправильно выразился. Может, ты испортишь нам поездку, как и мы, тебе ее испортим. Понимаешь? Это цинично в каком-то роде, но надо смотреть правде в глаза. Люди хороши в ненависти друг к другу, так зачем нам создавать подобные ситуации, а? Лучше удостовериться, что ты наш человек.

— Удостоверились?

— Это только первый тест.

— Классно. А как же мне вас проверить?

— Да как хочешь.

— Как хочу?

Уильям кивает, и я передергиваю плечами.

— Пусть каждый назовет по любимой книге.

— Сразу по сердцу метишь, Реган, — усмехается Кори, — учтите, она дерется, если кто-то обижает ее любимых авторов.

— Мы не из пугливых, — ворчит Тэмзи. — Книги, кстати, не только читать можно. Их можно жечь, складывать в красивые рядки на полках, выставлять в алфавитном порядке.

— Скорее всего, именно этим сейчас люди и занимаются, потому что гораздо легче закупить книг для красоты в комнате, чем для красоты в душе.

— Красоту в душе трудно заметить, — продолжает девушка с красными волосами.

— Знаешь что... — выдыхаю я. — Ты не прошла тест, Тэмзи.

— О, какая жалость.

— "Потерянный рай" Джона Милтона, — говорит Кори, — ну, ты и так знала.

— Скука! Ты старый, как сидения в этой машине! — Смеется Уильям.

— Как мои джинсовые шорты, — добавляет Тэмзи Пол.

— Как мир, — заключает Джесси.

Я подмигиваю другу. "Потерянный рай" — поэма не из легких, и осилить ее сможет только тот, кто ценит литературу.

— Я люблю стихи, это странно, да? Но я люблю. — Говорит Джесси Бонд. Он не знает куда деть свои руки и в итоге сводит их на груди. — В стихах больше драмы, чем в прозе.

— Думаешь?

— Короткие предложения, сказанные в мелодике, связанные по смыслу, скованные не просто единым контекстом, но и музыкой. Стихи пишут единицы, а прозу — тысячи.

— Но не всю прозу можно читать, — я пожимаю плечами. Мне нравится, что мы вдруг обсуждаем книги, а не вырез на груди Тэмзи Пол, который такой смелый, что в нем можно было бы запросто утонуть, как в море. — Ох, иногда возникает ощущение, что ты не книгу читаешь, а обмазываешь себя грязью; ну, или выливаешь себе на башку малиновый сироп.

— Не любишь любовные романы? — Уилл протягивает мне сигарету, но я покачиваю головой. Тогда он вновь затягивается. — А на вид вроде девчонка.

— Я не верю им.

— Девчонкам?

— Любовным романам.

— Почему же?

— Потому что в жизни все иначе. В жизни люди вырастают и превращаются в тех, кто

разрушает все; кто пьет, не прозябая; кто распускает руки и воняет, как кусок дерьма.

Я почему-то вспоминаю о маме. Знала ли она, с кем водится? По кому слезы льет? А Натан Баумгартен, наверняка, был симпатичным парнем. Правда, потом он превратился в похотливое, смердящее животное, сосущее из нее кровь; раздирающее в клочья ее глотку. Она ведь любила его; она, возможно, до сих пор его любит. Но кому нужна такая любовь? Больная и ненормальная. К человеку, для которого в принципе ничто не имеет значения. Зачем любить? Где заветный счастливый конец? Все это полная чушь.

— А у тебя есть любимая книга, Уилл? — Спрашиваю, встряхнув волосами. Мне вдруг кажется, что мы молчим слишком долго. Парень не смотрит на меня. Не оборачивается. Я не знаю, почему он вдруг затих и придвигаюсь к нему ближе, едва не упираясь коленями в его локоть. — Так что? Умеет ли читать Уильям Гудмен?

— Да, этому меня научили еще в школе.

— Недостаточно знать, как выглядят буквы, чтобы читать книги по-настоящему.

— А эта тема — твоя любимая, верно?

— Без книг было бы трудно. Они спасают.

— Но не любовные романы. Странная ты.

— Чтобы читать о любви, в нее нужно верить.

— А ты не веришь.

— А я — нет.

— Но ты спокойно воспринимаешь Толкиена, правильно я понимаю? Несмотря на то, что все его персонажи написаны под действием сильнейших антидепрессантов.

— Фантастику не нужно принимать за правду. Это выдумка. А любовь — вроде бы как реальное чувство. Во всяком случае, нас пытаются в этом убедить. Терпеть не могу, когда мне вешают лапшу на уши.

— Любовь — отстой, — внезапно заключает Тэмзи. Я уже и забыла о ее существовании, но девушка напоминает о себе, вновь водрузив ноги на приборную панель. — Давайте уже сменим тему, okay? Иначе я блевану.

— Как скажешь, Тэмми. Но что насчет тебя? — Уилл смотрит мне в глаза через зеркало заднего виденья. Его радужка переливается и кажется мне сверкающей, как море поздним августом: яркое, будто луной освещенное. Биолюминесценция.

— А что насчет меня?

— Какая твоя любимая книга?

— Ты о своей ни слова не сказал.

— Я просто таинственный.

— Тогда и я сохраню название в тайне.

— Какая же ты таинственная, ты обычная, птенчик. Только имя у тебя дурацкое. А так ничего примечательного. В любовь ты не веришь, потому что не встретила ее еще, но как только встретишь, прыгнешь в нее с головой, да еще и разобьешься.

Мне неприятно слышать его слова, потому я приближаюсь к нему еще ближе.

— А курить, как паровоз, бросать умные фразочки направо и налево — ново? О таких парнях, как ты, написаны сотни книг, Уилл. И если и есть в тебе тайна, то лишь в том — в какой именно момент ты расколешься и окажешься ранимым мальчиком.

— И, конечно, расколоть меня должна девушка. Верно?

— Именно. Я, может, и прыгну с утеса. Но только после того, как ты потонешь в море из собственных сопель.

— Похоже на пари, — подвывает с переднего сидения Тэмзи и улыбается, кося на меня свои огромные глазищи. Она оборачивается. — На что будем спорить?

— Что? — Прижимаюсь к Кори и недоуменно покачиваю головой. — Какое еще пари?

— Уиллу любовь не нужна, а ты в нее не веришь. Но вы оба утверждаете, что, рано или поздно, у вас снесет крышу, да так, что мама дорогая.

— Я не понимаю...

— У нас есть недели две или три. Потом мы расстанемся и больше никогда друг друга не увидим. Так вот, — Пол выхватывает сигарету из руки Уилла и затягивается так глубоко, что у нее слезятся глаза, — на что будем спорить? На деньги?

— На книги. Я ей скажу название своей любимой книги, а она мне — своей.

Тэмми ворчит и плюется, а Джесси громко выдыхает.

— Это самое скучное пари в мире, Уилл, — причитает он, — давайте все-таки разбавим приз выпивкой или деньгами.

— Если эта девушка и потеряет голову от любви, ей будет чертовски паршиво. Такие, как она не любят, а страдают. Мы будем квиты.

— Идет, — говорю я, выпрямив в спину. Мои брови ползут домиком, и я оказываюсь к лицу Гудмена так близко, что замечаю крохотные веснушки на его носу. — Я согласна.

ГЛАВА 4.

Мы приезжаем в город с закатом. Озеро поблескивает, играясь с лучами вечернего солнца. Да, такое вот Эри — гигантское, синее пятно, обрамленное зелеными деревьями и придавленное маджентовым горизонтом, уходящим далеко в бордово-рыжую синеву неба.

Я перекатываюсь через Кори, открываю окно и вытаскиваю голову наружу, вдыхая влажный воздух. Мои волосы тут же запутываются и превращаются в непослушных змей, на подобии тех, что вились у мифической медузы, но я почему-то не обращаю внимания.

Иногда, кстати, полезно не обращать внимания. Например, на то, что я бросила дом и уехала с незнакомцами черт знает куда. Да, конечно, рядом со мной Кори Гудмен, мой лучший друг. Но остальные.... Во что я себя впутываю?

Ах, не важно.

Зажмуриваюсь и слушаю, как свистит ветер. Колеса несутся вдоль прямой дороги, мы тут одни такие — дикие и безумные. Вокруг тихо, словно все люди вымерли, и никто не помешает нам слиться со звуками шелестящих веток, скользящих маленьких волн.

Но внезапно воздух разрывается от оглушающего грохота. Распахиваю глаза и вижу самолет, раскинувшийся над моей головой, будто бы гигантская птица! Он скользит вдаль и исчезает где-то впереди, оставив после себя дымчатый след.

Мы приезжаем в аэропорт ровно в девять. Выходим из машины и становимся в одну линейку около правого крыла. Жужжат моторы, свистит ветер, и мигают, будто гирлянда, огоньки на посадочной полосе, а мы стоим и смотрим вперед, ожидая чего-то или кого-то; я понятия не имею, что происходит. Пытаюсь спросить и прыгаю от одного спутника или же соседа к другому, но на меня не реагируют, лишь отмахиваются. В конце концов, я без особого желанья замолкаю, остановившись вплотную к машине, опираюсь спиной о дверь и искоса наблюдаю за своими попутчиками.

Джесси оказывается гораздо ниже, чем я представляла. А волосы в вечернем свете у него не просто светлые, а золотисто-желтые, как колосья в Техасе. Тэмзи Пол уж чересчур возбужденная. У нее трясутся колени, да и тело ее трясется, будто она жаждет чего-то так сильно, что сейчас взвалится на асфальт и начнет колотить по нему кулаками. Руки у нее в два раза больше моих, но талия — сплошной изгиб, как осина, и зависть тут же пробирает меня до костей, ведь я скорее квадратная, пусть и худощавая, словно иссушенный лимон.

Кори нервничает, потому что, так же как и я, ни черта не понимает. Он смотрит то на меня, то на брата и постукивает носком кроссовок по асфальту, внутри, наверняка, танцуя и отжигая фламенко. И что-то мне подсказывает, что приключения не для всех лечение от скуки и недугов. Иногда волнение порождает эти недуги. Как, например, эта нервозность Кори Гудмена: мальчика, дышащего громче, чем жужжат самолеты при посадке. В этом его странном предубеждении, словно случится худшее из того, что с нами вообще может случиться, и заключается суть моего лучшего друга. Он не был бы Кори Гудменом, если бы не думал по сто раз прежде чем сказать что-то или сделать что-то; не был бы он Кори Гудменом, если бы не стеснялся и не боялся своих же мыслей. Умные люди — трусы, на самом-то деле. Они слишком много понимают, и оттого жизнь им видится не каруселью, а американскими горками, на которых катаешься не пристегнутый и обреченный. Я бы не узнала его, если бы он не тарабанил пальцами по карману своих джинс и не дергал носом, будто бы ему щекотно. Кори думает — как и все умные люди — и потому накручивает себя, словно прямо сейчас самолет не приземлится рядом с нами, а рухнет на землю, спикирует прямо на наши головы.

Спокойным остается только старший Уильям Гудмен. Сигарета, зажатая в его зубах, не зажжена. Она просто торчит там, будто модный атрибут, который придает ему грации и странной авторитетности, которая только в нашем времени связана с табачным дымом, а не с характером человека. Хотя, и характер у него что надо. Я уверена. Покатые плечи, но взгляд — прямой, как у ястреба. Того гляди, и сорвется с места за своей добычей! Все это в моей голове никак не укладывается, Уильям — парень ленивый, обычный, в широченных штанах, не то, чтобы мятых, но старых, словно выкраденных у пилигрима, прибывшего на Мэйфлауэре. По виду его сказать можно, что в карманах у него ни цента, пусть в глазах и горит огонь неистовый и горячий; огонь какого-то безумия.

Джесси наплевать, куда его жизнь закинет; Тэмми во всем ищет выгоду; Кори, пусть наивно и глупо, но тянется за своим братом, стараясь ему соответствовать, хотя совсем на него не похож. А Уилл — он нацелен набраться впечатлений, неприятностей; нацелен здесь не просто стоять, не просто быть, а дышать, смотреть, слышать, чувствовать. Он смотрит на дорогу, стискивает в зубах эту сигарету, а его ленивый взгляд испепеляет, как испепеляет все вокруг ленивое солнце.

Неожиданно издалека на нас идут два человека. Они похожи на крадущихся крыс, то и дело, глядят по сторонам, вынюхивая запах неприятностей. Ничего с ними, собственно, не происходит. Они останавливаются напротив Уилла и протягивают ему чемодан.

Я переминаюсь с ноги на ногу.

— Тут все.

Классно. Уильям — криминальный авторитет.

— Мне стоит перепроверить? — Парень делает шаг вперед, плечи не расправляет, но он выше их на голову. — Шутить не будем, верно? Мы, ребята, проблем не ищем.

Только я замечаю блеск в его глазах? Уильям Гудмен, проблемы — наркотик, и ты не

можешь без них, потому что любишь жизнь, а жизнь и есть — одна огромная проблема.

— О чем ты толкуешь? Какие проблемы, чувак, сегодня мы ждем тебя, как обычно, и друзей приводи, окей? Мы на шее Лэвви, он кутит сегодня к полуночи в клубе Рэя.

— Заметано.

Они больше ничего не говорят, руки пожимают и обмениваются взглядами, а затем мы усаживаемся в Додж и трогаемся с места так быстро, что тормоза визжат, а пыль тут же опоясывает покрышки.

— И что в чемодане? — Спрашивает Кори, опередив меня на несколько секунд. — Тебя ведь не угораздило влететь в какую-то дерьмовую ситуацию, Уилл?

— Что значит — дерьмовую? Если так рассуждать, то все ситуации — дерьмо. А я как бы провернул отличную сделку. Я нам создаю воспоминания, ребята, и поверьте, вы, как и я, навсегда запомните эту поездку.

— Но что в чемодане?

— Катализаторы.

— Не понял.

— Ускорители удовольствия, брат мой. — Уильям кивает Тэмми, и она поджигает его сигарету с таким важным видом, будто бы натирает зад самому Папе Римскому. — Ты так боишься жить, но ты ничего о жизни не знаешь. Рисковать — это не набираться проблем, а попробовать, уяснил? Если ты не откусишь кусок от торта, как ты узнаешь, какой он? А? Ну, ответь мне, как? Никак, Кори, нет, черт подери. Чтобы начать жить, нужно хорошенько и отчаянно рискнуть.

— И мы сейчас все здесь рискуем?

— Да, вы рискуете хорошо провести время.

— Но...

— О, хватит ныть, котик, — вопит Тэмзи и встряхивает огненными волосами, — ты, как стонущая старуха, ей богу. Успокойся, Кори. Что бы с нами ни случилось, я уверена, тебе будет приятно.

Не знаю, как реагировать. Просто молчу, прислушиваясь к тому, как перекатываются шарики в моей голове: "за" и "против". Выпрыгнуть из салона прямо сейчас, или доехать до мотеля и слинять уже оттуда?

— Птенчик, на меня посмотри, — мы встречаемся взглядами в зеркале заднего вида, и Уильям криво улыбается, отчего его сигарета едва не валится на колени. — Я вас в обиду не дам, окей? Ты просто знай это. Я — хороший парень. Иногда.

— И в какой такой момент я стала "своей"?

— Да сразу же, птенчик. Жизнь не сводит нас с кем попало. Если мы сидим с тобой в одной машине, значит, мы должны здесь сидеть. Понимаешь? К разочарованию это или к чему-то другому — это правильно.

Мы останавливаемся в мотеле на углу центральной улицы. Заваливаемся в комнату и обнаруживаем пять вытянутых, узких кроватей, сдвинутых в одну огромную постель. Я не знаю, зачем так сделали, и меня не радует мысль засыпать рядом с полуголой Тэмзи Пол. Бросаю на пол куртку, затем рюкзак. Джесси прижимает к себе чехол с гитарой, а на лице Уильяма читается невероятное спокойствие, будто бы мы попали в номер-люкс.

— Окей, делаем то, что задумали, и на вечеринку.

— А что мы задумали?

— Садись, птенчик, — ладони у Уилла широкие и гигантские, и когда они оказываются

на моих бедрах, я невольно отстраняюсь, потому что боюсь находиться к нему так близко.

Мы рассаживаемся по кругу. Старший Гудмен достает какие-то листочки и довольно перемешивает их в кепке. Я наблюдаю за этим скептически.

— Сейчас выбирать будем, — поясняет мне Кори, но я лишь вскидываю брови, — мы так развлекаемся, чтобы дорога веселей была, Реган. Чье имя выпадет — тот выполняет любые задания и поручения, которые остальные ему придумают. И так до следующего города, и мы вытягиваем имя вновь.

— Странные у вас развлечения.

— А тебе лишь бы по клубам ходить да шлюх снимать, да? — Хохочет Уилл и смотрит на меня пристально. — Прости, мы еще и древние, предпочитаем развлекаться как в былые времена, когда снимать шлюх не было модно.

Я корчу гримасу, а потом сжимаю в кулаки пальцы. Надеюсь, меня пронесет, потому что я не в настроении делать все, что мне прикажут эти сумасшедшие. Я на них совсем не похожа, прыгать с утеса голышом, кричать во всю глотку и курить марихуану не смогу, да и не захочу. Сглатываю, когда Вильгельм Завоевать достает бумажку из кепки.

Он вдруг смеется.

— Что! — Распахивает глаза Тэмми. — Не может быть, она? Я в ауте.

— Она? — Я подаюсь вперед и вырываю листочек из его пальцев. Читаю: *Реган*. Ох, ну как так? Черт! Перевожу взгляд на Уильяма, горблюсь и сужаю глаза от странного чувства в груди, будто меня жутко подставили. — Серьезно? Я? Это рок какой-то.

— Это судьба, птенчик. Собираемся, давайте, давайте, нет времени, мы ведь стареем, черт вас всех дери. А вы зад свой поднять не можете.

Говоря это, он прыгает вокруг нас, как сумасшедший, эмоционально жестикулирует и спотыкается о брошенные сумки. В конце концов, он обнимает за плечи Тэмми, и она не просто становится красной, а превращается в пунцовый, пульсирующий помидор.

— Я устала, правда, — признаюсь я, — день был долгим. Хочется отдохнуть.

— Чего хочется? — Уилл отпускает Тэмзи, она делается обиженной, а Кори усмехается и подбивает меня плечом. — Мы не отдыхать сюда ехали, птенчик.

— Но я спать хочу.

— А ты расхоти.

— Не расхочу.

— Так, Реган Как-тебя-там, вставай и собирайся. Я настаиваю, услышала? Это задание и ты обязана его выполнить.

Джесси хихикает, а мой лучший друг в сдающемся жесте приподнимает руки, мол, я тут не причем. Сопrotивляюсь еще пару минут, а потом мне говорят, что в наказание мне придется бежать за машиной завтра утром, когда все двинется в путь, и Джесси подавлено признается, что уже как-то бежал за машиной, и это не шутки. Не знаю, почему в качестве протеста, я не падаю на пол и не придавливаю руки по швам к ногам, ведь мне реально ну очень хочется спать. Но я соглашаюсь и принимаю душ, героически сдерживаясь от крика в горле, ведь по стенам носятся отвратительные мухоловки.

Мы плетемся вдоль темной улицы, и люди в странной одежде идут рядом с нами, но мы не знаем их имен, пусть и общаемся с ними. Уилл что-то спрашивает у девушки, у нее губы краснющие и пухлые, как у местной королевы бала. Они так блестят, словно она не блеском для губ их намазала, а звездной пылью. У другой девушки широкая юбка, как у дев семидесятых. Я осматриваю их скептически, а затем вижу парня в приталенном синем

пиджаке с желтым галстуком и вовсе теряюсь. На мне черт подери джинсы.

Почему тут все так странно одеты?

Как толпа сумасшедших, сбежавших подростков, мы плетемся по темным улицам, но мы их освещаем своими яркими костюмами. Ну, все кроме меня. На Кори странные штаны, блин, я и не обратила на них внимания! Только сейчас понимаю, что они в белую полоску. Какого черта?

— Что тут происходит? — Я пихаю друга в бок, а он хихикает с Джесси, не обращая на меня внимания. На Джесси кстати белая рубаша, выпущенная из штанов и свисающая чуть ли не до колен. Волосы он расчесывал часа полтора, но добился лишь того, что торчат они не в разные стороны, а в одну. — Кто все эти люди?

С каждой минутой нас становится больше. Справа, слева прибавляются незнакомцы.

Я искоса гляжу на Тэмми. Она в той же самой майке, что вульгарно подчеркивает ее "индивидуальность". Но еще на ней юбка средней длины и туфли. Туфли! Древние какие-то, ношенные, но натертые до блеска. Я засовываю пальцы в карманы джинс и плетусь, уже не просто сожалея о том, что пошла с ребятами, но еще и о том, что проигнорировала их возгласы вроде тех, что на мне костюм монахини. Я не думала, что они серьезно. Думала, они шутят. Теперь я сомневаюсь.

Уилл подхватывает под локоть незнакомку, которая опирается об него всем телом, и подмигивает мне, будто бы уличил меня в чем-то непристойном. Я тут же отворачиваюсь.

Иду за толпой и молчу. Мы спускаемся в какой-то подвал, тут пахнет потом, а еще тут пахнет какой-то мятой, а в воздухе витают бело-серые узоры, сотканые из паров, что выдыхают мужчины и женщины. Я слышу музыку, но необычную. Она не вырывается из колонок, не гремит в ушах, и, когда я, наконец, оказываюсь в небольшом помещении, я понимаю, что музыка льется со сцены. На ней пританцовывает несколько мужчин, одежда у них мокрая от пота, кожа ярко блестит, как и глаза. Один бьет по барабанам, второй изо всех сил сжимает в пальцах гитару, по ней капли катятся, падающие с его подбородка, а третий играет на саксофоне, издеваясь над ним и мучая его, да так, что каждый, кто здесь находится, не сидит на месте, а танцует до изнеможения.

Я растерянно хлопаю ресницами.

О джазе я знаю лишь то, что от него сносит крышу. Так я, по крайней мере, думаю. Я никогда прежде не бывала в подобных клубах и, и если и танцевала под блюз, то дома, где никто меня не видел, и никто мне не мешал слушать "Beatles" и причислять себя к давно забытой касте ревущего поколения.

Уильям здоровается с людьми, будто хорошо их знает. Кричит направо и налево: да, конечно, привет, салют, а мы плетемся за ним, будто паровоз. Только Тэмзи Пол уверенно выходит вперед на правах главной девушки в нашей компании и не упускает возможности облокотиться на Уилла, когда тот улыбается кому-то или пожимает руку.

Мы усаживаемся за круглый, деревянный стол, а Уилл обнимается с мужчиной, что на сцене играл на саксофоне. Этот мужчина тучный, а кожа у него такая же темная, как и душа самого Уильяма Гудмена. Но улыбаются они оба так, словно счастливы, словно этот момент действительно важен для обоих, и между ними гораздо больше, чем просто давнее знакомство. Уилл так жмет этому мужчине руку, что сразу понятно — он уважает его, и он его ценит. Второй рукой он похлопывает музыканта по лопатке, потом накрывает их туго сжатые ладони и кивает.

— Рад встречи, Рэй Декарпентер.

— Уильям Гудмен, мальчишка, какими судьбами? — Он колошматит его волосы. — Ты ведь не просто так пришел навестить старину, Рэй. Верно? Что у тебя?

— Обижаешь.

— Признавайся, черт! Все знают, выбирая между безумием и джазом, ты выбираешь безумие, хотя, бог знает, это одно и то же.

— Я живу ради безумия, чертас два.

— А, значит, ради блюза, мальчишка, верно? Что это у тебя? — Он смотрит на чемодан, что нам передали парни в аэропорте. — Тебя тут ждут, как Санта-Клауса, Уилл. Что на сей раз, ты приготовил, признавайся.

Я подпираю ладонью подбородок и с интересом наблюдаю за старшим Гудменом. У него ямочки появляются на щеках каждый раз, когда Рэй похлопывает его по плечу.

Парень открывает чемодан, и я прикрываю глаза, ведь думаю, что там наркотики или что-то еще более незаконное. Катализаторы удовольствия, хм? Ну, естественно, речь идет о чем-то нелегальном и дурманящим голову.

Но Уилл достает из чемодана музыкальные пластинки. Он передает их чернокожему мужчине с таким видом, словно отыскал Святой Грааль, глаза у него искрятся, как костер.

— Это начало, Рэй, только подумай. Зарождение целой эпохи в твоих руках, старик, у тебя в руках история, чувствуешь? Тяжело держать.

Темнокожий мужчина распахивает глаза. Изучает пластинки и выпрямляется резко и порывисто, будто кто-то вклеил ему оплеуху. Он смотрит в глаза Гудмена.

— Шутишь что ли...

— Что там? — Кори приподнимается. — Что за мусор?

— Мусор? Я — старик, но драться еще умею, услышал? Приструни мальчишку. Он тут мусором "короля рок-н-ролла" называет! Этот мусор определил жизни тысяч людей, этот мусор и сейчас нашу жизнь определяет. Смотришь в глаза красотки и думаешь: *я не могу не влюбиться в тебя*. А потом шепчешь ей на ухо сбившимся голосом: *люби меня нежно*, несешься по дороге под струны его изнашивающей от усталости гитары, сбиваешь до крови ноги, вытанцовывая под ритм, когда-то стучащий в его огромном, музыкальном сердце.

— Элвис?

— Не просто Элвис. — Мужчина подходит ко мне и улыбается широко-широко, и его белоснежные зубы выделяются на фоне темного лица. — *Элвис Пресли*. Имя того человека, которого уважаешь, называй полностью, потому что в этот момент происходит какая-то магия, девочка. Ты проговариваешь его имя и становишься к нему ближе. *Элвис Пресли*.

Я хмыкаю, а старший Гудмен складывает на груди руки и усмехается. На нем белая майка и рубашка. Он закатывает рукава.

— Выпьем?

— Спрашиваешь?

Джесси хватает гитару, выбегает на сцену, а Рэй Декарпентер достает пластинку. Не знаю, почему Бонд выплелся играть, ведь мы будем слушать музыку с патефона? Но затем я понимаю, что он, как и каждый в этом зале, отрывается от земли, чтобы достать звезды с неба, пусть это невозможно. Когда еще сыграешь с Элвисом Пресли? Звучит музыка, мой новый знакомый с катастрофически взлохмаченными волосами принимается играть, и мне вдруг становится так горячо и хорошо, что я улыбаюсь, слегка сгорбив спину.

Пластинки настолько старые, что они трещат. Я слышу голос "короля рок-н-ролла", который говорит что-то между куплетами, а на фоне разрывается овациями зал, и люди не

просто поют, они кричат, и я представляю, как многотысячная толпа тянет вперед руки, чтобы дотронуться до легенды.

Тэмми вскакивает с места, прежде осушив рюмку с чем-то прозрачным, и прыгает в руки Уильяма, словно в сети. Он тащит ее в центр зала, прижимает к себе и приподнимает над полом так, будто она ничего не весит. Люди танцуют, шелестят юбки, а пол дрожит от того, как громко стучат о покрытие женские каблуки. Сопротивляюсь, говорю, что посижу за столом, пока все развлекаются, но Кори силой стаскивает меня с места.

— Я не умею.

— Я тоже! — Смеется друг и начинает нелепо вертеть ногами.

— О, Боже, я этого не выдержу, прекрати, я ослепла, слышишь? Ослепла!

Но Гудмен не обращает внимания. Берет меня за руки и так пляшет, что, наверняка, собирается протереть в покрытии дыру размером с Африку. Я хохочу, а он прокручивает меня под своей рукой и тянет на себя. Мы нелепо и неуклюже припрыгиваем, смеемся, да так, что живот болит, и представляем себя совсем другими людьми. Я забываю, что на мне эти чертовы джинсы. Я верчу руками и в воображении перебираю пальцами край юбки, и мои глаза закрываются, и пот скатывается по шее, и я слышу, как разрывается гитара, как скрипит старый патефон, и чувствую нечто такое, чего раньше никогда не испытывала: я часть чего-то огромного. Я улыбаюсь чужим людям, а они улыбаются мне. Женщина меня к себе прижимает, хватая за руку и танцует со мной, будто бы мы лучшие подруги, а я не отталкиваю ее, потому что мне на удивление так хорошо, что в груди тепло.

Приподнимаю подбородок, вижу, что на сцену вышел Рэй и еще один мужчина, тот, который играет на барабанах. Он рьяно бьет палочками по том-тому, и в разные стороны разлетаются капли пота, уже успевшие собраться на плотном покрытии. Его лицо красное, а лицо Рэй Декарпентера блестящее от пота. Я тоже вспотела. Я вдруг вновь оказываюсь в руках Кори, и он смеется так громко, что у меня закладывает уши. Ноги заплетаются.

Гляжу за его спину и замечаю Уилла с Тэмми. В их движениях столько экспрессии, что страшно даже рядом находиться. Оттого вокруг них — свободное пространство. Тэмзи вся пунцовая, а на лице Уильяма ни намек на усталость. Ловко он, то встает на носки, то вновь приземляется на ступни, то нагибается над прогнившим покрытием, то вспархивает и касается длинными пальцами горячего потолка.

Вверху скопился дым от сигар. Он плавает над головами, будто спутавшиеся мысли.

Я протираю ладонями лицо и улыбаюсь:

— Я выйду, подышу.

— Что?

— Выйду на улицу!

Музыка все еще играет и горит, как костер. А люди, будто подоженные спички, не тухнут, а светят все ярче и ярче. Пробираюсь к выходу, ноги ноют от приятной усталости. Я почему-то улыбаюсь, ведь ничего бы этого не было, если бы я не села вчера в машину к этим сумасшедшим. Поднимаюсь по лестнице, сталкиваюсь с какой-то целующейся парой и аккуратно обхожу ее стороной. Парень так прилип к своей девушке, что вот-вот высосет из нее всю жизнь. А ей нравится. Странно.

Наконец, оказываюсь снаружи. Облокачиваюсь спиной о стену и прикрываю глаза. Я устала, но я рада, что пришла. Необычное ощущение.

— Видимо, тебе не только любовные романы не нравятся. — Говорит знакомый голос, и я оборачиваюсь. Рядом оказывается Уильям Гудмен, и он как всегда стискивается во рту

сигарету. — Что насчет книжек об изнасиловании?

— И что в них такого?

— В них насилуют.

— Некоторым это нравится. — Я вспоминаю о парочке, которая обжималась на входе, но почему-то Уилл довольно вскидывает брови и усмехается. — И не мечтай.

— В смысле?

— Ну, а что у тебя за взгляд?

— Какой еще такой взгляд?

— Тебе лучше знать. — Я отворачиваюсь и втягиваю в легкие прохладный воздух. Ох, как же приятно. Кожа буквально пылает, а вечер остужает ее, и ощущаю я себя хрупкой и растаявшей, как мороженое. — Я говорила о тех ребятах, что целуются у дверей. Парень не просто обнимает подружку. Кажется, он ее душит.

— Это называется — страсть.

— Желание кого-то удушить?

— В некоторых извращенных фантазиях.

— Я почему-то не сомневалась, что ты так ответишь. — Я вновь смотрю на парня, а он к моему огромному удивлению стоит рядом и тоже на меня смотрит. Лицо у него сейчас в блестящих капельках, а глаза мутные и горящие. — Знаешь, я хотела тебе сказать...

— Скажи.

— Спасибо. — Гудмен сводит брови, а я пожимаю плечами. — Ты спас меня от предков, позволил поехать с вами. Я знаю, что подружка Кори не вписывалась в ваши планы.

— Благодарить меня за то, что я врезал твоему отцу? — Уилл отворачивается и глухо выдыхает дым от сигареты. Вид у него делается какой-то растерянный. — Чего ты ждала?

— В смысле?

— Ты застряла в этом городке с уродами, которые тянули тебя вниз. Но ты не рвалась наружу, ты чего-то ждала.

— Я надеялась, что...

— Надеялась, — фыркает Уилл, — на надежде далеко не уедешь. Чтобы уехать, нужно подняться с места, взять ключи и завести двигатель, птенчик.

— Ты ничего обо мне не знаешь.

— Я знаю о тебе много. И без рассказов Кори. Ты из тех, кто чего-то стоит, но ничего не делает. Тебе нос разбил родной отец, а ты уезжать не хотела. Да ты должна была тогда вцепиться в мою ногу и заставить меня вытащить тебя из этого дерьма.

— Ого, крутой ты. Уже выпил?

— Ага. — Уилл шмыгает носом и усмехается. — Я красноречив?

— *"Вытащить тебя из этого дерьма!"* — С выражением повторяю я и киваю. — Я тебе почти поверила. Если бы ты еще добавил: *"Человек — хозяин своей судьбы!"*, я бы вообще растаяла, серьезно.

— А ты не пьешь?

— Станный вопрос.

— Почему? Все пьют.

— Да, все, и мой отец, который разбил мне нос, как ты сказал.

— Так это самоотрицание.

— Нет, это нежелание походить на животное.

— Такое ощущение, что я разговариваю со своей мамой. — На лице парня появляется

нахальная улыбка, и он придвигается ко мне так близко, что нас разделяют сантиметры, а, может, и миллиметры. Плечом он опирается о стену. В правой руке сжимает сигарету. Его голубые глаза с интересом меня изучают. — Необязательно избивать дочерей после одной или двух рюмок, птенчик. Люди пьют, чтобы расслабиться, а тебе нужно расслабиться. Ты выглядишь уставшей.

— Я же сказала — день был длинный.

— Ты выглядишь уставшей от жизни.

Поджимаю губы и медленно отвечаю:

— Жизнь тоже оказалась длинной.

— Тебе и тридцати нет.

— Но мне уже хватило.

— Ничего ты не понимаешь, птенчик, — уголки его губ дрогают, — а, может, просто не почувствовала. От нас зависит, какая наша жизнь. И от нас зависит, нравится она нам или нет. Тебе она не нравится, потому что ты ничего не испытала. А я боюсь умереть, правда.

— Тебе нравится жить?

— Честно? Жизнь — дерьмо. Но она не перестает меня удивлять, а это я люблю.

— Хм..., - я прикасаюсь щекой к стене и с интересом изучаю глаза парня, — ты сегодня выговорил фамилию Рэя. Она длинная, очень. И сложная. Ты его уважаешь.

— Рэй Декарпентер — не человек. Он — музыка. Живая, с ногами и руками.

— Он тебя удивил.

— Правильно, птенчик.

— Моя фамилия Баумгартен.

Уильям усмехается, и я почему-то тоже улыбаюсь.

— Кошмар, птенчик. Просто кошмар. Но я ее запомню.

— Запомнишь? — Недоуменно пожимаю плечами. — Почему?

— Мне кажется, ты меня тоже удивишь.

ГЛАВА 5.

Когда я открываю глаза, я вижу переплетение чьих-то рук и ног; слышу сопение. Так ли сложно понять, где ты находишься? Сложно. Добрые десять минут я в ужасе плююсь на руку, покоящуюся на моем плече, и ничего не понимаю. Затем голову прошибают грубо и безжалостно воспоминания о прошедшем дне, и как назло от боли завывает нос.

Чертыхаясь, приподнимаюсь. Ладонь Кори падает с моего плеча, и я оказываюсь на свободе. Слезая с кровати, где тесно прижавшись друг к другу, лежат ребята и почему-то громко усмехаюсь. Какая нелепость! Непроизвольно я достаю из кармана телефон. Глупо, наверно, все это, по-ребячески. Но я фотографирую смятое, как подушка, лицо Тэмзи Пол. В разных ракурсах, естественно. То близко, то далеко. Затем запечатляю заломанные руки Джесси. Ей Богу! Этот парень без костей! Сейчас он больше похож на труп. Как и Кори. Я подхожу к другу и смеюсь, прикрыв пальцами губы. У него глаза полуоткрыты, как и рот, и дышит он так, словно снится ему погоня, как минимум! Я перемещаюсь немного в бок и оказываюсь рядом с Уиллом. Он вдруг переворачивается, и я боюсь, что разбудила его, но нет. Парень просто подминает под себя одеяло, всхлипывает как-то по-детски и надувает губы. О, господи, за такое ведь душу дьяволу можно отдать! Беззащитный и милый Уилл Гудмен. На лице у него отпечатались складки от подушки... Не хватает только нимба над

головой. Я опускаю телефон и задумчиво изучаю его лицо. Уильям красивый. Странно, я замечаю это только сейчас. У него острый, заросший подбородок. Широкие плечи. Сейчас он лишь в майке, и я вижу накаченные руки.

Черт. Отворачиваюсь и встряхиваю головой. Чем я вообще занимаюсь?

Плетусь в ванную комнату и с сожалением осматриваю свое отражение. Черт, я уже и забыла, что у меня на переносице синюшная гематома. Папа классно постарался. Даже и не знаю, сколько должно пройти времени, прежде чем синяк полностью сойдет на нет. Не думаю, что это серьезно, но стоило бы и врачу показать.

Умываюсь и вытираю лицо каким-то сероватым полотенцем. Оно неприятно пахнет. Умываюсь еще раз и возвращаюсь в комнату с мокрым лицом. Лишь сейчас чувствую этот запах алкоголя и сигарет. Родной запах, который я ненавижу, но я не испытываю злости. Я сама села в машину к Гудмену, и жаловаться сейчас — глупость.

Я завязываю волосы в тугий пучок и сменяю футболку на ту, что успела забросить в рюкзак. Она почти чистая, и я почти хорошо пахну. Нахожу деньги в кармане и плетусь к выходу. Мне вдруг кажется, что я должна как-то отблагодарить ребят за то, что они меня с собой взяли, пусть Уилл вчера никак и не отреагировал на мои слова.

Мотель находится рядом с супермаркетом, но я не спешу. Иду вдоль улицы и гляжу по сторонам с особым интересом. Я никогда раньше не выезжала из Янгстауна. Быть тут, а не прозябать в четырех стенах — уже чудо. Новые улицы, здания, даже небо мне кажется новым. Я запрокидываю голову и смотрю на него, улыбаясь.

Впервые я ощущаю себя свободной, что ли.

Прохожу в магазин и тщательно выбираю еду, словно раньше ее никогда не видела и сейчас собираюсь на званый ужин. На самом деле, денег у меня мало. Поэтому я покупаю лишь печенье и какие-то мятные конфеты.

Вернувшись в номер мотеля, вдруг обнаруживаю, что все пять смещенных кроватей опустели. Джесси что-то перебирает в вещах, Уилла и Тэмми не видно, как и Кори.

— Привет. — Я закрываю дверь и кладу на столик печенье. — А где все?

— Уилл и Тэмми моются, а Кори пошел за машиной.

Киваю, а затем вскидываю брови.

— Что делают Уилл и Тэмми?

— Моются.

— Но ванна одна...

Джесси выпрямляется и пожимает плечами.

— Ну да.

Трудно спорить с человеком о том, что для тебя представляется диким, в то время как на его лице пребывает хваленое спокойствие. Поэтому я просто еще раз киваю и тихо присаживаюсь на кровать, подогнув под себя колени. Уилл и Тэмми вместе? Странно. Не секрет, что Пол тянется к парню, как будто бы он центр ее вселенной, магнит, огонь или, о чем там еще говорят, когда описывают безнадежно влюбленных девчонок? Но Уильям на нее даже не смотрел. Что ж, придется признать, что этому парню действительно все равно на то, с кем отрываться.

Не знаю, почему я чувствую себя сбитой с толку. Интрижки вполне в стиле Уилла.

Достаю конфету и прожевываю ее, прожигая взглядом дверь ванной. Черт подери, я ощущаю себя неловко. Мы тут с Джесси вещи разбираем, а Уильям с Тэмзи намыливают друг другу спинку. И не только спинку.

— Тебя это пугает, верно? — Неожиданно спрашивает Джесси Бонд, и я приподнимаю подбородок. — То, что мы творим. Но ты еще ничего и не видела, Реган.

— Ты про совместный душ?

— У тебя ведь бывают безумные идеи?

— Ну да.

— Они приходят к тебе в голову, и ты о них забываешь. Правильно? А Уилл никогда не откидывает их в дальний ящик. Едва ему фигня стукнет, он тут же ее осуществляет, не думая, и все такое. Просто делает.

— Я не против. Это его дело.

— Верно. Просто это странно. Он — странный.

— Наверно. — Я киваю и обхватываю пальцами колени. С интересом осматриваю лицо Бонда: несмотря на то, что фамилия у него, как у агента 007, похож он на тихоню. Милый и добрый, как совсем еще юный мальчик, ничего не знающий о жизни. Но я помню, как он вчера стоял на стене, как гитара рычала в его руках, и уж кем бы он вчера и был, то точно не тихоней. — Откуда ты знаешь Уилла?

— Он подобрал меня после концерта. Я шлялся по улице, Гудмен оказался рядом.

— Почему ты шлялся по улице?

— Парни меня кинули.

— В смысле?

— Ну, концерт был наш. Группа "Смертельная Лихорадка", слышала?

— Прости, нет.

— Не извиняйся, никто не слышал. Я просто хотел убедиться. — Парень садится рядом со мной и поправляет длинные, кучерявые волосы. — Мы выступали в небольшом клубе, я вышел, чтобы выпить, а когда вернулся — ребята испарились. Я выбежал на улицу, а тачки нет. Тогда я встретил Уилла. Он сказал, что видел, как парни укатили из клуба.

— О, Джесси, — я вся сжимаюсь, и мне становится неловко, — черт, мне жаль.

— Да брось, они были те еще кретины. Им не нравились мои песни. Говорить ведь не умеют сейчас люди. Для этого в глаза нужно смотреть. Вот они и бросили меня.

— Уилл вовремя оказался рядом.

— Да, у него будто встроено инопланетное моджо, и он чувствует, когда нужно рядом с человеком очутиться, чтобы спасти его. История с Тэмми тоже ведь невеселая, да и ты, у тебя отец — ублюдок. Так что, Уилл — мать его — святой какой-то.

— А что с Тэмми?

Неожиданно дверь ванной распаивается и через порог переступает покачивающаяся Тэмзи. Ее фигуристое тело обвернуто в полотенце. Она проходит мимо меня и усмехается, словно я сказала что-то смешное. Но я ведь молчала. Не понимаю.

Девушка вдруг сбрасывает с себя полотенце, оказавшись полностью голой. Она тихо напевает себе что-то под нос, наклоняется над сумкой и ищет белье. Я оторопело гляжу на нее и раскрываю рот, чтобы отвесить какое-то замечание, но все слова застревают в горле.

Следом выкатывается Уильям. К счастью, на нем растянутые штаны. Уже лучше. Не смотрю на Тэмми, а он смотрит. Хихикает и закатывает глаза:

— Зад отморозишь, Тэмми!

— Чего не сделаешь ради тебя, котик.

Только сейчас я замечаю, что волосы у девушки не красные, а зеленые. Черта с два. Я встряхиваю головой и восклицаю:

— Ого!

— Так впечатлил мой зад? — Интересуется Тэмзи, натягивая трусы.

— У тебя волосы зеленые! Даже бирюзовые какие-то.

— Я знаю.

— Знаешь?

— Да, я перекрашиваю их, когда меняется настроение.

— И какое же у тебя сейчас настроение, что волосы похожи на водоросли? — Джесси покачивает головой. — Ты, как русалка, милая моя. Морская нимфа.

Морское чудовище — почему-то думаю я. Не понимаю, что движет такими людьми. Это ведь не смелость, это чистой воды безумие.

— Машина готова, — врываясь в комнату, сообщает Кори. Выглядит он всполошенным и не выспавшимся, — доброе утро. Куда ты пропала?

— Я в магазине была.

— Ого, чего ты раньше молчала? — Воскликает Уильям и в один прыжок оказывается рядом. Я протягиваю ему печенье, и в глазах у него вспыхивает почти детская радость.

— Любишь печенье?

— Люблю еду. Особенно бесплатную.

— Да, халява — это всегда круто, — без особо энтузиазма шепчу я и почему-то гляжу на Тэмми. Так ли круто встречаться с девушкой, которую не надо добиваться? Которая будет рядом, даже если ты в ней не нуждаешься? Возможно, для парня это удачная сделка. Но я не понимаю таких девушек. Да, в любовь я не верю, но я верю в уважение. Но как человек начнет тебя уважать, если ты сама себя не уважаешь? — О чем задумалась, птенчик?

— Ни о чем.

— Ты еще и лгунья.

Я не отвечаю. Игриво пожимаю плечами и поднимаюсь с постели. Опускаюсь рядом с рюкзаком на колени и проверяю, забросила ли я зарядку от телефона.

— Слушайте, мы ведь выбираем несчастного-слугу-беднягу каждый раз, когда едем в новый город, верно? — Вдруг спрашивает Кори и замирает в центре узкой комнаты. — Так, может, и сейчас перетасуем карточки. Реган, в конце концов, новенькая в компании.

— И что? — Не понимает Тэмзи. — Она навсегда новенькой останется. Теперь ей что ли не играть с нами в несчастного-слугу-беднягу?

Я не показываю, что ее слова задевают меня. Что значит, навсегда останусь новой? Я ведь не первая, кто внезапно ворвался в их компанию. Они так и с Джесси познакомились, и с Тэмми, скорее всего. Я киваю Кори.

— Да, я не прочь сменить игрока.

Друг улыбается мне.

— Это не удивительно, — смеется Тэмми, — ты трусливая. Вот и боишься всего подряд.

— С чего это я трусливая?

— А что — нет?

Я собираюсь ответить, но рядом оказывается Уилл и размахивает руками в стороны.

— Окей, перетасуем. Я не против, Кори прав. Птенчик новенькая. Дадим ей еще один шанс, договорились? — Он падает на кровать и достает из сумки кепку с листочками. — Ты ведь не обидишься, Тэмми?

— Да наплевать мне.

— Какая ты злая и возбужденная.

— Несколько минут с тобой ванне меняют человека. — Она подмигивает ему, и в этом ее пошлом жесте столько же эротики, сколько во мне жира. Усмехаюсь. Уж больно нелепо она выглядит, когда пытается флиртовать. Есть девушки, о которых пишут романтические истории, а есть те, о которых пишут садомазохистские сказки о плетках и наручниках. Я причисляю Тэмзи ко второму типу.

— Что ж, мешаю еще раз.

Уильям копается рукой в кепке, достает бумажку и громко произносит:

— *Реган.*

— Что? — Восклицаю одновременно с Кори и подаюсь вперед. Не могу поверить! Что за несуразица? — Да ты шутишь, наверно! Опять я?

— Не опять, а снова, — хохочет парень и протягивает мне листочек, — видимо, это твоя судьба, птенчик. Прости. Я сделал все, что смог.

Свожу брови и наблюдаю за тем, как Тэмми покатывается со смеха, а Джесси робко улыбается, будто бы ему меня жаль. Классно, мне себя тоже жаль.

— Это чушь какая-то, ребята, — выдыхаю я, — что вы задумали?

— Ничего мы не задумывали. Чего ты наговариваешь? Такое бывает. Лучше смирись и возьми мои сумки. — Тэмми довольно скрещивает ноги. — И еще, если ты не против, а ты не можешь быть против, постирай мою майку, пока мы еще не уехали. Я вчера блеванула, когда мы вернулись из клуба.

Я хочу кинуться на нее с кулаками и не сразу понимаю, что действительно срываюсь с места. Однако Кори перехватывает меня на полпути и сковывает в замок из рук.

— Тише, Реган, она шутит.

— Нет вообще-то. — Язвит Тэмзи. — А будешь злиться, еще и колготы постираешь.

Трудно поверить, но я действительно стираю ее вонючую майку. Но когда я стираю, я думаю о том, как отыграюсь на ней, едва придет время. Вот же стерва. Придумаю нечто такое, отчего ей крышу снесет. По моему лицу скользит коварная улыбка, и драю я майку в зеленоватой раковине, потому что эта идиотка покрасила себе волосы в бирюзовый цвет.

— Безмозглая стерва, — рычу я и неожиданно смеюсь. Черт! Она ведь реально ходит с зелеными волосами! Дурдом.

ГЛАВА 6.

Мы едем с открытыми окнами. Джесси брэнчит на гитаре, Кори вытягивает ноги, а я сижу у окна, опустив подбородок на сложенные в замок руки.

Зеленые бесконечные поля проносятся с немислимой скоростью, и остается лишь их запах, лишь видение, смазанное и прекрасное, как и чувство в груди. Иногда мне кажется, что жизнь наша такая же смазанная, она несется, как сумасшедшая. Дети хотят вырасти, а взрослые мечтают замереть или же проснуться молодыми. Сначала время тянется, словно засахаренный мед: медленно и раздражающе тягуче. Затем что-то меняется, время, будто решает прислушаться к тебе и набирает обороты. На первых порах ты рад таким мнимым изменениям, но потом ты начинаешь спотыкаться, падать, расцарапывать локти, колени и бежать все сложнее и сложнее, а дыхалка сбивается, в глазах двоится и смазывается, и нет в тебе уже прежней радости. Ты стареешь. И ты понимаешь, что жизнь подходит к концу, а ты так и не успел пожить.

Никогда бы не подумала, что окажусь в машине с незнакомыми людьми, что буду

нестись навстречу неизведанному, в погоне затеми самыми ощущениями, которых у меня никогда не было. Но что моя жизнь без этого приключения? Что я вспомню, что расскажу своим детям, если они у меня будут? Что мой отец алкоголик? Что жизнь моей матери — не жизнь вовсе, что мое детство прошло в тумане. В тумане от сигарет, что курил отец. В тумане от слез, что застилала глаза. Мне нечего рассказать. Хорошего, точнее. О плохом мне много известно. А вот воспоминаний о выходных, проведенных с родителями дома, когда на улице дворы завалены снегом, а школы закрыты — у меня нет. Нет у меня и того, что радовало бы. Я вдруг усмехаюсь. Нет, меня, конечно, радовало, когда отец домой не возвращался после посиделок в баре. Или нет — когда он возвращался, но не бил меня. И опять-таки нет. Когда он возвращался, бил меня, но не сильно. Вот, да. Наверно, именно это меня и радовало. Но разве таким делятся? Разве это счастливые воспоминания?

Я распускаю волосы и встряхиваю головой. Мы несемся по прямой дороге уже часа три, и день набирает обороты, как и жара, спускающаяся на землю. Зеленоватая трава уже не зеленоватая, а скорее рыже-желтая. Затем трава и вовсе исчезает, и появляются поля из золотистого ковра, такого же цвета, как и кудри на голове Джесси. Его пальцы скользят по струнам гитары, и поет он едва слышно, но я слышу, как и Кори, как и Тэмми, как и Уилл, пусть смотрит он на дорогу, а из открытого окна на него нападает ветер и яркое солнце.

— Ты знаешь? С каких-то пор тут все катится к черту.

Хотелось бежать от людей, суеты.

Свобода — как желание быть не мертвым

В поисках себя и света, что в конце пути.

Улыбаюсь, голос у Джесси приятный. Гляжу на него и задумчиво прикусываю губы, не представляя, как выглядел он один, посреди темной улицы в поисках друзей, которые его кинули. В сердце екает, и к горлу подсакивает горечь, будто знаю я Джесси не день, а целую вечность. Я придвигаюсь ближе к ребятам и кладу голову на плечо Кори. Он тут же обхватывает меня за талию и прижимает к себе.

— Реган, отними у Бонда гитару, — неожиданно приказывает Тэмзи и прикрывает лицо ярко-красной банданой, — иначе я выкину ее в окно.

— Он классно поет, — вступаюсь я, — выпей таблетки, котик.

— Что?

— У тебя ведь эти дни, кажется.

Уилл прыскает от смеха и выдыхает дым от сигареты в зеркало заднего вида. Мы с ним опять смотрим друг на друга, и это превратилось в какую-то плохую привычку, в его глазах больше нет предубеждения, теперь там интерес и ожидание. Мне это нравится, и я сама невольно приподнимаю ресницы, лишь бы встретиться с ним взглядом.

— Что ты сказала? — Воскликает Тэмзи и разворачивается. — Ты страх потеряла?

— Нет.

— Что значит — нет?

— Нет, значит, нет, Тэмми.

— Это мое желание.

— Да ладно тебе, — вызывает Кори, — Джесси круто играет. Джесси, ты круто играешь.

— Спасибо, старик.

— Мне наплевать. Я хочу включить музыку. Мы плетемся уже три часа по жаре, и от его гитары у меня в ушах рябит. Давайте сменим пластинку.

— Что ради тебя не сделаешь, морская нимфа, — вздыхает Бонд и убирает гитару себе

за спину: багажник закрыт навесом, на самом деле, багажное отделение — огромный кузов, и туда поместились бы не только вещи Джесси, но и сам Джесси, и мы вместе взятые.

— Птенчик.

— Да?

Я приближаюсь к Уильяму и облакачиваюсь подбородком о спинку его кресла. Тот на меня не смотрит, но я вижу, как дрогают уголки его губ.

— Назови число от одного до восемнадцати.

— Столько раз мне придется делать тебе комплименты?

— Столько километров тебе придется бежать, — сухо улыбается Тэмми. Кажется, я ей совсем не нравлюсь.

— Нет, без подвоха, обещаю. Просто назови.

— Ладно. Восемнадцать.

— Тэмми, достань диски и отсчитай восемнадцатый. Нам ведь нужно музыкальное сопровождение, верно? Может, и в ушах у тебя рябить перестанет.

Девушка выдыхает и вытаскивает из бардачка стопку дисков. Пересчитывает их и на меня косит обсидиановыми глазами, будто из-за меня у нее неприятности. Я таких людей не понимаю. У них что-то не получается, и они сразу ищут виноватых. Но в чем моя вина? Что я сделала? Люди кричат, что они умные, а потом обвиняют других в своих неудачах, и мне хочется спросить: что? Я виновата в твоих провалах? Выставляя меня причиной своих проблем, ты признаешь, что я умнее. То есть, возносишь меня над собой, а, следовательно, себя ты унижаешь. О чем здесь можно еще говорить, если ты заранее выставляешь меня победителем? Я ведь не борюсь с тобой. Ты сама бросаешь мне вызов, сама считаешь себя проигравшей, меня виноватой, и сама же попадаешь в капкан собственного безумия. Разве так сложно жить себе и жить, забыть уже о том, что рядом находятся другие люди. Они не денутся никуда, всегда будут маячить под боком, всегда будут хотеть то, чего *ты* хочешь, но ведь это не значит, что каждый раз ты будешь опускать руки и обижаться. Люди растут и становятся сильнее, при этом они набираются опыта — паршивого опыта — и суть, как по мне, взросления, как раз таки в умении отцеживать ненужные мнения, разговоры, взгляды. Мы растем и становимся жестче. Мы понимаем, что люди всегда будут о нас говорить, но теперь мы не имеем права отступить. Губы надуть мы могли в семилетнем возрасте, а сейчас ты должен сжать в кулаки пальцы и дать сдачи.

Тогда почему ты глядишь на меня так обиженно, Тэмзи Пол? Почему пытаешься на мне отыграться, тогда, как должна подойти к Уиллу и сказать, что он тебе нужен?

Еще один человеческий заскок: найти проблему и сосредоточиться на решении абсолютно другой проблемы. Это то же самое, как прийти к доктору и сказать: эй, док, у меня болит голова! А он тебе ответит: отлично, вот тебе таблетки от живота. И ты такой: а, ну ладно, спасибо. И уходишь уверенный в том, что делаешь все правильно.

Если Тэмми и хочет Уилла, то ее проблема не во мне, а в самом Уильяме, который девушек не воспринимает. Пусть с ним в игры играет, а меня не трогает. Жаль, что она ни черта не понимает, и злится, когда в злости нет смысла.

— Восемнадцать, — выдыхает она и усмехается, — ох, нам повезло, у нас прибавление в лице "*великолепной четверки*".

Кори довольно улыбается, и глаза его искрятся, как новогодние шары. Тэмми тепло улыбается Уиллу, когда тот вставляет в магнитолау диск, и из колонок выливается громкое и знакомое, родное, пусть чужое и далекое "HELP" — "The Beatles". Уилл машет головой в

такт, Тэмми трясет плечами. Кори и Джесси играют на воображаемых гитарах. Понимаю, что не хватает барабанной установки и начинаю молотить руками по воздуху, довольно и широко улыбаясь. Слова песни — гимн любого потерянного подростка и вообще одинокого человека. Все мы сначала думаем, что нам никто не нужен, а затем жизнь сваливается нам на плечи, и до нас доходит суть близкого человека рядом, который сжал бы твою руку и сказал, что все обойдется. Говорят, люди живут ради карьеры, ради денег и успеха, но так живут лишь те, кто разочаровался в жизни. Ведь едва ты находишь того самого человека, едва он сжимает твою руку, остальное теряет смысл. Очень часто внешними успехами мы пытаемся заглушить внутренние поражения. Поэтому не стоит ставить крест на человеке, который пашет на работе, не сидит на месте. Возможно, ему просто нужна помощь, нужен тот, кто схватит его за руку и никогда больше не отпустит.

Начинается быстрая мелодия, и мы уже не просто танцуем, а рискуем раскачать эту машину. Тэмзи водит руками в воздухе, они буквально тонут в дыме от сигарет, плавают в нем и пропадают. А Кори хохочет, когда Джесси прижимается к нему спиной и поднимает ноги, продолжая играть на воображаемой гитаре.

В этот момент Уильям вдруг громко восклицает:

— Я так больше не могу!

Сворачивает руль, колеса визжат о нагретый асфальт. Мы резко паркуемся где-то на обочине, и парень, сделав музыку невыносимо громкой, выпрыгивает из салона. Мы идем за ним, будто бы безумные. Даже не спрашиваем: что происходит, что мы делаем. Просто вываливаемся из машины, распахиваем все двери и сталкиваемся под палящим солнцем, до боли протирая ноги, которые начинают зудеть от таких диких танцев.

В этот момент смеется даже злая Тэмзи Пол, и хохочет даже зажатый Кори Гудмен. Думаю, в такие моменты все люди плюют на приличия и просто получают удовольствие. Песок превращается в пыль, подымающуюся над нашими щиколотками, а мы топчемся тут, словно дети, и резвимся, накидываясь друг на друга. Я не помню, как оказываюсь рядом с Уильямом, как он подхватывает меня и кружит, кружит, кружит, как мелодия становится другой, я тоже не помню. И как я откидываю голову и искренне улыбаюсь, я не помню. Я просто живу в этот момент и открываю глаза очарованная магией этих странных, диких и таких заветных минут. Уилл до сих пор меня обнимает, я смотрю в его глаза, слышу, как колонки хрустят от музыки, как "великолепная четверка" поет: *"Все, что тебе нужно — это любовь"* и улыбаюсь еще шире.

— Ты никогда не окажешься там, где быть не должна, — говорит Уильям и кривится от яркого солнца. В его безумном взгляде прыгают огоньки. — Слышишь? Это не я говорю, а парни, которые давно умерли. Но они знали толк в жизни.

— Ты — сумасшедший, Уильям Гудмен.

— Ты назвала меня полным именем?

— Да.

— Я тронут, птенчик.

Ничего он не тронут, а притворяется, но я почему-то хохочу. Отталкиваю его от себя и плетусь к Кори. Прыгаю ему на спину, и мы с ним носимся около машины, расставляя в стороны руки. Мы — птицы, и мысли о том, что мы — птицы доказывают лишь то, что мы с ним еще и свихнувшиеся.

Вскоре мы вновь оказываемся в машине, вновь едем в Сиракьюс, сохраняя на лицах безмятежное выражение, будто сделали нечто незаконное, но очень и очень занятное.

У Кори кожа горячая. А у Уилла она и вовсе красная. Тэмми предлагает ему крем, но он отказывается, отмахнувшись рукой.

— Сколько еще до Сиракьюс? — спрашивает Джесси и поправляет пожар из волос.

— Чуть больше трехсот километров.

— Отлично. А мы остановимся?

— Мы только что останавливались.

— Ну, тогда я еще не знал, что хочу отлить.

— А теперь знаешь? Чувак, потерпи до заправки.

— А когда заправка?

— Минут через тридцать.

— Через тридцать? Ну, ладно. Я потерплю.

Мы проезжаем три столба, два засохших деревца и одну рекламную вывеску, когда Джесси вновь взмахивает руками и говорит:

— Вообще-то мне сильно хочется.

— Ну, заладил, а? Неужели так сильно?

— Ну, да, я бы не просил, если б не сильно. Я туда и обратно, честное слово, просто я не выдержу и отолюю прямо здесь, а ты ведь разозлишься, Уилл.

— Только посмей здесь отлить, и отливать тебе будет нечем.

Мы вновь останавливаемся, и Джесси выкатывается из машины, подрагивая худыми коленями. Я почему-то усмехаюсь. Бывает же — приспичит.

— Ты любишь свою машину, — говорю я и гляжу на парня.

— Я думаю, что даже тот, кто терпеть свою машину не может, не позволил бы другу в ней поссать. Ну, это только мои предположения.

— Вообще-то он помешан на своей машине, — говорит Кори, — за руль никому садиться не дает, даже близко не подпускает. Сидения до блеска вычищал, я не шучу, просто, будто одержимый, прежде чем мы выехали из дома.

— Еще одно клише, мистер Гудмен.

— Да, я банальный, — отрезает Уилл, хлопнув ладонями по рулю, — я в дороге большую часть времени. Трудно не любить машину, когда она превращается в дом.

— И от кого же ты бежишь?

— Кто тебе сказал, что я бегу.

Уильям отворачивается, смотрит куда-то в окно, а я недоуменно хмурюсь. Как наши шутки вдруг переросли в серьезный разговор? Мне показалось, или Уилл действительно в окно глядит, чтобы мне в глаза не глядеть.

Джесси возвращается, мы трогаемся, но меня не покидает ощущение, будто парень что-то скрывает, что-то таит в себе, перемалывает раз за разом. Что-то такое, из-за чего он пустился во все тяжкие, исчез из жизни родителей; из-за чего он перестал быть парнем из Янгстауна, а превратился в легенду с обочины.

Мы останавливаемся на заправке в половину второго. Солнце жарит безжалостно, и у меня двоится перед глазами. Я жутко хочу пить, сменить одежду, попасть под дождь, но понимаю, что могу лишь мечтать о холодном душе. Дорога плавится и извивается, играя с нашим зрением. Мы прячемся в тени, присаживаемся около стеклянной витрины и глядим друг на друга измотанные и уставшие. В дороге всегда в сон клонит чаще.

— Нужно в магазине воды купить.

— И мороженого бы.

— Нет, — Уилл качает головой, — денег впритык, никакой самодеятельности.

— Тогда только воды.

— И заправиться еще надо.

Все переглядываются и разбредаются кто куда. Я иду рядом с Кори, облокотившись об него всем телом. Хочется очутиться в кровати, а не на заднем сидении Доджа.

Мы бредем вдоль небольшого магазина, изучая прилавки. Воду вроде бы купит Пол, а мы с Кори просто бездумно волочим ноги и разминаем зад, который успели отсидеть.

— Когда Уильям впервые пустился в дорогу? — С интересом спрашиваю я, пусть и не хочу, чтобы друг услышал в моем голосе интерес.

— После школы. Он ведь был отличником, а потом что-то в голову ему стукнуло, и он просто пропал. Появлялся с новостями, плохими обычно. То деньги нужны, то татуировку себе набил, то экзамен не сдал.

— Но что случилось?

— У него спроси.

— Вряд ли он ответит.

— Просто Уилл любит свободу, — Кори пожимает плечами и берет с прилавка бутылку с ледяной водой, потом ставит ее на место, — а мама давила на него, хотела, чтобы он здесь корни пустил, а не просто отсиживался.

— Здесь — это в Янгстауне?

— Ну да.

— Уилл и его корни? Разве что корни волос. — Я усмехаюсь. — Не представляю его без сигареты в зубах. Такому парню семья нужна лишь для прикрытия, чтобы по ночам летать на байке по безлюдным окрестностям.

— Вы сдружились, — Кори подбивает меня по плечу, улыбаясь, — я думал, будет хуже.

— Хуже? По-моему, Тэмми хочет свернуть мне шею.

— Именно.

— Я смотрю, ты счастлив.

— Просто Тэмми, как и я, видит, что вы хорошо общаетесь. Смотрите друг на друга, и фразочками умными перекидываетесь.

— У вас массовая галлюцинация.

— Или у вас взаимное притяжение.

Я собираюсь ответить, но неожиданно замечая, как Додж свирепо газует, да так, что свистят покрышки, и срывается с места. Нелепо гляжу на пустое место через стеклянную витрину. Встряхиваю волосами и сглатываю.

— Кори..., - дергаю рукав друга, — Кори, кажется, ребята уехали.

— Что? — Воскликает парень.

— Кто уехал? — Спрашивает Тэмми. Когда она оказалась рядом?

— Кто-то разве уезжал? — Зевает Джесси.

— Что вы вообще несете? — Возмущается Уильям. И только тогда мы понимаем, что у нас не просто так испарилась машина, а ее угнали.

— Черт! — Рычит Уилл и срывается с места. Бутылки с водой валяются из рук Тэмми, я в недоумении распахиваю рот, а Джесси прищуривается.

— Кажется, у нас проблемы.

Я выбегаю вслед за ребятами из магазина и примерзаю к месту, увидев, как Уилл держится руками за голову и громко рычит. Он вдруг дергается, пинает ногой гравий и кидается на автомат с кофе и чаем, распахнув от злости голубые глаза. В одну минуту я вижу перед собой не прежнего нахального Уильяма Гудмена, а свихнувшегося и дикого зверя, в которого он перевоплощается.

— Твою мать! — Орет парень, молотя кулаками по автомату. — Твою мать! Дерьмо!

— Уилл, прекрати, — взываю я, но он не обращает внимания. Гляжу на Кори и Тэмми и встряхиваю головой. — Нужно копов вызывать. В машине все наши вещи.

— Никаких копов, — рычит Уилл.

Я растерянно хлопаю ресницами.

— Ты спятил? Что значит, никаких копов? Кинемся вслед за грабителями? Остановим их силой мысли? Мы должны обратиться в полицию, это кража!

— Серьезно? Кто бы мог подумать, что ты такая умненькая.

— Чего ты орешь на меня? Просто достань телефон и...

— ... что? — Уильям отпрыгивает от автомата и налетает на меня, словно дикая птица. Он глубоко дышит, его грудная клетка вздымается и опускается с глухим свистом. Парень стискивает зубы. — Достать телефон, набрать копов и сказать: эй, ребята, у нас тут угнали машину, и, кстати, проверьте бардачок и багажник, там завалялись экстази и марихуана!

— Что ты сказал? Что там завалялось?

— Что слышала, птенчик.

— Так вы не сигареты курите?

— Так вы не сигареты курите? — Передразнивает меня парень и порывисто взмахивает руками в стороны. — Нет, твою мать, не сигареты, птенчик. Жизнь — отстой, сходить с ума и получать от нее удовольствие можно только под кайфом!

Я поджимаю губы. Смотрю на Уильяма, на то, как он вновь хватается ладонями за лицо и пошатывается назад, будто сраженный автоматной очередью, и отворачиваюсь. Я знала, что он жестокий, что он легко сходит с ума и разгорается, как эпидемия, поразив все, что находится вокруг. Но я почему-то удивлена и задета.

— Не трогай его сейчас, — шепчет мне Джесси. Он стоит рядом с Тэмми, и она тоже не произносит ни слова. Просто изучает носки своих уродских туфель. — Успокоить Уилла у Кори получится, и только.

Старший Гудмен размахивается, чтобы врезать кулаком по витрине, но рядом с ним возникает брат, обхватывает его за плечи. Они говорят о чем-то, ветер съедает их звуки, и я гляжу на них, чувствуя себя паршиво.

— Только Кори, говоришь, почему?

— Семейное, наверно.

— Выходит, Уилла злить не стоит.

— Определенно. И успокаивать тоже. Я как-то раз попытался, и он мне зуб выбил.

— А мне кофту порвал. — Тэмзи ухмыляется. — Ну, я ее все равно не особо любила.

Мы втроем наблюдаем за усмирением демона внутри Гудмена и молчим, потому что сказать особо нечего. С ужасом смотрю на то, как парень вырывается из тонких рук Кори и отталкивает его от себя, злясь и сетуя, будто это он виноват в том, что случилось.

Неожиданно вся эта ситуация напоминает мне мой дом. Дни, когда мама кидалась на спину отца, лишь бы удержать его, когда тот несся в мою сторону. В детстве мне казалось,

что внутри папы чудовище, и оно просыпается, едва я сделаю что-то неправильно или его как-то обижу. Потом я выросла и осознала, что чудовище внутри моего отца — мой отец, и никакие силы извне не завладели им. Он сам был причиной своего разрушения. Сам брал в пальцы ледяные бутылки из холодильника, сам рассаживался в барах и приходил таким чужим, что даже незнакомцы казались мне близкими. Я ждала, что он изменится, что мне больше не придется бороться с ним, как и матери, а главное, что нам больше не придется выдумывать причины, из-за которых мы должны были его любить. Но жизнь простая до ужаса, она — предсказуемая и банальная, и чудес в ней не бывает. Если человек зависим от алкоголя, он и будет от него зависеть до тех пор, пока сам не решит измениться. А моего отца все устраивало. Так что он как был мешком с дерьмом, так им и остался.

Уильям похож на него.

Эти мысли пугают меня и обезоруживают, и магия нашего с ним общения внезапно превращается в иллюзию. Мне становится тошно. Я отворачиваюсь и думаю, что нашла себя в компании ребят, жутко напоминающих мой родной дом. Я сбежала от сигарет, от алкоголя, от безумия, которое взрывалось в глазах моего ненормального отца, когда он хватал мать за плечи и кидал о стену. Но что я вижу? Вот оно — безумие! Кори пытается ухватиться за брата, а тот ревет, как сумасшедший.

В конце концов, я просто схожу с места и начинаю идти туда, куда глаза глядят. Я пугаюсь, черт подери. Знаю, это глупо, но я боюсь, ведь, кажется, я вырвалась из одной ловушки, чтобы угодить в другую.

— Эй, ты куда? Птенчик, эй!

Черт. Обхватываю себя руками за талию и прибавляю скорость. Жара невероятная, у меня голова кружится, но я прищуриваюсь и плетусь дальше, надеясь, внезапно вновь попасть домой. Идиотские мысли.

— Ты куда идешь? Эй, — меня хватают за плечи, — что такое? Куда ты?

— Отвали, Уилл.

— Что?

— Отвали, я сказала. Руки убери и иди дальше громить заправку.

— Что? — Вновь повторяет он и дергает меня на себя. Его движения грубые, резкие, и глядит он на меня оторопело, будто ни черта не понимает. — Тебе поистерить захотелось?

— Мне? — Громко переспрашиваю я. — Вот это да, парень, да у тебя не все дома! Так? Может, твои друзья не привыкли к твоим концертам, но я на такое насмотрелась. Честное слово, я все это уже видела, и знаю, как выглядит безумие.

— У меня тачку угнали!

— Ты оправдываешься? Ну, что я могу тебе сказать, такое случается, да, жизнь ведь дерьмо, как ты сказал, и повсюду куча кретинов. И да, Уилл, у нас украли не только твою тачку, но и наши вещи. И все были бы, черт подери, рады их вернуть!

— Чего ты разоралась? Жара так на тебя влияет?

— Ты так на меня влияешь!

— Плохо, значит, влияю.

— Хранишь марихуану в бардачке, серьезно? Экстази? Боже, да ты воплощение всего, от чего меня тошнит, Уильям Гудмен.

— Хватит отчитывать меня, училка, я тебе не мальчишка, на которого орать можно. У меня весьма примитивная реакция на потерю любимой машины.

— А какая у тебя реакция на потерю любимого разума?

— О, Боже, сразу видно, что ты помешана на книгах. Разговариваешь так, будто мы с тобой тут в театре играем. Ты блин лучше остынь и вернись к остальным, а истерики твои никому не нужны, поняла? Меня терпят, потому что я — главный. А тебя терпеть никто не станет. Уяснила?

— Угрожаешь? — Восклицаю я и гортанно усмехаюсь. — Ты угрожаешь мне, что кучка обдолбанных нариков не захочет со мной общаться? О, боже, как же так? О, нет, прошу, я исправлюсь, я беру все свои слова обратно!

Видимо, в этот момент, я окончательно взбешиваю Уильяма, потому что он внезапно подпрыгивает ко мне, хватая меня на руки и перекидывает через плечо.

— Отпусти! — Рывкаю я. — Черт тебя подери, Уилл, опусти меня на землю!

— Нет, птенчик, ты вывела меня из себя. Прямо сейчас я собираюсь кинуть тебя куда-нибудь с обрыва, и я бы реально кинул, если бы поблизости был обрыв.

— О, шутки пускаешь? Но где же твое хваленное безумие? Сдулся? Больше не хочешь помолотить автомат с кофе? Он ведь так жутко тебя подставил.

— Ты невыносимая!

— Но ты меня как-то несешь.

— Еще и чересчур умная.

— Отпусти! Богом клянусь, Уилл, я поколочу тебя!

— Ах, что? — Смеется парень. Неожиданно я вновь вижу перед собой старого Уильяма без нервного расстройства. — Можешь уже начинать. Давай. Укуси меня или что там еще у тебя в планах, птенчик.

Я безвольно повисаю у него на плече и закрываю глаза. Сил драться больше нет, а от жары хочется и вовсе с собой покончить.

— Ты там умерла, что ли?

— Пытаюсь.

— И как — получается?

— Пока нет.

Мы возвращаемся на заправку, парень опускает меня на землю, и я измотано смотрю на него, не зная, что еще сказать или сделать, чтобы выразить свои эмоции. Черт, кажется, я переборщила, когда орала на него посреди улицы. Но он тоже хорош. Колотил автомат! Еще и на Кори кидался. Господи, мы оба двинутые на голову, взгляды ребят — тому явное подтверждение.

— Ну, что делать будем? — Спрашивает Кори, приподнимаясь и опускаясь на носках грязных кроссовок. — У нас осталась только гитара.

— Всегда самое дорогое с собой носить нужно, — советует Джесси с серьезным видом и кивает, будто открыл страшный секрет. Только сейчас я замечаю, что парень в пальцах сжимает чехол с инструментом. Вот это да, как чувствовал.

— Там наши документы и шмотки, — завывающим голосом протягивает Тэмми, — куда мы без документов? И денег впрытык.

— Денег — нет.

Мы все одновременно переводим взгляд на Уилла, и живот у меня скручивается.

— То есть, как это нет?

— Я оставил деньги в рюкзаке, а рюкзак на заднем сидении.

О, Боже. Я закатываю глаза, а Кори выругивается и прикрывает ладонями лицо. Черт всех дери, мы действительно влипли. Я оглядываюсь в поисках помощи, но на заправке не

души, пустота, перекасти поле. Лишь за прилавком в магазине стоит какой-то испуганный индус, но, посмотрев на срыв Уильяма, он вряд ли захочет помочь.

— Давайте рассуждать здраво, мы должны обратиться в полицию, — вновь говорю я и с вызовом смотрю на старшего Гудмена, — у нас выбора нет, Уилл.

— За решеткой тоже мало выбора.

— Скажем, что впервые видим эти таблетки! Что они принадлежат тем психам, что у нас машину свистнули, — вмешивается Кори. — Может, вообще пронесет, и оправдываться не придется. Кто знает? Главное, не терять сейчас времени. С каждой секундой твой Додж все дальше и дальше от заправки.

— Окей, как скажете, но если меня посадят, я выйду и прикончу вас, монахини.

— Хватит угрожать, Уилл, — нахожусь я, — в тюрьме ты наколешь себе еще несколько татуировок, поболтаешь с неудачниками об экстази. Вы найдете общий язык, я уверена.

— Ты меня реально выбесишь, птенчик, просто ненормальная девица. Как ты вообще с ней общаешься? Она же мозг выносит.

— С тобой общаться не легче.

— Ладно, у кого с собой телефон?

— Я свой в сумке оставила, — шепчет Тэмми.

— А у меня вообще нет телефона, — признается Джесси.

— Что? — Поражаюсь я. — Нет телефона? Чувак, как ты живешь с этим?

— Сначала трудно было, а потом столько времени появилось. Seriously, Реган, мы и не представляем, как долго зависаем в сетях, как много теряем. Я, наконец, погрузился в мою музыку, и ничто меня не отвлекло.

— Но как ты связываешься с друзьями, родителями?

— Все, кто мне нужен, рядом со мной.

Я покачиваю головой и перевожу взгляд на Кори. Тот шарит руками по карманам и вдруг смотрит на меня виновато. Черт, видимо, он тоже оставил телефон в машине. Гляжу на Уильяма, парень зажимает пальцами переносицу.

— Что такое? — Спрашиваю я. — Ты тоже забыл сотовый в машине?

— Нет.

— Нет? Отлично!

— Я разбил его.

Мои плечи поникают.

— Что ты сделал?

— Разбил его, когда выбежал на улицу. Вон, — он кивает в сторону автомата с кофе. На земле валяется раздолбанный, пыльный телефон без признаков жизни. — Паршиво, верно?

— О, Уилл, что еще ты сломал, говори сразу. Может, и оставшиеся деньги ты порвал в порыве страсти?

— Нет, денег, к счастью, у меня под рукой не было.

— Ладно, держи, — достаю телефон из кармана шорт и протягиваю его парню, — что бы ты без меня делал, *котик*?

Мы прячемся в тень и глядим вдаль. Кто бы мог подумать, что такое случится. Я и не представляла, что иногда машины воруют среди бела дня. Это же сумасшествие.

Неожиданно Уильям глухо усмехается и опускает руку с телефоном. Он смотрит на меня и кривит потрескавшиеся губы. Я недоуменно пожимаю плечами.

— Что такое?

— Проблемка небольшая.

— Какая?

— Ну, телефон заблокирован. Женщина с писклявым голосом убедительно попросила меня пополнить баланс.

Я широко распахиваю глаза и пялюсь на Уильяма, ничего не понимая. Что? Денег на счету нет? Вот же лажа! Тэмми выругивается, а Кори усмехается, прикрывая руками лицо.

— Мы пропали.

— Ты серьезно? — Я подхожу к Уиллу. — Попробуй еще раз.

— Я не шучу.

— Что теперь? — Интересуется Джесси. Бонд плюхается на асфальт и вытягивает свои волосатые ноги. — Я бы написал об это песню, ребята, честно.

Тэмзи падает рядом с ним, кладет голову на его плечо, бирюзовые волосы каскадом свисают вниз по их рукам. Она усмехается и протягивает:

— Таких песен навалом, Джесси.

— Телефон должен быть на заправке, — говорит Кори, — пойдете, спросим у продавца.

Мы забегаем в магазин, колокольчики звенят над нашими головами, и тут же индус в ужасе распахивает глаза и отпрыгивает назад.

— Я тут не делать ничего, я тут не виноват.

— Где телефон? — Холодно спрашивает Уильям, и от его голоса даже у меня волосы в панике встают дыбом. Глаза у парня темнее туч. — Ты меня услышал?

— Я не хотеть! Они появиться, но я не хотеть ваша была плохо.

— Просто дай позвонить.

— Телефоны не работать уже четыре месяц, мой начальника приезжать, но ничего не изменил, я не виноват, я работать, а своего телефона нет у меня. Я продать его в рынке!

Моя голова почти взорвалась, Уилл в очередной раз размахивается, ударяет кулаком по прилавок и опускает голову, волосы падают на его загорелое лицо, а мне вдруг хочется, чтобы он посмотрел на меня и успокоился.

— Идем, попытаемся словить попутку, доедем до следующей заправки, может, там мы найдем телефон. — Я невольно поглаживаю его по руке и выдыхаю. — Слышишь?

Парень переводит на меня взгляд и коротко кивает. Мы медленно тащим ноги, дверь со стуком захлопывается, и перед нами открывается вид на бесконечное шоссе, уходящее далеко за горизонт, тянущееся слова ленивая змея вдоль золотисто-рыжих полей.

Под безжалостным солнцем время тянется несоизмеримо долго. Асфальт то гуляет, то плавает, и мысли возгораются от невыносимой температуры, как и терпение, которого становится все меньше и меньше. Возле нас проносятся несколько машин, никто даже не смотрит на нас, а если и смотрит, то газует упорней, ведь вид у нас явно отталкивающий. Я машу руками, как ненормальная, а Тэмми выбегает на центр дороги, но нам не удается никого остановить, как мы не стараемся. В конце концов, я просто смахиваю со лба пот и раздраженно закрываю глаза. Уверенность в том, что люди помогут нам, тает все быстрее и быстрее, и на ее место приходит банальная злость на род человеческий, на жару, на все, на что только можно злиться, и бесит даже сам асфальт, даже небо над головой, даже лица друзей, даже собственное лицо.

Я топаю по дороге, встряхиваю плечами и ложусь на две сплошные полосы. Волосы расплываются вокруг моей головы, они поблескивают, словно в них вплетены золотистые

нитки. Закрыв глаза, я начинаю ждать непонятно чего: машины или смерти.

— Интересно, — протягивает Тэмзи и ложится рядом, — думаешь, сработает?

— Похоже, что я думаю?

Мы одновременно усмехаемся. Неожиданно измотанные и уставшие мы перестаем друг друга ненавидеть. Ох, всегда у людей так: то мы бросаемся громкими словами, то не можем из себя и звука выдавить. То хотим разодрать в клочья, то прижать к себе изо всех сил. Я думаю, подростковый максимализм — термин, относящийся ко всем людям, просто взрослые не хотят признавать, что так же мечутся, как сумасшедшие, понятия не имея, что им нужно. Это ведь как-то несолидно в сорок шесть мечтать о безумствах и побеге, но это не означает, что по ночам им не снится, как они сходят с ума, носятся по городу и хохочут даже тогда, когда хохотать не над чем; как они теряют рассудок. Наутро они мамы и папы, такие серьезные и опытные, а потом вдруг уголки их губ дрогают. Ты спрашиваешь: в чем дело? Они отвечают: ни в чем. Но, на самом деле, в голове у них мелькнули воспоминания о том, как классно было нестись наперегонки с ветром по мостовой и переплетать пальцы с парнем или девушкой мечты, с теми самыми, с которыми родители никогда бы не позволили встречаться.

Неожиданно по другую сторону от меня ложится кто-то еще. Оборачиваюсь и вижу Кори. Он откидывает голову и улыбается.

— Мы решили вам помочь.

Неожиданно рядом оказывается и Уилл, и Джесси. Мы лежим на горячем асфальте и сходим с ума самым внезапным образом. Солнце издевается над нами, липнет к коже, и я уже даже дышать нормально не могу. Прикрываю пальцами глаза и слышу, как свистит в ушах ветер, разгоняющий по дороге пыль.

Словно из сна до меня доносится дикий визг тормозов. Я резко приподнимаюсь, и у меня перед носом оказывается чье-то недовольное, темное лицо. Чернокожий мужчина в ярости мечется между нашими ногами и машет руками.

— Что вы устроили? Вы спятили? — Кричит он. На голове у него соломенная шляпа, и я, как ни стараюсь, не могу воспринимать его угрозы всерьез. — Смерти ищите?

— На самом деле, мы ищем машину, — говорит Кори и щурится от солнца, — а вы нас случайно не подвезете?

— Что? Парень, да вы тут перегрелись, что ли? Что творите, что выдумали!

Я смотрю за спину мужчины и вижу огромный пикап. На переднем сидении у него с распахнутыми глазами сидят мальчишки, такие же темнокожие и худые. Два брата, скорее всего. Их глаза выделяются на фоне загоревшего лица, и я робко помахиваю им пальцами, не зная, что еще сделать, чтобы они прекратили пялиться.

— Вы чего на дороге валяетесь? — Спрашивает мужчина с южным акцентом. Звуки он все растягивает и необычно приглушает. Я поднимаюсь и отряхиваю шорты. — Больше не до чего не додумались?

— У нас машину угнали, — говорю я, — мы уже битый час сигналим, но никто на нас не обращает внимания, телефона у нас тоже нет.

— И это оправдание, зеленоглазка?

— Наверно.

— Куда вы едете?

— Нам все равно куда, — сообщает Уилл и пожимает плечами, — мы бы заплатили, но у нас нет денег, они остались в машине.

— Нужны мне ваши деньги, — ворчит мужчина и отмахивается широкой ладонью, — я все понимаю, но лежать на дороге, что в голове у детей сейчас? Я вас чуть не переехал, а они, оказывается, помощи искали. На небе, что ли? Садитесь уже, запрыгивайте в кузов, и вперед со мной пусть кто-то сядет, я мальчишек назад закину.

Мы с Кори садимся вперед, а Уильям, Тэмзи и Джесси запрыгивают в кузов вместе с сыновьями незнакомца. Пикап заводится со второго раза, рычит, будто дикий зверь и вяло сходит с места, будто его нагрузили камнями. Осматриваю приборную панель и невольно улыбаюсь, заметив хаотично приклеенные снимки. Они тянутся по всему периметру, и на них все такие счастливые, что я сомневаюсь: можно ли такими быть?

— Это моя жена, — с хрипотцой поясняет мужчина, заметив, как я разглядываю фотки, он широко улыбается, — Барбара, красотка, верно?

— Да, она очень милая.

— Сумасшедшая женщина была, фурия, я поседел из-за нее в восемнадцать! Хотя я не жалею ни в коем случае, она всем для меня была.

— Простите.

— За что? Лучше бы извинились за то, что я едва преступником из-за вашего безумия не стал, я ведь соблюдаю закон, Богом клянусь, мне еще сыновей растить, куда мне сейчас в тюрьму, вот скажи, зеленоглазка?

— А куда вы едете? — спрашивает Кори.

— В Тайрон через Брандфорд.

— А сколько километров от Брандфорда до Сиракьюс?

— Сто пятьдесят с лишним. Собрались в Сиракьюс? Могу высадить вас в Брандфорде.

— Собирались, пока у нас не угнали машину.

— Сейчас по радио только и орут, что о мошенниках. Куда вы смотрели? Детишки, не знаете ничего об ответственности, верно? Я шучу, можно ведь пожаловаться, сказать, что я побольше вашего в жизни понимаю. Старость — она такая, вредная и капризная.

— Но вы ведь нас подобрали, — я задумчиво пожимаю плечами, — не испугались, что у нас намерения плохие.

— Я плохих людей сразу вижу, вы — не мошенники, вы — подростки. В этом тоже мало хорошего, подростки сейчас такие, что общаться с ними трудно, но вы не показались мне опасными; растерянными скорее и безумными.

— Спасибо, — искренне восклицает Кори, — мы уже думали, никто не остановится.

— В этом проблема всех людей, нет, я серьезно, люди считают, что чужие проблемы их не касаются. Как по мне, о характере человека нужно судить по тому, как он относится к тем, кто ничем ему помочь не может, и к тем, кто ответить ему не в состоянии. Я вас не знаю, но я остановился, потому что остановиться — долг любого человека.

— Люди не хотят быть обманутыми. Предубеждение, и прочее.

— Предубеждение? Я скажу тебе, зеленоглазка, что такое предубеждение. Я всю свою жизнь только и слышу: черные врут, черные аморальны, доверять черным опасно. Но вот в чем соль, красавица, *не все* черные врут, *не все* черные аморальны, и *не всем* черным нельзя доверять. Более того, и белые врут, и белые аморальны, и некоторым из них нельзя верить. Выходит, предубеждение насчет цвета кожи — самая настоящая чепуха. Теперь ты мысли шире и пойми, что предубеждение *в общем* — полная ерунда. Откуда ты знаешь, что верно, что нет? Потому что где-то об этом прочитала или услышала? Предубеждение — это чушь, моя дорогая. А люди, ставящие предубеждение выше собственного опыта — глупцы.

Я с интересом хмыкаю и почему-то киваю. Этот худощавый мужчина в соломенной шляпе определенно мне нравится. Его длинные пальцы сжимают старый руль, и в салоне пахнет моторным маслом, будто старик не раз пытался починить двигатель, но он наотрез отказался работать лучше. Мы едем молча, а затем вдруг позади раздается звук гитары. Я оборачиваюсь и вижу, что Джесси вновь скользит пальцами по струнам, а два смущенных мальчика подпевают ему, сидя по бокам от Уильяма. У Уильяма безмятежная улыбка на лице, глаза сощурены, волосы блестят от пота. В какой-то момент Уилл опускает голову и вдруг смотрит в мою сторону через стекло, разделяющее кузов и передние сидения. Я тут же опускаю взгляд и отворачиваюсь, и вместе с музыкой до меня теперь доносится еще и его мелодичный смех.

Совсем скоро за окном появляются горы, они едва заметны, висят в воздухе вместе с облаками. Золотистый ковер превращается в зелень, за стеклом мелькают пышнокронные, низкие деревья, и тень от них приглушает жару, достигшую апогея.

Мы приезжаем в Брадфорд к вечеру. Желтовато-синий закат сливается с горизонтом, и ветер перестает хлестать по лицу, успокоившись и принявшись укутывать в прохладные руки. Старик тормозит на перекрестке, и пикап предательски скрипит, будто бы прощаясь с нами. Из кузова выпрыгивают ребята, Кори открывает дверь, а я поворачиваюсь лицом к мужчине и благодарно киваю.

— Спасибо, вы очень нам помогли.

— Пожалуйста, зеленоглазка. Но больше не ложитесь под колеса, попробуйте что-то менее радикальное. Договорились?

— Договорились. Как вас зовут? Я — Реган.

— Какое имя, красавица, так прямо и не запомнишь. Моррис я. — Старик сжимает мне руку и широко улыбается. — Моррис Блэк, фамилия, как кстати. Какое время странное, да? Сейчас знакомятся, собравшись проститься. Не верят, что ли?

— Спасибо еще раз, Моррис.

— Не скучайте, зеленоглазка.

Он смеется, вздернув плечи, а я выхожу из салона. Машу рукой и смотрю, как пикап отдаляется все дальше и дальше. На моем лице плавает улыбка.

— Нам повезло, — выдыхает Джесси, — нам всегда везет.

— И то, что тачку у нас украли — это тоже везение? — Ворчит Тэмзи. Оглядывается и в ужасе придавливает руками волосы. — Мы на отшибе, мать его, мира.

Так и есть. Брадфорд — небольшая деревушка с пятью административными зданиями и десятком небольших домиков. Пахнет тут свежескошенной травой, дождем и мятой, и я так глубоко втягиваю в легкие этот воздух, что становится больно. Прикусываю губы.

— Тут так тихо.

— Нужно участок найти, почту или что-то подобное.

— Здесь, кажется, кто-то есть, — говорит Кори и указывает на четырехэтажное здание с включенным светом на первом этаже. В полумраке сложно сказать, где мы находимся, как далеко до центральной улицы, или мы уже на ней. Мы плетемся на свет, как мотыльки и в надежде стучимся в неизвестную дверь. На вывеске криво выведено: закусочная. Сложно представить, что здесь кафе. — Никто не открывает.

— Почему тут так тихо? — Не понимает Тэмзи. — Люди вымерли, что ли? Ну, все, черт, я поняла, этот старик привез нас в ловушку и сейчас начнется какой-то фильм ужасов, вот же блин, я плохо одета, чтобы умирать.

— Ты еще и воняешь, — шутит Кори.

— О, замолчи, котик, у самого поджилки трясутся.

— Ничего и не трясутся!

— Тихо, — командует Уилл и останавливается, — кто-то идет.

Он загораживает нас спиной и вскидывает подбородок. Наверно, собирается что-то сказать, но неизвестный мужчина его опережает. Становится в единственное светлое пятно от фонаря и восклицает:

— Наконец-то!

Недоуменно вскидываю брови, как и остальные ребята. Мужичок невысокого роста и живот у него почти выкатывается из-под пиджака. Своими крохотными руками он вдруг взмахивает в воздухе и грохочет:

— Где вы были? Мы ждем вас уже несколько часов?

— Нас? — Переспрашивает Уильям и прищуривает глаза. — В смысле?

— Вы ведь музыканты, верно? Мы звонили вам, заказывали на свадьбу. У меня дочь сидит в платье, а вокруг так тихо, что повеситься можно! Вот, — он неожиданно подходит к Гудмену и впихивает ему в руки несколько свернутых купюр, — как мы договаривались по телефону, только шевелитесь, прошу вас, быстрее! Установка уже там.

Мужичок начинает плестись куда-то вниз по улице, а мы растерянно замираем. Уилл тупо пялится ему вслед.

— Какие еще музыканты? — спрашивает Кори. — Что это было?

Несколько секунд мы молчим, затем Уильям вдруг разворачивается и передергивает плечами. На лице у него играет знакомая мне коварная ухмылка.

— Это шанс, братец.

— Что?

— Тут двести баксов.

— Сколько? — восклицает Тэмми, но Джесси прикрывает ей пальцами рот и хмурится.

— Не кричи так, окей?

— Издеваешься? Нам просто так кучу денег вручили!

— Давайте их отработаем, — улыбается Уилл, — все равно делать больше нечего.

— Отработаем? — Глухо переспрашиваю я и округляю глаза. — Ты спятил? Какие мы музыканты? Тут только Джесси играть умеет.

— Я сяду за установку, Кори тоже себе гитару поищет.

— Я на фортепиано в школе играла, — задумчиво протягивает Тэмми, — ну, пыталась.

— Вау, отлично, какие тут все талантливые. А мне что делать? Найти кастаньеты?

— А ты пой, — внезапно отрезает, мать его, Кори, и я ошеломленно перевожу на него взгляд. У меня, наверно, лицо становится пунцовым и диким, потому что парень тут же в панике отскакивает в сторону. — Ну, ты же умеешь, Реган.

— Издеваешься? Ничего я не умею!

— О, так птенчик у нас поет.

— Не пою!

— Лгунья.

— Господи, Кори, я тебя придушу!

— Зачем? — Улыбается Уильям. — Он просто хочет, чтобы ты раскрыла свои таланты.

— Я не буду петь.

— Будешь.

— Нет.

— Да. — Гудмен приближается ко мне и едва слышно шепчет. — Это мое задание, и ты обязана его выполнить.

ГЛАВА 8.

Я сжимаю и разжимаю пальцы, сжимаю и разжимаю. Оглядываю толпу невидящими глазами и сглатываю. Что я здесь делаю, почему стою на сцене, упираюсь губами в старый микрофон и мну потные ладони? Что — черт подери — происходит?

Это сон. Страшный сон.

Опускаю взгляд, проверяя, на месте ли одежда. Фух, на месте. А ноги не приклеены ли к этому допотопному полу? Переминаюсь на носках и киваю — не приклеены.

Что ж, значит, все не так уж и плохо. Наверно. Вот только петь я все равно не хочу, как и быть здесь, находиться под прицелом десятков любопытных взглядов, ожидающих от меня того, чего я не смогу им дать. Ну, кто тянул Кори за язык? Додумался ведь меня так подставить. Еще и Уилл, естественно, не прошел мимо. Как же я сейчас всех жутко и люто ненавижу, давно я уже не чувствовала себя так по-идиотски. Мне похлеще, чем тем рыбам, которые на суше оказываются. Они хотя бы умирают! А я тут стою живая, на тот свет вроде не собираюсь, но мне очень и очень хочется.

— Раз, два, три, четыре, — кричит за моей спиной Уилл, и я оборачиваюсь через плечо, чтобы прожечь его ядовитым взглядом. Кем он себя возомнил, черт подери? Рок-звездой? Ох, что за лажа? А он еще и лыбится! Боже, как же мне сейчас хочется вскочить с места и вмазать ему кулаком по довольной роже. Но парень ударяет по барабанам, Джесси громко вступает, и мне ничего не остается, как повернуться вновь к зрителям и закатить глаза.

Какая несуразица. От безысходности я начинаю нелепо покачивать бедрами. Песню мы выбрали Джоан Джетт — "Я люблю рок-н-ролл". Точнее выбрал Джесси, а мы кивнули, потому что никто из нас нормально ни играть, ни петь не умеет. К счастью, слова я знаю, и уже от этого на душе немного легче. Хотя меня то и дело тянет схватить микрофон и со всей дури сначала врезать им по башке Кори, а потом по башке Уилла. Ну, и Тэмзи можно хорошенько потряхивать. Она меня раздражает просто так, и все.

— I saw him dancing there by the record machine, — протягиваю я сиплым голосом и тупо плясую на толпу, испепеляющую меня недоуменным взглядом. — I knew he must have been about seventeen.

Тут под широким навесом, наверно, собралось людей так шестьдесят. Все они стоят вдоль накрытых, белых столов и смотрят на меня, как на обезьяну в зоопарке, но внезапно я решаю, что мне наплевать на их глазенки. В конце концов, один раз ведь живем. Верно? Да и жизнь нужно не только классно прожить, но и синяки успеть понабивать. Унижение — вполне входит в список дел каждого уважающего себя человека. И не стоит выделяться. Раз позориться, так позориться, а, главное, под хорошую музыку. Чертыхнувшись вслух и осознав, что чертыхнулась я вслух, я продолжаю перекачываться с одной ноги на другую, старательно изображая завлекающий танец.

— I love rock-n-roll, — протягиваю я, сжав в пальцах микрофон, — so put another dime in the jukebox, baby! I love rock-n-roll, so come and take the time and dance with me!

Какая-то женщина с блестящими от дешевого лака волосами хмурит не выщипанные брови — ей богу, они у нее пол-лба занимают! И я наклоняю стойку с микрофоном прямо к

ее лицу, когда громко и безнаказанно выкрикиваю "Ау!" в проигрыше.

Джесси крадется ко мне, мучая изгиб гитары, за спиной трещит ударная установка, я все думаю, что она развалится от оглушающего грохота и напора, с которым Уилл бьет по тому-тому. Тэмми издевается над пожелтевшими клавишами фортепиано — ему, наверняка, столько же лет, сколько всем нам здесь вместе взятым — а Кори копотливо теребит струны бас-гитары, которую он нашел у кого-то мужика в зале.

Мы вместе выкрикиваем "I love rock-n-roll", и даже страх нас боится, боится наших звонких голосов, нашего намеренья свести здесь всех с ума. Люди молчат, а мы горим, как горят звезды. Как горят мгновения, пролетающие перед глазами с такой скоростью, что ты обычно их не замечаешь. Но я чувствую. Здесь, внутри, я чувствую, как воспламеняюсь и возрождаюсь из собственного страха, как феникс из пепла.

Люди привыкли бояться самих себя, своих мыслей и желаний. Любая попытка быть тем, кто ты есть, *понять*, кто ты есть, кажется неверной. Тебе стыдно быть собой, стыдно делать то, что хочется, потому что ты должен делать то, что нужно, и это сводит с ума. У нас столько страхов, свихнуться можно. Но, правда в том, что в этой жизни бояться стоит других вещей. Каких? Что твой страх публики перед раком? А что насмешки людей перед холокостом или крушением самолета? Да, тебе кажется, свет клином сошелся на тебе и на твоих проблемах, но фишка в том, что — нет. Твои проблемы — не проблемы, если живут они только в твоей голове. Борься — вот, что главное. Нет ничего постыдного в желании быть тем, кем ты хочешь быть. Пробовать себя во всем, что на пути попадается, с головой в собственный мир погружаться, да так, что наизнанку выворачиваешься, ошибаться и разбивать в кровь колени — нормально. Не нормально выйти к пятидесятилетнему рубежу без единого шрама. Ты вроде такой идеальный, нетронутый, правильный и разглаженный, как складки на драпированной юбке. Но жил ли ты, если тебя ничего не ранило?

Пот скатывается по моему лицу, я вытираю его тыльной стороной ладони и подхожу к Кори, покачивая бедрами. Мы сталкиваемся, тремя спинами, сходим с ума, как сходят с ума лишь те, кто ничего об этом не подозревает, и рисуем каракули в воспоминаниях друг друга. Я запомню этот его дикий взгляд. Пройдет время, оно нас разлучит, оно всегда так поступает, и ничего у нас с Кори не останется, кроме "*этого*". Я рада, что однажды я сяду за стол, подопру ладонями лицо и вспомню своего доброго друга, который никогда не был плохим парнем, но который, как и я, сходил с ума по жизни. Знали ли мы с ним тогда, что нам жить нравится? Нет. Не знали. Даже не догадывались. Но мы поймем это. Скоро.

Джесси играет заключительный аккорд, Уилл ударяет по барабанам, и, тяжело дыша, я смотрю в зал, ожидая, что прямо сейчас в нас полетит еда, столовые приборы, а когда и это закончится, то стулья, обувь. Что там еще можно быстро кинуть в порыве минутного помутнения рассудка? Однако в лицо мое врезается лишь глухое недоумение. Толпа тихо и растерянно аплодирует, невеста, стоящая в центре — пухлая, круглая девица с красными непонятно от чего щеками — молчит, а жених ее — весьма подтянутый, молодой парнишка — хлопает длинными ресницами. Того гляди, мы взлетим от его растерянности.

— Молодцы, молодцы, — щебечет мужичок, который впихнул Уиллу деньги, и быстро поднимается на сцену. Его лицо, похоже, скрипит от фальшивой улыбки. — А теперь мы с радостью послушаем следующую песню, которая более *лиричная* и *подходящая* для этой церемонии. Правда, ребята? — Резко посмотрев на меня, бросает он. — У нас тут свадьба, а не кабак, милочка, что вы творите?

В его глазах паника, в коленях — дрожь. Я пожимаю плечами, а Джесси подходит к

микрофону и торжественно объявляет:

— Тысяча лет!

— Что? — Шепчу я, подпрыгнув к нему. — Что еще за тысяча лет?

— Песня такая, — одними губами отвечает он и широко улыбается.

— А я знаю эту песню?

— Все ее знают.

— Ты ошибаешься, — продолжая газетку в зал, сообщаю я, — я понятия не имею, о чем ты говоришь, на ходу сочинять у меня не получается, гений, если ты не в курсе.

Джесси кланяется, отводит меня немного в сторону и показывает Уиллу, чтобы тот отбил бит. Боже, дурдом, меня так и тянет захохотать, но я сдерживаюсь от смеха и гляжу на Бонда со всей серьезностью, на которую я только способна.

— Белла, Эдвард, свадьба, ну же, Реган. В конце эпичный момент, воспоминания.

— Я похожа на человека, который любит "Сумерки"?

— Ты похожа на человека, который любит все, что ненавидят остальные.

— И как это относится к песне, Джесси?

— Вспоминай, в конце, они на поляне лежали, и там такая мелодия была милая. *"Я любила тебя тысячу лет, и буду любить столько же"*. Ну, поняла?

— О, Господи, — я хлопаю себя ладонью по лбу, — издеваешься? Если я начну петь эти сопли, я превращусь в страдающую суицидальным бредом гормональную бомбу.

— У тебя нет выбора.

Джесси пожимает плечами и смотрит на Тэмми. Неужели она знает партию? Вот это да. Сейчас еще окажется, что они репетировали. Ездили по стране и музыку из "Сумерек" наизусть запоминали. Сумасшедший дом какой-то!

Тэмзи с серьезным видом начинает играть медленную, светлую мелодию, а я громко выдыхаю, встряхиваю волосами и вновь становлюсь на центр сцены. Как там хоть песня-то начиналась? Сердце не бьется? Или бьется. Быстро, медленно. Черт.

Я мило улыбаюсь и подмигиваю краснощекой невесте. Кажется, челюсть у нее вот-вот упадет на пол. Бедняжка, сколько ей сегодня пришлось пережить, а теперь еще и мы портим ее любимые песни. Наверняка, "Сумерки" она сто раз пересмотрела. Ха-ха, мне вдруг так смешно становится, что я улыбаюсь еще шире и, наконец, вспоминаю слова.

Неожиданно мой голос становится очень нежным. Я сама не понимаю, как начинаю петь плавно, красиво, проникновенно, закрыв глаза, сжав в кулаки пальцы. В моей груди становится горячо-горячо. Я растерянно скрещиваю руки, горблюсь и почему-то думаю о том, что сама вряд ли когда-то надену платье, признаюсь в чувствах. Испытаю ли я то, что сейчас испытывает эта девушка? Смогу ли я сказать то, о чем говорится в куплетах?

Я раскрываю глаза, и теперь уже не зрители смотрят на меня озадаченно, а я на них.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Любовь — что это? Новое ли это слово, придуманное специально, чтобы боль как-то по-другому называть? Люди любят, но любовь — не вечна. Она испаряется, как и любые другие чувства, как злость, зависть, презрение. В один момент, все эти ощущения теряют смысл. Так почему *любовь* должна остаться? Что в ней особенного? Почему о ней пишут книги, сочиняют песни, почему о ней мечтают, ее ждут. Любовь — вымысел, плод нашего разыгравшегося воображения, которому скучно и одиноко. Любовь — опасна. Лишенные способности здраво соображать, люди творят невероятно глупые вещи. И все же любовь — повсюду. Будто бы одержимые и сумасшедшие, люди ищут ее и не находят. Я уверена, в

большинстве своем, любовь — самообман, которым прикрываются те несчастные, которые не могут жить одни. Неужели этот русоволосый, милый парень влюблен в толстушку, что с ним рядом стоит? Она ведь больше его в два раза! Но он ее за руку держит. С ума, что ли сошел? А она, как вообще на него взглянула? Наверняка, она влюбилась в самую мысль, что на нее какой-то парень внимание обратил.

Встряхиваю волосами. Допеваю песню и отхожу от микрофона, хмуря брови. Что на меня нашло? В голову лезут ненужные воспоминания, и на сей раз я не просто встряхиваю головой, а дергаюсь, как током ударенная. Прохожусь ладонями по лицу и отворачиваюсь.

— Ты чего? — спрашивает Кори, пока толпа аплодирует. — Ты в порядке?

— Я должна отойти.

— Что? Но ты ведь солируешь.

— Пусть Джесси споеет, хорошо? Я скоро вернусь.

Не дожидаясь разрешения. Просто спускаюсь с небольшой сцены и бегу куда-то, не видя ничего перед глазами. Прорываюсь через толпу, несусь к выходу и останавливаюсь на улице у терновника. Шипы царапают ноги, но я не двигаюсь, а смотрю в небо на звезды и молчу, сжимая до боли пальцы. Что на меня нашло? Я ведь и раньше думала о том, что у любви нет ни одного достойного оправдания; что любовь — вымысел, что любовь — чушь и насмешка человека над собственным здравомыслием. В любви абсолютно все неверно: ни желание посвятить свою жизнь другому человеку, ни попытки забыть о мире, заперев себя в ловушке из чужих стен. Любовь — идеал. Но ничего идеального в нашей жизни нет.

Значит, и любви нет.

Тогда что заставляет эту девушку сжимать руку этого парня? Что заставляет их быть здесь, а не где-то в другом месте? Не бывает такого, чтобы люди взяли и с ума сошли. Все. Вместе. Одновременно. Всем этим чертовым миром, будто бы сговорившись.

И тут я, наконец, понимаю, что именно так меня испугало. Люди твердят о любви, у них ни от чего так глаза больше не горят, только от нее. А я никогда не испытывала этого. Я не любила. Я видела, как больно моей маме, и я закрылась в себе, как закрываются не на время, а на всегда, двери и окна. Замуровала себя в собственном мире. Ледяная. Черствая.

И одинокая.

Мне вдруг становится холодно. Разозлившись на самую себя, я прикусываю губы. Для скептика я слишком эмоциональна. В любовь не верю, но хотела бы поверить.

— Глупости, — ворчу я и начинаю нервно ковырять носком землю.

В каком месте мой отец мать любил? Он определенно любил ее *бить*, пиво любил, и бар любил. Но любовь, как чувство к человеку, как желание сойти с ума по одной улыбке, по одному лишь прикосновению — что моему отцу об этом известно?

Как и мне — ничего.

Я заправляю за уши волосы и протяжно выдыхаю. Тень от деревьев падает на лицо, ветки хрустят, покачиваются от ветра, и ночь пробирается внутрь меня, вдохновляя на те мысли, о которых утром даже не подумаешь.

Внезапно я слышу чьи-то всхлипы. Недоуменно вытягиваю шею.

Из палатки доносятся звуки гитары, барабанов, по навесу путешествуют яркие пятна от светомузыки. И, кажется, что я здесь одна, наедине с собственным безумием, но нет, не одна. Сощурившись, я неожиданно замечаю в кустах еще одного потерянного человека, и мне вдруг становится так неловко, что я задерживаю дыхание.

— Эй? — Я делаю несколько шагов в глубину леса. — Что-то случилось?

Уже через пару секунд лунный свет освещает мокрое от слез лицо пухлой невесты. Я приближаюсь к ней уверенно, но затем застываю в нерешительности — чего она ревет? Что уже успело приключиться? Покачиваюсь на носках и поджимаю губы.

— Ты в порядке?

Невнятно пробурчав что-то и отмахнувшись, девушка отворачивается, и чувствую я себя еще паршивей. Мне вдруг становится не по себе, будто это я ее обидела. Хотя я еще не успела сделать ничего постыдного.

— Что с тобой? Нашла, где разгуливать в платье.

— Какая разница.

— Это ты мне скажи, я в свадьбах поменьше тебя понимаю.

Девушка переводит на меня блестящие от слез глаза и делается еще более жалкой. Я неожиданно ощущаю себя обязанной ее успокоить. Выдыхаю и кладу ладонь на ее плечо.

— Что случилось?

— Это ты пела на сцене?

— Ну да.

— И почему ты ушла?

— Душно стало.

— И мне стало душно.

— От этого не режут ночью посреди терновника.

— Считаешь? — Пухлыми пальцами она протирает щеки и шмыгает носом. — Я просто хотела уйти оттуда, я... я не могу там находиться.

— Не можешь находиться на собственной свадьбе? — Не понимаю я.

— Это была плохая идея.

— Знаешь, мне кажется, тебе стоит вернуться. Твой отец — тот ведь низенький мужик в смешном смокинге, верно — будет волноваться.

— Он вечно волнуется. Постоянно. Ничего с ним не станется.

— И все же — что ты тут забыла? Мы не подруги, и ты можешь прогнать меня, но я не понимаю. Это ведь твой день, красавчик ждет тебя, а ты здесь ревешь.

— Я не могу вернуться.

— Почему?

— Потому что они убивают меня! — Внезапно восклицает девушка, и ее полноватые плечи поникают вместе с руками. Она встряхивает головой, а я недоуменно хмурюсь.

— Кто — они?

— Люди.

— В смысле?

— Ты же видишь, как они на меня смотрят. Это невыносимо. У них такие лица, будто я чудовище, отнимающее у них сына, друга, брата. Я не могу.

— Подожди. — Я растерянно хлопаю ресницами. Смотрю на это несчастное, разбитое создание и вскидываю брови. Неужели она не хочет возвращаться из-за того, что люди на нее озадачено смотрят? В какой-то момент мне становится стыдно. Я ведь тоже с трудом понимаю мотивы жениха. Она — далеко не красавица. От собственных мыслей мне тут же становится тошно. Во рту першит, и я раздраженно стискиваю зубы. — Не выдумывай.

— Не выдумывай? Seriously? Взгляни на меня! Я — урод, а Шон — идеальный.

— Не бывает идеальных людей.

— Бывают, — настаивает она. В этот момент до меня доходит еще одна вещь, пожалуй,

самая главная: когда ты влюблен, любой человек кажется совершенным. — Шон добрый и искренний, умный. Он — мечта, а я вдруг оказалась на его пути. Уродливая и совсем не такая, какой хотели бы меня видеть его родители.

— Я не умею об этом разговаривать. Вопросы об отношениях — не ко мне.

— Но знаешь, что самое ужасное, — продолжает девушка, а я закатываю глаза. Ну, я и влипла. — У меня такое ощущение, что я не на свадьбе, а в цирке. Все столпились, чтобы на меня поглазеть. Подумаешь, жирная, и что с того? Сейчас этим никого не удивишь.

— Ты не жирная...

— Ты в мое платье влезешь вместе со своей подружкой, что фальшиво на фортепиано играет. Кстати, музыка у вас отвратная. Честное слово. Вы хотя бы виделись раньше?

— Провокационный вопрос. Если я на него отвечу, мне придется тебя убить.

— Этот день должен был быть совсем другим. — Неожиданно шепчет девушка и робко поправляет выбившиеся из пучка светлые волосы. Я смотрю на нее и не знаю, что сказать. Мне об отношениях ничего неизвестно, но я хочу ей помочь.

Стискиваю зубы и подаюсь вперед, расправив плечи.

— Каким будет этот день, зависит только от тебя.

— Сомневаюсь.

— Люди сделают то, что ты им скажешь. Если ты позволишь им издеваться над тобой, они не упустят этой возможности, поверь мне. Они отыграются на тебе, да так, что от тебя живого места не останется.

— И что делать?

— Вернуться, — я размахиваю руками в стороны и усмехаюсь, — показать им, с кем они имеют дело. Если Шон выбрал тебя, значит, ты особенная. Хотя бы для него. И наплевать на остальных. Пусть они катятся к черту.

— Почему ты это говоришь?

— Я так думаю.

— Неправда. — Девушка покачивает головой. — Ты смотришь на меня так же, как и все.

— Как тебя зовут?

— Ребекка.

— Бекки, — я беру девушку за руки и смотрю ей прямо в глаза, — *насрать*. На меня, на тех, кто в зале. Мы всегда будем смотреть с недоумением на тех, кто от нас отличается. И к тебе это также относится. Люди не понимают других людей. Это абсурд, но это правда. Мы и себя-то с трудом принимаем, о чем тут можно говорить?

— Думаешь?

— Я знаю. Мнение человека не размахнется и не ударит тебя по лицу. Они могут тут целый вечер накручивать себя и сплетничать, но как это на тебе отразится? Забей, Бекки, ты живешь один раз. И, поверь, не все встречают таких парней, как Шон. Воспользуйся этим, ты никогда больше не будешь здесь, никогда больше не будешь такой же молодой и красивой. Жизнь пройдет. Моменты неповторимы.

— Я боюсь.

— Кого? Меня? Людей в зале, которые локти кусают?

— Я боюсь, что поступаю неверно. Возможно, Шон заслуживает...

— ...прекрати, — обрываю я, — никогда не говори подобной чуши. Живи здесь и сейчас, Бекки. И ради себя живи. Ты хочешь быть с ним?

— Хочу.

— И ты любишь его?

— Да.

— Тогда наплевать на все. — Я вдруг улыбаюсь и подхватываю девушку под руку. — У нас с тобой есть дела.

— Какие дела? — Удивляется Ребекка, когда я начинаю тащить ее в сторону навеса.

— Ты выбрала песню, под которую будешь плясать перед всей этой злобной толпой?

— Что? Нет, конечно. Издеваешься? Я не хочу.

— Хочешь.

— Нет.

— Что ты потом вспомнишь, Бекки? Как ревела в терновнике, а? Еще книгу об этом напиши. Но лучше — утри всем им зад.

— И что ты предлагаешь? — Осторожно интересуется она. Ее голубые глаза горят от ужаса и предвкушения. Внезапно я понимаю, что заблуждаться в человеке, так же просто, как и проспать утром, потерять перчатку или набрать неверный номер. Мы делаем все эти вещи случайно. Вот только ошибаясь в человеке, мы подставляем не только его, но и себя.

— "*Dancing queen*". К счастью, слова этой песни мне знакомы.

ГЛАВА 9.

Я смотрю на то, как Ребекка танцует с мужем под навесом, как ее взлохмаченные волосы больше не уложены в пучок, а свисают с полноватых плеч и прыгают в стороны, отражая огоньки светомузыки и свечей. Ее лицо пунцовое, но теперь от усталости. Бекки больше не боится, держится за руку Шона так, словно никогда не упустит. У него в глазах нечто незнакомое мне. Сияние. Парень видит не толстую, зажатую девушку, а мечту. Мне вдруг кажется, что я ничего не понимаю в жизни. Они настолько разные, но взгляды у них одинаково замороженные, дикие, живые. Почему? Что их сблизило?

— Ты отлично поешь, — неожиданно говорит знакомый голос, и я оборачиваюсь. Уилл облокачивается о мой стул. Вид у него уставший, а на лице по-прежнему гуляет ухмылка. Не знаю, откуда он в себе силы находит вечно растягивать губы и казаться счастливым.

— *Обычно* пою.

— Нет, *круто* поешь.

— А ты *круто* играешь на установке.

— Так и есть, — на выдохе парень присаживается на скрипящий табурет и подвигается ко мне почти вплотную. Я больше не смотрю в зал. Перевожу на него взгляд и сглатываю, не понимая, чего это Уильям так на меня уставился. — Ты невероятно поешь, птенчик.

— Ты пытаешься сделать мне комплимент?

— Возможно.

— Можешь не стараться. — Я вновь гляжу на танцующую пару. Тэмми, Кори и Джесси до сих пор пытаются играть, но вид у них измотанный. Я и сама еле разговариваю. Горло у меня саднит и пылает, будто бы я проорала несколько часов на холоде.

— Почему я не могу сделать тебе комплимент? — Не понимает Уилл и усмехается. — Я не помню девушек, которым бы это не понравилось.

— А ты делаешь девушкам комплименты? Хм, мне казалось, ты сразу принимаешь с ними душ в мотелях. Это больше на тебя похоже.

— Ты не в настроении?

— Точно.

— И что послужило тому причиной?

— Взгляни на них, — машу в сторону Бекки и задумчиво хмурю брови. В груди у меня становится так горячо, что даже больно. Отвратительное ощущение. — Я не понимаю.

— Чего, птенчик?

— Что с ними не так? Ребекка — милая девушка, и Шон, наверняка, хороший парень, но что заставляет их так смотреть друг на друга?

— Как?

— Ты не видишь? У Бекки глаза горят, а этот ее парень..., просто присмотришься, вон, иди сюда, — притягиваю Уилла к себе и вновь указываю на парочку, — гляди, как он нежно прикасается к ее коже. Он каждые несколько секунд проходится пальцами по ее плечу. И делает он это так медленно, так осторожно, что в этом его действии больше чувств, чем во всех словах мира. Я вижу электричество. Искры отскакивают от подушечек его пальцев. Я не понимаю. Он смотрит на нее иначе, а она тянется к нему, кладет голову на плечо, но не так, словно устала или хочет опереться. Бекки нуждается в нем. Он нужен ей.

— Почему тебя это так удивляет?

— Людям не нужны другие люди.

— Ты не права.

— Права. Люди сами по себе, все. Люди предают, люди делают больно. Нельзя просто взять и довериться человеку, в нашей природе обманывать.

— Иногда люди хотят обмануться, верят в то, чего нет.

— Но у них оно есть. — Я продолжаю глазеть на Ребекку. — Уилл, между ними магия, я не верю в это, я чувствую несую, и ты должен меня остановить. Но как можно отрицать то, что у меня перед глазами? Посмотри, как покорно он облокотился о ее плечо. Его голова лежит на ее макушке, и в этом нет слабости. В этом столько личного.

— Он ее любит.

Я усмехаюсь. Закатываю глаза, а когда вновь смотрю на парня, то понимаю, что он на меня так пристально глядит, что кожа воспаляется. Мне становится неловко.

— Что? — Не понимаю я и передергиваю плечами. — Чего ты уставился?

— А ты чего смеешься?

— Я не смеялась. Просто когда ты начал говорить о любви, я отключилась.

— Вот как. Все еще не веришь в любовь?

— Звучит, как название дерьмовой песни.

— Я до сих пор хочу узнать, какая твоя любимая книга.

— Ты еще помнишь об этом? Классно. Ну, узнаешь когда-нибудь.

— И когда же?

— Когда уберешь с лица это самодовольно выражение. Но что-то мне подсказывает, что по-другому ты не умеешь.

— Зачем же мне его убирать? Ты влюбишься рано или поздно, а я хочу выглядеть так, словно выиграл охренительное пари. — Уильям поправляет взлохмаченные волосы. — Тебе ведь еще не приспичило дать заднюю, верно?

— Не надейся, птенчик. — Дергаю уголками губ и смотрю на парня, наконец, забыв о том, что не давало покоя несколько минут назад. — Я дам заднюю только тогда, когда ты проревешь столько дней, что мне тебя жаль станет.

— Какая же ты благородная. — Хохочет Уильям. — Кори повезло с тобой.

— Кори вообще повезло с близкими, ведь у него такой классный старший брат.

Уилл неожиданно отворачивается. Хмыкает, кивает и улыбается мне фальшиво. Ни черта не понимаю. Парень поднимается со стула, а я в ту же секунду хватаю его за руку.

— Ты чего?

— Хочу воздухом подышать.

— Так, дыши. Воздух повсюду, забыл что ли? — Я нелепо усмехаюсь, а Уилл больше не улыбается. Он снисходительно кивает, уходит, а я так и пялюсь ему в след, ничего не понимая. Что я такого сказала? Может, они поссорились, пока я с Беккой разговаривала?

Поднимаюсь из-за стола и оглядываюсь. Ребята до сих пор играют на сцене, а толпа танцует, гудит, как паровоз, и не обращает внимания на то, как дрожат их колени. Как же долго нам еще здесь торчать? Бедный Кори. Вид у него измученный.

Поправив волосы, я схожу с места и непроизвольно плетусь за Уильямом. Что-то не дает мне покоя, а когда я на взводе — успокоиться сложно. Прикусив губы, я выбираюсь из шатра, прохожу в крошечной темноте несколько метров и понимаю, что парень не просто вышел подышать, но и решил прогуляться. Здесь его нет, но куда он, черт подери, побрел?

— Господи, — закатываю глаза, что я сказала-то такого? Вроде нормально болтали, ну, как нормально, пытались друг друга поддеть, но это вполне очевидно. Между мной и этим парнем огромная пропасть в несколько тысяч миллиардных различий. Он любит черное, а я белое. Он громкое, а я тихое. Он соленое, я сладкое. Разные и столкнувшиеся. Не так уж и сложно поверить во взаимное сопротивление.

Однако волнение за Уилла не дает мне покоя. Я почему-то чувствую, что задела его, и это кажется мне таким дикими идиотизмом, что тупее некуда! Хотя, есть куда. Я схожу с места и направляюсь его искать. Боже, нашлась ведь Мать Тереза. Даже если я и сказала что-то такое, что ему не понравилось — успокойся. Побродит, подумает, поколотит еще один автомат с кофе и в себя придет. Но, нет. Я плетусь вдоль темной улицы и смотрю по сторонам, в надежде в живых остаться. А ведь именно в такие моменты ребят в фильмах ужасов убивают. Да-да. Какие-то наивные идиотки решают ночью прогуляться, и домой они уже никогда не возвращаются.

— Класс, — я потираю ладони и вздрагиваю всем телом от холода. Когда на улице уже успело так похолодать? Утром — невероятная жара, к ночи — жуткий холод. Лето, такое же невменяемое, как и подросток. Само не знает, чего хочет: палить без передышки или же промораживать до костей.

Я прохожу под мигающими фонарями и вглядываюсь в темноту. Кусты торчат тут и там, словно чьи-то растопыренные пальцы, а ветви деревьев шуршат, как скрежет когтей. Да, с фантазией у меня дела обстоят прекрасно.

Не зря ведь я проучилась пять лет на факультете журналистики. Теперь умею делать шум из ничего и воображать что-то там, где ни черта нет.

Неожиданно в метрах пятидесяти от себя я вижу светлое пятно. Это магазин. Крыша у него светится, будто бы усеянная фонариками, как и вывеска: *круглосуточно*. Плетусь к нему в надежде, что Уильям решил купить пачку сигарет или что-то в этом роде. Деньги у него ведь теперь есть. Однако я рывком торможу, едва моему взгляду открывается вид на парковку у центрального входа. Мой рот открывается и закрывается, вновь открывается и вновь захлопывается, как оконная рама. Я пару раз моргаю, а затем шепчу:

— Какого черта?

— Ты тоже это видишь? — Неожиданно спрашивает меня Уильям, выросший будто бы из-под земли. Я хочу взглянуть на него, но не могу даже шевельнуться. Просто пялюсь на машину, стоящую возле магазина, и молчу. — Я сначала решил, что принял что-то, но ведь все, что я могу принять, находится как раз таки в этой машине.

— Офигеть.

— Охренеть, птенчик.

Как можно просто взять и поверить в то, что психи, угнавшие нашу машину, сейчас закупаются здесь, чтобы отправиться в дальнейший путь? Бывают ли такие совпадения? Я с трудом в них верю. Но спорить..., спорить сейчас, когда Додж Уилла стоит прямо перед моим носом — могу ли я? Внезапно мне становится смешно, и я захлопываю пальцами рот, прежде чем из него вырывается хохот.

— Наша тачка...

— Моя тачка, — поправляет парень.

— Как такое возможно? Черт, да они просто лузеры.

— Лузеры с поломанными ногами.

Уильям расправляет плечи, сходит с места, а я испуганно округляю глаза.

— Эй, — хватаю его за локоть, — ты что творишь?

— Иду за тачкой.

— Один?

— А ты хочешь со мной?

— Уилл, давай позовем кого-нибудь. Ты ведь не знаешь, кто машину угнал. Вдруг там психи, слышишь? Вдруг тебе ноги переломают?

— Тогда тебе придется мужественно оттащить меня обратно к шатру.

— Не смешно.

— Я не шучу. Держи. — Он стаскивает с плеч куртку и вручает ее мне, будто бы святой Грааль. Цокаю и вспоминаю, как он ворвался ко мне домой, врезал отцу и курил, глядя на его судороги. Жуткое зрелище. — Жди здесь.

— Я последний раз говорю, Уилл, я..., эй, черт бы тебя побрал, остановись! Уилл!

Но парень даже не смотрит меня. Со скучающим видом плетется к Доджу и лениво разминает плечи. Дьявол, что он творит? У меня желудок сводит. Злая и испуганная я не убегаю, а решаю подойти поближе, и корю себя за подобную легкомысленность. Что же эти психи сделают, когда привяжут тело Уилла к выхлопной трубе? Наверняка, им очень захочется поразвлекаться с его подружкой. И их даже не будет волновать, что никакая я ему не подружка. Тут просто главное соблюсти все каноны и избить каждого, кто под руку попадется. Ох, я рычу и плетусь за парнем, проклиная все, что только можно.

— Если они не убьют тебя, — шепчу я, испепеляя спину Гудмена ядовитым взглядом, — я сама это сделаю, птенчик.

Останавливаюсь и чувствую, как замирает сердце, когда Уилл стучит в окно Доджа и помахивает рукой. Из машины с недоуменной рожей выкатывается высокий мужик, но он не успевает сказать ни слова. Рот открывает и закрывает, потому что Уилл раскатисто размахивается и врезает ему кулаком прямо по челюсти. Незнакомец с мощным звоном ударяется о крыло машины, скатывается по ней и застывает, раскину в стороны руки.

— Черт, — пишу я и вижу, как двери Доджа распахиваются, и из салона выбегают еще два человека. О, боже. Что он натворил? Мужчины оба невысокого роста, но у каждого на руках по расписной, черно-белой татуировке, и что-то мне подсказывает, что они их не в

тату салоне сделали.

— Какого хрена? — Кричит один из незнакомцев — у него смешная рыжая борода, как у козла — и наступает на Гудмена. Мужик собирается его ударить, но Уильям отпрыгивает и усмешается. Видимо, ему весело. Класс! Потому что мне, мать его, страшно до оупения!

Дальше никто уже не пытается спросить, что происходит. Незнакомцы просто разом наваливаются на Уилла и начинают размахивать толстыми руками по воздуху, корчась и рыча, будто одичавшие звери. Их удары свистят в воздухе, рыки проваливаются в темноту и возвращаются эхом. А я стою с этой его кожаной курткой и пялюсь, как озабоченная, у которой вдруг появилось желание понаблюдать за чем-то неприличным.

— Хватит! — Ору я. — Не трогайте его!

Я хватаюсь свободной рукой за голову и растерянно оглядываюсь. Где же люди? Ну, почему их никогда нет, когда они нужны! В ужасе я вновь оборачиваюсь, но теперь вижу, как из магазина выкатывается еще один мужик. В пальцах он сжимает прозрачные пакеты с пивом. Замерев у стеклянных дверей супермаркета, он раскрывает рот и растеряно стоит так несколько секунд. Затем до него, наконец, доходит, что происходит, пакеты валятся из его рук с оглушающим треском и пеннистая жидкость выливается на асфальт, вырисовывая нечто сюрреалистичное и странное, но такое, за что кретины в художественной академии непременно отдали бы баснословные деньги.

Со смазанным стартом он срывается с места и бежит на Уилла, сомкнув кулаки. Мне даже в голову не приходило, что сходить с ума и бросаться на людей, способен не только мой отец. Не помню, как бросаю куртку Гудмена на асфальт. Просто кидаю ее, разбегаюсь и врезаюсь в незнакомого мужчину, надеясь, повалить того с ног.

Зря надеюсь.

— Ты что делаешь, дура? — Шипит он мне в лицо и хватает меня под мышки.

Неожиданно я оказываюсь в воздухе, прямо напротив его широченной и краснющей рожи. Мужчина встряхивает меня, будто запывлившийся ковер. Встряхивает, встряхивает и откидывает в сторону, как ненужную вещь. Я ударяюсь спиной о землю, зажмуриваюсь и стону от сильной боли, перекатившись на живот. Черт подери! Распахнув глаза, я гляжу в темноту и морщусь, ощущая, как взывает мое тело от колючей, неприятной боли. Да уж, я уже и подзабыла, как это, когда грудь пылает от горечи и злости. Поднявшись на ноги, я откидываю назад голову, но вдруг понимаю, что не вижу ничего, кроме черного полотна, застелившего все вокруг. Приходится потерять пару секунду, прежде чем я опять начинаю видеть. Потираю нос и гляжу на Уилла. За руку его сжимает низкий мужичок с рыжеватой бородой. Он ждет, когда другой мужик размахнется и врежет Гудмену по лицу, но я тихо и незаметно подкрадываюсь сзади, запрыгиваю на него и впиваюсь пальцами в его потное лицо. Он начинает скакать со мной и носится по парковке, а я рычу над его ухом и кричу, как будто бы из головы у меня испарились все человеческие слова и звуки.

В конце концов, запыханный и обозленный он скидывает меня с себя и застывает, не переставая громко дышать. В глазах у него стоит ярость, и я прекрасно знаю, что за таким следует. Я собираюсь вскочить на ноги, но не успеваю. Молниеносно он оказывается надо мной, и его толстенные колени припечатывают меня к ледяному асфальту.

— Отвали! — Ору я, что есть мощи. Горло у меня срывается, и я начинаю кряхтеть, как будто выкурила все сигареты, мать его, мира. — Пусти меня, пусти!

Мои руки хлещут по его уродливому лицу, словно лопасти пропеллера, а он ловит их и морщит рожу, стиснув зубы. Рыча, он прижимает меня к земле, а пеннистые слюни на его

губах начинают капать мне на кофту, будто он бешеный. От омерзения я кричу громче и извиваюсь под его толстым телом, как ошпаренная, не замирая ни на секунду. Но вскоре у меня не остается сил, и вместо криков, я начинаю стонать, ощутив, как в груди горит и взрывается сердце. Боже, боже. Мне становится так страшно, что я едва сдерживаю слезы. Я помню отца, помню, что он со мной делал. Он бил, но никогда не лапал. Не прижимал к полу, не нависал, не стискивал в ловушке. Я неожиданно оказываюсь беспомощной, и мне так паршиво, что горло сводит судорогой.

— Пусти! Отпусти меня, отпусти! — Все продолжаю повторять я сиплым голосом, а он не отпускает, а сжимает еще сильнее. Теперь мужик не злится. Он начинает хохотать, его намерения в мгновения ока становятся иными, и его руки не душат, а играют, подергивая мою одежду, перебирая волосы.

— Какая сумасшедшая, — гогочет он и наклоняется к моему лицу. Из его рта разит так сильно, что меня тошнит. Я отворачиваюсь, а он хватается пальцами за мой подбородок и тянет его на себя. — Что ты глаза отводишь, больше ничего не скажешь? Ничего?

Я взмахиваю ногой, пытаюсь ударить его, а он приподнимает меня и со всей силы об асфальт ударяет. Да так, что в глазах краски взрываются. Распахиваю рот и в ужасе гляжу на небо. Оно тут очень красивое. Чистое. Звезд столько, что не сосчитать.

— Сумасшедшая, — ржет незнакомец, — иди сюда, иди ко мне.

Он наваливается мне на ребра, продавливает живот и внезапно испаряется. Я ничего не понимаю. Не перевожу взгляд в сторону. Между висков плавает звон, перекачивается из одного уха в другое, а я просто смотрю вверх, часто моргая.

Понятия не имею, сколько я так лежу. Зажмуриваюсь, прикрываю ладонями лицо и покачиваю головой. Нужно прийти в себя, да вот шевелиться больно.

— Эй, птенчик, ты как? Слышишь? — Чьи-то мокрые ладони касаются моих пальцев. Я глаза не открываю. Продолжаю молчать. — Реган, посмотри на меня. Пожалуйста.

Меня приподнимают. Это Уилл. Он заботливо проходится руками по моим волосам, но я все равно на него не смотрю. Даже когда глаза открываю — отворачиваюсь. Это он во всем виноват. Во всем, что с нами случилось.

— Взгляни на меня, ты цела? Ты в порядке?

— Да.

— Реган, пожалуйста.

— Что?

— Посмотри на меня.

— Не хочу.

— Я прошу тебя. Слышишь? Дьявол, — он глухо усмехается и неожиданно прижимает меня к себе. Я застываю, а его руки замыкаются за моей спиной. Я слышу, как громко его сердце стучит, как пульс прорывается не его шее. Он весь потный, горячий, а еще он весь дрожит, словно замерз. — Ты спятила. Что творила? Черт, поверить не могу.

— Зачем ты это сделал?

Я отстраняюсь и гляжу в знакомые глаза парня озадачено. Уильям сейчас другой. На его вспотевшем лице пылают щеки, скатываются капли пота, крови, грязи, а еще, кажется, он счастлив. Он улыбается, а я еле слезы сдерживаю.

— Зачем? — Вновь повторяю я. — Что ты творишь?

— Они украли нашу машину.

— Они могли нас тут убить.

— Ты должна была ждать меня.

— И смотреть, как эти кретины дерьмо из тебя вышибают? — Завожусь я и возгораюсь, как спичка. Злость вновь бьет мне в голову. Я даже про боль забываю. Отталкиваю парня, вскакиваю на ноги и, впившись пальцами в волосы, оглядываюсь.

Вокруг нас валяются тела неизвестных. Они без сознания, но они ведь очнутся. Мне в эту секунду паршиво становится. Я протираю лицо, стискиваю зубы и несусь к Доджу.

Уилл молча поднимает куртку и следует за мной.

Он прыгает за руль, заводит машину, и мы срываемся с места, подняв груды пыли. Я облокачиваюсь о подлокотник, прикусываю палец и смотрю в окно, понятия не имея, что я там пытаюсь отыскать. Просто гляжу, и все. Бездумно. Наверно, стараюсь успокоиться, пожар в груди потушить, но у меня не получается.

Все тело от боли взывает, завтра синяков будет столько же, сколько звезд на небе, а еще я до сих пор помню хохот этого кретина, когда он меня лапал. Я зажмуриваюсь, Уилл тормозит перед шатром, оттуда до сих пор доносится музыка, и глушит двигатель.

— Послушай...

— Заткнись.

— Реган, я не хотел, чтобы так вышло.

— Ты хотел, — я открываю глаза и смотрю на парня. Он пялится вперед, куда-то через лобовое стекло, но мне наплевать, и я повторяю еще раз, — хотел.

— Чего? — Он нервно постукивает пальцами по рулю. — Чтобы тебя придушили?

— Чтобы *тебя* придушили.

— Несешь бред.

— Тогда какого черта ты туда поперся! — Развернувшись к парню, взрываюсь я. — Нет, объясни, потому что я, блин, не понимаю. Чего ты хотел? О чем думал? Неужели до тебя не дошло, что будут проблемы, что эти психи не отдадут тебе машину просто так! Ты все понимал, Уилл, и шел туда шею свернуть.

— Тебя не сильно потрепали?

— Ты меня слушаешь?

— Может, врача надо найти?

— Не нужен мне твой врач. Я понять тебя хочу. Мы могли позвать на помощь, могли копов найти, ребятам рассказать, но ты сам ринулся разбираться. Зачем?

— Хорошо, что ты в порядке, — чеканит он и вырывается из машины.

Уильям хлопает дверью с такой силой, что приборная панель дребезжит и стонет, и я тут же выскакиваю из салона, сомкнув в ярости пальцы.

— Куда ты убегаешь? — Восклицаю я. — Эй, остановись, я с тобой разговариваю!

— Но я с тобой не разговариваю.

— По какой причине?

— По любой причине.

— Уилл! — Я нагоняю парня и резко тяну на себя. В глазах у него внезапно громыхает молния, я буквально вижу ее, но не пугаюсь. — Что на тебя нашло? Ты ведь погибнуть мог.

— И что?

— Не говори так. Мы могли серьезно пострадать.

— Но все ведь обошлось.

— А если бы не обошлось? Что тогда? — Приподнимаюсь на носочки и смотрю парню прямо в глаза. Мне давно так страшно не было, а ему наплевать. — Ты ведь понимаешь, ты

не должен был идти один, не должен был меня в это втягивать. Уилл, это было безумием, настоящим! Ты просто сиганул с утеса, прекрасно понимая, что расшибешься в лепешку.

— Похоже на меня.

— Неправда.

— Ты совсем меня не знаешь.

— Ты не самоубийца. Не говори чепухи!

— Что конкретно тебя не устраивает? Чего ты разоралась? Ты благодарна мне должна быть. Я создаю твои воспоминания, что твоя жизнь без этой поездки? Что ты вспомнишь?

— Ты считаешь, вспоминать о чокнутом психе, который придавил меня к асфальту и едва не изнасиловал — круто?

— Хотя бы что-то.

— Хотя бы что-то? Да ты спятил!

— Да. — Воскликает Уильям и смеется. — Да, я спятил. Довольна? Мы закончили сеанс психотерапии? А теперь проверь наши вещи. Займись чем-то помимо мозгового штурма.

Он взмахивает руками и плетется в шатер, а гляжу ему в след и едва сдерживаюсь от безумного желания догнать его и придушить. Что за дерьмо у него в голове? Что вообще с ним происходит? Он что — ненормальный? Считает, в жизни главное с ума сойти?

— Идиот, — шепчу я и хватаюсь руками за лицо.

Черт, просто не верится, что несколько минут назад я пыталась выколочь глаза тому кретину. Я оказалась смелее, чем думала. Правда, все равно проиграла. Чтобы кинуться в бой я силы в себе нашла, а чтобы выиграть его — нет.

Иду к машине, снимаю навес над кузовом и оглядываю вещи. Кажется, ничего здесь не изменилось. Много сумок, какое-то барахло. Я копаюсь в вещах, перебираю их и вдруг случайно роняю на асфальт портфель Уильяма. Сначала я хочу поднять его, а потом мне в голову что-то ударяет, и я начинаю молотить по сумке ногами, разъяренно стиснув зубы.

— Чертов псих, — рычу я, поднимая пыль вокруг себя, — как же я тебя ненавижу, как же я тебя терпеть не могу, идиот, придурок!

Рюкзак раскрывается, и воздух из меня выходит, будто бы я сдувшийся шар. Дьявол. Как же я устала, хочу есть, спать, убивать. Особенно Уильямов Гудменов. Да, их я бы всех стерла с лица земли, начиная с того, что в шатре прячется.

Присаживаюсь на корточки, вздыхаю и неожиданно вижу перед собой кепку. Из нее Уилл доставал имена тех, кто оказывался несчастным-слугой-беднягой. Мелкие листочки валяются у носков моих ботинок. Я собираю их, сгребаю в кучу и бросаю в кепку, однако неожиданно один из листочков переворачивается, и я читаю надпись: *Реган*.

— Что? — Третий раз? Seriously? Грудь у меня ошпаривает от недоумения. Я вновь все листочки выкидываю из кепки, переворачиваю их и понимаю, что на каждом из них лишь мое имя. — Ах, ты сукин сын! — Восклицаю я и широко глаза распахиваю. — Вот это да, вот же ты кретин, Уильям Гудмен!

Я резко перевожу взгляд на вход в шатер и внезапно хочу сорваться с места, и найти Уилла, чтобы осуществить его мечту и все-таки свернуть ему его тупую башку! Но затем я беру себя в руки. Это было бы слишком просто. Вдохнув в грудь побольше воздуха, я не прячу листочки в кепку, а тянусь к рюкзаку, чтобы найти ручку или карандаш.

— Теперь мой ход, *птенчик*.

Мы уезжаем рано утром. Всем хочется спать, но еще больше всем хочется убраться отсюда как можно дальше. В конце концов, мы не знаем: вернутся ли психи за машиной.

Мы выезжаем на рассвете. Свет расплывается над горизонтом, прохладный воздух в считанные секунды нагревается и становится душным, влажным, тяжелым, и меня словно к сидению припечатывает. Я мощусь в углу, прижимаю к себе ноги, обхватываю их и тихо гляжу в окно, покусывая губы. Мне чертовски не по себе. Даже смотреть не хочу на руки, на кисти, на плечи. Я знаю, что там у меня синяки, отпечатки пальцев того кретина. Знаю, что где-то в волосах кровь запеклась, и еще я знаю, что смыть ее мне негде. Оттого я себя ощущаю грязной, липкой и чужой. Будто бы я — не я.

С Уиллом я не разговариваю. И не потому что я злюсь, а потому что не хочу. У этого человека слишком много заскоков — как и у всех — но я не готова разгребать его дерьмо. У меня своего навалом. Неожиданно я думаю о родителях: как они там? Как мама? Может, у отца случилось просветление, и он больше не бьет ее?

Встряхиваю волосами и тут же жалею об этом. По всему телу прокатывается цунами из мурашек, и раны вспыхивают, словно факелы. Спину жжет. Черт.

Я внезапно усмехаюсь.

Ирония какая-то: куда бы я ни пошла, везде мне попадает. Может, это знак? Может, у всех девушек по имени Реган — жизнь отстойная? Может, нас таких мало, и поэтому тот чувак, что на небе, внимания нам больше уделяет? Проходится по списку, и такой: ммм, а почему бы мне не поиздеваться над Реган? Какую бы выбрать..., ага! Их всего-то семь на семи континентах! По одной неудачнице на каждый участок суши.

Я опять растягиваю губы в улыбке, и Кори вдруг толкает меня по плечу.

— Чего ты? — У него добрые глаза. Кори Гудмен — сгусток света. Я смотрю на него, и день становится лучше.

Он всегда меня выручал. Я прибежала к нему после ссор с предками, а он никогда не закатывал тирады и не гладил меня по голове. Кори слушал. Когда я едва ли не с легкими выплевывала из себя слова, он подсаживался рядышком, вот прямо как сейчас, и обнимал меня. Крепко к себе так прижимал, что сразу же лучше становилось. Он про родителей ни слова мне не сказал. Не говорил, что они уроды или, что у них не все дома. Это ведь мне и так известно, мои предки — далеко не подарок. Но он молчал, между нами было негласное правило: молчать о том, что режет похлеще лезвий. И я ценила эту его сдержанность. Я и сейчас его ценю. Ценю его умение говорить о проблеме, не затрагивая проблему. Это как талант, которым обладают только самые близкие люди; только те, кто знает о тебе все, но никогда не бросается этим, а бережет.

— Я просто задумалась, — отвечаю я с легкой улыбкой.

— О ком же?

— Обо мне, конечно, — громко отрезает Уильям с водительского сидения и выдыхает дым от сигареты прямо в зеркало заднего видения. Он усмехается, а я глаза закатываю.

— Это было бы слишком банально, — отвечаю я, вновь повернув голову к окну.

— Это было бы поразительно, — отшучивается Тэмми, открывая бардачок. Она лихо и неаккуратно копается в нем, искоса поглядывая в мою сторону. — Такая монашка, как ты, о парнях, наверно, вообще не думает. Чем ты вообще занимаешься, а? Нет, ну, я сейчас на полном серьезе. Как развлекаешься? Как время свободное проводишь? Ты не пьешь, ты не

куришь. Ты правильная такая, но на язык острая, значит, жизнь успела тебя потрепать.

— Как и тебя, — я улыбаюсь одними губами. Глаза у меня излучают холод.

— Так, в чем секрет? Поделись, мисс я-никогда-не-веду-себя-как-хочу.

— Ты так много говорила, я уже забыла вопрос.

— Как ты развлекаешься? — Повторяет девушка, но неожиданно громко вскрикивает и откидывается на сидении. В глазах у нее промелькает нечто на подобии ужаса, однако уже через секунду там вспыхивает какое-то навешное благоговение, будто бы она увидела лик самого Христа в отражении компакт-дисков. — Твою мать...

— В чем дело? — Резко бросает Уилл.

— Взгляни.

— Что там?

— Не поверишь.

— Что случилось? — Мы с Кори придвигаемся к девушке и одновременно застываем, увидев в бардачке сваленные пакетики с белым порошком.

Их всего несколько: два или три. Но, как мне кажется, не нужно быть специалистом, чтобы понять, сколько денег на них потрачено. Глаза у меня на лоб лезут, а Джесси рядом взывает не своим голосом, будто бы волк на луну.

— Вот это да!

— Мои молитвы услышаны, — шепчет Тэмзи и достает прозрачный пакетик. Взгляд у нее блуждающий, опьяневший, и мне вдруг становится чертовски страшно, что она прямо сейчас распахнет пакет и вывалит себе в глотку все содержимое.

— Убери это, — командует Кори, — черт с два, быстро выкинь это дерьмо!

— Что? Ты спятил?

— Ты слышала меня, Тэмми?

— Не собираюсь я тебя слушать. Лучше мы тебя выкинем, уяснил?

— Следи за тем, что несешь, — холодно отрезает Уилл. На девушку он не смотрит, но я думаю, до Тэмми и так дошел смысл его слов. Кори кивает, а я невольно перевожу взгляд на Уильяма и поджимаю губы. Мне приятно, что он заступился за Кори, пусть это глупо и совсем ни к чему. — Откуда это здесь?

— Наверно, оставили те идиоты.

— Не такие уж они и идиоты, раз знали, как оттягиваться, — мурлычет Тэмми. В руках она сжимает пакетик и одержимо следит за тем, как крупинки порошка перекатываются из одного уголка в другой. — Нужно попробовать.

— Попробовать? — Глухо переспрашивает Кори и усмехается. — Ты с ума сошла?

— Я не маленькая. Хочу развлечься.

— Это не смешно.

— Можно я сама буду выбирать, окей?

— Это не таблетки, Тэмми, — продолжает Гудмен, приближаясь к девушке все ближе и ближе, — ты увязнешь, а слезть не сможешь.

— Заткни своего брата, Уилл. Он как надоедливый мошкар.

— Чувак, — улыбнувшись, протягивает старший Гудмен и, словно по команде Тэмми, оглядывается на Кори. В пальцах он сжимает кожаный руль, а смотрит на нас, растягивая губы в привычной для него легкомысленной улыбке. — Пусть делает, что хочет.

— Ты на ее стороне?

— Мы здесь ни для того, чтобы поучать друг друга.

— Но это неправильно.

— Что ты за друг, раз портишь ей весь кайф?

— А что *ты* за друг, раз позволяешь ей впутываться в это дерьмо? Что ты за друг, раз смотришь, как она черту переступает, и ничего не делаешь?

— Не драматизируй.

— Прости, я учился на факультете журналистики.

— Что ты заладил, а? В дерьмо впутываться, черту переступать, она просто разок тут оторвется. Ничего не случится. В жизни все гораздо проще, братец.

— Да, Уилл. Так и есть. В жизни все проще, и одного раза ей будет достаточно, чтобы на всю жизнь подсесть. — Он покачивает головой. — Знаешь, я...

Неожиданно Кори замолкает. Смотрит на Уильяма, а затем откатывается назад, будто разглядел нечто такое, чего никогда прежде не видел. Он продолжает молчать, а пальцы Уилла становятся все бледней и бледней, изо всех сил сжимая руль.

— Что? — Бросает он. Кори молчит. — Что я должен знать?

— Ничего.

— Скажи.

— Не хочу.

— Господи, Кори, мы же не в детском саду. Скажи, что хотел, и мы закроем эту тему.

— Ладно, хорошо. — Мой друг подается вперед и недовольно облокачивается локтями о передние сидения. Никогда не видела его таким. Впрочем, я думаю, он тоже никогда не чувствовал ничего подобного, потому что глаза у него вмиг становятся потерянными. — Я хотел сказать, что всегда считал тебя крутым. Но нет, Уилл, ты совсем не крутой.

— Что? — Парень нервно усмехается.

— Мне казалось, ты на машине раскатываешь, чтобы впечатлений набраться. Но здесь что-то другое. Ты с ума сходишь. Ты никогда таким не был.

— Не понимаю, что ты несешь.

— Не понимай.

— При чем тут моя машина и желание Тэмми обдолбаться до смерти?

— Дело не в том, что Тэмми хочет обдолбаться, а в том, что ты ей это позволяешь.

— А я ей папочка, что ли, чтобы следить за ней?

— Тебе наплевать на нее.

— А это секрет?

Он вновь усмехается, а Тэмзи резко отворачивается к окну. Не знаю, видит ли Уилл, что делает ей больно, но от самоуверенной Тэмзи Пол внезапно остается жалкое подобие растоптанной тени. И мне становится ее жаль. Впервые я испытываю нечто подобное по отношению к этой девушке.

— Знаешь? Это твое дело, — Кори внезапно взмахивает руками и вновь откатывается назад. Он плюхается рядом, хватается пальцами за колени и сглатывает. — Окей.

— Все в норме?

— Да.

— Я не понял, на что ты злишься, Кори.

— Я не злюсь.

— Точно?

Друг кивает. Придвигается ко мне и крепко стискивает мою руку. Мне больно. Кори слепо ведется за своим братом, как будто от этого зависит его жизнь. Как жаль, что только

сейчас он понял, какой его брат испорченный, гнилой и опасный. Он красиво говорит, он красиво обещает. Но внутри он эгоистичный. Циничный.

"*Потерянный*" — неожиданно думаю я и морщусь. Какой еще потерянный? Глупость. Уильям Гудмен знает, чего хочет. А хочет он всего. И неважно, правильно это или нет.

Я невольно приподнимаю подбородок, и мы в ту же секунду встречаемся взглядами. Впервые я не отворачиваюсь. Я смотрю на Уилла, потому что пытаюсь его понять. Мне не дает покоя его раздвоение личности, его перепады настроения. Иногда он заставляет меня смеяться, а иногда я едва сдерживаю горячий поток ненависти, застрявший в горле. Глаза у него светятся недоумением. Какой-то ненавистью. Но даже сейчас он умудряется криво улыбаться, пусть во взгляде у него плавают ледяная растерянность.

Что с ним не так? Что им движет, когда он бросается в драку, понимая, что может не просто проиграть, но и пострадать. О чем он думает, когда молотит кулаками по автомату, напивается вдребезги или танцует до изнеможения. Неожиданно мне кажется, что Уильям Гудмен — бомба, которая вот-вот взорвется и уничтожит всех, кто находится с ним рядом.

И мне становится страшно.

Внезапно Уилл сворачивает вправо, и машина со свистом тормозит на обочине. Мы подаемся вперед, я распахиваю глаза, а парень уже выпрыгивает из салона. Что он делает? Не знаю. Но, в то же время, понимаю, что сделать он может все, что угодно.

Парень раскрывает пассажирскую дверь, и Тэмзи едва не вываливается наружу. Ему наплевать. Он пролазит к бардачку под руками девушки, достает пакетики с порошком, а затем вырывает дозу из ее цепких пальцев. Она возмущается, вперед подается, но он даже не смотрит на нее. Выкатывается из салона и плетется вперед по зеленоватой траве.

— Что ты делаешь? — Вскрикивает Тэмми, бросившись за ним.

Но Уильям не останавливается. Когда я выхожу из машины и оббегаю капот, я вижу, как парень вытягивает руки и разрывает пакетики на части. Белый порошок вспыхивает и искрится, будто бы взорвавшиеся снежинки, а затем воздух подхватывает их и уносит на Восток мимо озадаченного и перекошенного лица Тэмзи Пол.

Я ошарашено вскидываю брови. Думаю, что стою на месте, а на самом деле плетусь к Уиллу на ватных ногах. Просто не верится, что он это сделал.

— О, Боже! — Взывает Тэмми и хватается руками за бирюзовые волосы.

В глазах у нее не просто ужас, там паника. Взгляд бежит от лица Уилла к его рукам, потом обратно. Затем опять вверх, опять вниз. Кажется, Тэмми вот-вот рухнет в обморок от шока и растерянности. Внезапно она подпрыгивает к парню и встряхивает его за плечи изо всех сил, будто бы одержимая.

— Ты что сделал? Какого хрена, Уилл! Ты спятил?

— Отвали, Тэмми.

— Нет, объясни, что на тебя нашло, господи, что ты творишь? Дьявол!

— Ты разорвал сотни баксов, — пропевает Джесси, — ты точно сумасшедший.

Уильям не отвечает. Сбрасывает руки Тэмми с плеч и плетется обратно к машине. Я наблюдаю за ним, не зная, что сказать. Впервые слова не идут на ум, и это сбивает меня с толку. Вильгельм Завоеватель останавливается перед Кори. Вид у него тот еще. Мой друг пялится на брата во все глаза, и будто рыба губами хватается воздух.

Уильям неожиданно хватается ладонью за шею Кори и дергает его на себя. Они едва не сталкиваются лбами. Оба смотрят друг на друга так, что мурашки пробегают по спине.

— Всегда говори мне, что думаешь, — шепчет Уилл, сминая в пальцах его вспотевшую

шею. Тот нервно кивает. — Я никому кроме тебя не доверяю, услышал?

— Я не хотел, чтобы ты..., не хотел, чтобы...

— Не важно. Ясно? Я не разочарую тебя. Просто говори, я услышу.

— Ладно.

— Договорились?

— Да, Уилл, — Кори прикрывает глаза и сжимает в пальцах плечо брата так, словно это его единственная опора. В этом безобидном жесте столько надежды. Чувствую, как живот сводит судорогой, и неуклюже обхватываю себя руками. Смотреть на незащитного друга невыносимо. Еще страшнее смотреть на то, как он опирается о прозрачную стену, которая в любой момент может исчезнуть. Уилл — прозрачная стена. Я вижу, ощущаю, знаю, он не бросит Кори, он глядит на него так, что дух перехватывает. Но он ненадежный, зависит от настроения, мыслей, погоды, людей. От всего, пусть и кажется непоколебимым.

Похлопав брата по лопатке, Уилл выпрямляется и растягивает губы в привычной для него улыбке. В фальшивой улыбке, если быть точнее. Он прищуривается от солнца, рукой глаза прикрывает, а затем вдруг ко мне плетется. Я настороженно свожу брови.

Ребята загружаются в машину, а мы с ним стоим друг напротив друга. Смотрим куда угодно, только не в глаза. Он достает сигарету. Затягивается и шепчет:

— Присмотри за ним.

Все-таки приподнимаю подбородок, а Уилл продолжает прикрывать пальцами глаза и глядеть куда-то вдаль на горизонт, словно там скопились ответы на все его вопросы.

— Зачем?

— На случай, если я опять отключусь.

— Что с тобой? — Невольно делаю шаг к парню и стискиваю зубы. — Что происходит? Такое впечатление, будто в твоей голове полный кавардак.

— Так и есть, птенчик. В моей голове стоит дикий ор. Джаз, рок-н-ролл, голос матери, Кори, двигатель, ветер. Я закрываю глаза, а шум становится громче.

— Когда ты в последний раз отдыхал нормально, Уилл? Спал ночью, а не сбивал ноги в клубе? Тебе нужно поспать.

— Я не могу.

— То есть?

— То есть не могу.

— Но почему?

— Мысли, птенчик. Они не дают мне спать.

— И единственный способ заснуть — надраться по самое не хочу?

— Ты быстро соображаешь, — Уильям переводит на меня взгляд и выпускает дым от сигареты мне в лицо. Я отворачиваюсь. — Ты злишься на меня?

— При чем тут это?

— Просто интересно.

— Мне наплевать на то, что ты сделал с наркотиками, Уилл.

— Я про драку.

— И на драку мне наплевать. — Я прохожусь пальцами по волосам и гляжу на парня в полной уверенности, что тот опять прожигает меня ироничным взглядом. Однако Уильям даже не дышит. Смотрит на меня и ждет чего-то. Вот только чего? — К чему эта поездка?

— Отмечаем выпуск Кори.

— Ты лжешь.

— Думаешь?

— Куда ты едешь?

— Я просто еду.

— Но куда?

— А что обязательно иметь пункт назначения? В путешествии главное — не конечная остановка, а сам путь. — Он опять становится тем Уильямом Гудменом, которого я знаю и терпеть не могу. Улыбка расплывается на его лице, и я закатываю глаза. — Что? Чего ты?

— Не важно. Если ты не против, нас ждут.

— Против, конечно. Мне чертовски *нравится* стоять здесь на жаре и болтать *с тобой* о какой-то чуши.

— Тогда почему мы здесь стоим? — Не понимаю я, взмахнув руками. — Это ведь ты ко мне подошел. Забыл?

— Я просто остановился, а ты оказалась рядом.

— Ого, классное оправдание.

— Кто ж виноват, что ты вечно поблизости, птенчик.

— Знаешь..., - в моей голове крутится множество оскорблений, но все они застревают где-то в горле, и я просто нелепо топчусь на месте, прожигая Уилла ледяным взглядом, на что он еще шире улыбается.

— Вот, видишь, тебе даже сказать нечего.

Он выбрасывает окурок в сторону и плетется к машине, а я откидываю назад голову и громко выдыхаю. Дьявол, поскорее бы остановиться в каком-то мотеле. Я бы с радостью упала на кровать и уснула, лишь бы провести пару часов без лютого желания врезать по самодовольному лицу Уильяма Гудмена.

Мы заезжаем в небольшую забегаловку с идиотским названием "Еда у Эдда". Здесь немного людей. Столики широкие, окруженные кожаными старыми диванами. Они вдоль и поперек покрыты тоненькими трещинами, будто бы шрамами. Мы занимаем место возле окна, заказываем еду. Тэмми кладет голову на стол, Джесси кладет голову на Тэмми. Я же сижу рядом с ними и пялюсь на Уильяма и Кори, которые похожи на двух восставших из ада неудачников, позабывших о том, что иногда стоит мыться и стирать вещи.

— У нас неплохая группа основалась, — заумно протягивает Джесси и улыбается. — Мы можем гастролировать и зарабатывать деньги.

— Мы отстойно выступили, — бурчит в стол Тэмми. Мне интересно, она когда-нибудь воздерживается от пессимистичных комментариев?

— Нормально выступили. Нам только название придумать надо.

— Ну, давай, — соглашается Уилл, подперев подбородок ладонями, — какие варианты?

— Я ведь поэт, а не рекламщик.

— А поэты разве не креативные?

— Они скорее пассивно-несчастные. Изливают душу во впавших в отчаяние строках.

— "*Ветер перемен*", — неожиданно провозглашает Кори и зарабатывает сразу четыре косых взгляда. Да-да, даже Тэмми голову приподнимает и фыркает:

— Ты еще скучнее, чем я думала.

— Что? — Стесняется он. — Нормальное название. — Теперь он начинает нервно мять в пальцах салфетку и подергивает уголками губ. — Вполне сносное. Рассчитанное на...

— ...старперов. — Заканчивает зеленоволосая девушка. — Да уж, "*Ветер перемен*". Ну, и сказал ты, котик.

— "Переменный ветер", — хихикает Джесси.

— Прогноз погоды какой-то, — улыбается Уилл. — Группа "Метеорологи", встречайте!

— "Синоптики"!

— "Плотники"!

— "Охотники"!

— "Подлокотники"!

— Думаю, я выражу всеобщее мнение, когда попрошу вас заткнуться, — протягивает Тэмзи и улыбается. — Такими успехами, наша группа будет называться — "Идиотики".

— О, Тэмми, — широко улыбается Уилл и касается пальцами ее руки, — ты тоже в теме!

— Я в ремне.

Я вдруг прыскаю со смеху, а ребята задумчиво морщат лбы. Ох, с кем я сижу рядом. Неужели они не поняли шутку? Внезапно Тэмзи Пол на несколько ступеней поднимается в моем списке стерв-самоубийц. А так как знаю я таких девушек мало — точнее совсем не знаю никого — она автоматически занимает первое место.

Нам приносят картошку, бекон и огромные чашки с чаем. Они настолько огромные, что у меня пальцы даже не могут полностью их обхватить. Пахнет острой приправой. Мы не ели нормально уже несколько дней, и я неожиданно понимаю, что хочу проглотить все, что находится на столе. Минут пять мы молчим, изредка перекидываясь взглядами, но это к лучшему, иначе кто-то бы, да поперхнулся. Я обжигаю себе язык, когда залпом запиваю картошку, но мне все равно. Чувствую себя сорвавшейся с цепи голодной собакой.

— Приедем в Сиракьюс и снимем себе нормальное жилье, — внезапно говорит Уилл и кивает сам себе, перемешивая сахар. Вид у него какой-то задумчивый. — Мы ведь с вами денег подзаработали. Можем позволить себе ночь в нормальном отеле.

— А не потерпеть ли до Нью-Йорка? — спрашивает Кори.

— Нью-Йорк? — Удивляюсь я, распахнув глаза. — Мы поедем в Нью-Йорк? Вот это да.

— Да, птенчик. Кажется, еще чуть-чуть, и тебе не о чем будет мечтать.

Я собираюсь ответить, но неожиданно у Кори звонит телефон. Он виновато кривится и достает жирными пальцами сотовый.

— Предки проверяют, жив ли ты, — холодно усмехается Уилл и отворачивается к окну. Я не хочу обращать на него внимания, но у меня ни черта не получается. Я вижу, как он с силой зубы стискивает, и я знаю: здесь что-то не так. Я чувствую это. Ощущаю. Внезапно мне кажется, что Уильям Гудмен такой же человек, как и все остальные. Что он ранимый и живой. Если ударить его, кровь польется. Он только с виду железный, а внутри — как и мы, уязвимый. Я невольно разглядываю его до тех пор, пока Кори неожиданно не толкает меня в плечо и цокает.

— Что такое?

— Вернись с небес на землю.

— В смысле?

— Это тебя.

— Меня? — Я вскидываю брови, а друг поджимает губы. Он глядит на меня виновато, и я тут же понимаю, в чем дело. Черт. Сначала мне даже двигаться не хочется, но потом я громко выдыхаю и вырываю телефон из его пальцев.

Прежде чем ответить, встаю из-за стола. Плетусь вдоль стоек, пыльных окон и тихо постукиваю зубами, будто бы от холода. Но дело в том, что тут жарко, а морозит меня от

предвкушения прекрасного разговора, которого не получится избежать.

Я откашливаюсь и прикладываю телефон к уху.

— Да?

— *Реган*, — на выдохе протягивает мама, и сердце у меня туго сжимается.

Молниеносно я ощущаю вину, свалившуюся на мои плечи тяжеленным камнем, и я замираю, прилипнув к полу. Внутри все переворачивается. Становится так паршиво, что в глазах рябит и темнеет. Я зажмуриваюсь, покачиваюсь в сторону и ударяюсь спиной о стену, словно она сможет меня удержать. Нет. Не сможет.

Едва мама продолжает говорить, я скатываюсь по ней вниз и оседаю на полу, сложив голову на дрожащие колени.

— Ты где, Реган? Куда ты пропала, Реган?

— Мам, все в порядке.

— Ты должна вернуться.

— Считаешь?

— Конечно! Реган, послушай, я все понимаю, но здесь твой дом.

— Это вряд ли.

— Я ведь жду тебя, ты — единственное, что у меня есть, Реган. Ты слушаешь? Кроме тебя у меня только скрипящий по швам брак и разваливающийся коттедж. Возвращайся, милая, прошу тебя, я поговорю с отцом. Я скажу ему, чтобы...

— Прекрати.

— Нет, я скажу, я обещаю!

— Ему наплевать. Я не хочу возвращаться. И ты уходи. Слышишь?

— Я не брошу его. Он ведь твой отец, Реган. Ему очень плохо сейчас.

— Неужели так по мне скучает? — Я усмехаюсь и тут же виню себя за грубость. Но что мне еще остается? Я знаю, знаю, я не должна так говорить. Но как вести себя иначе, если в моей голове нет ничего кроме опасного яда, выпускающегося при любом упоминании об отце? Это защитная реакция, механизм. Этого не изменить.

— Он в больнице, Реган.

— В больнице? — Недоуменно переспрашиваю я, выпрямившись.

— Да. Что-то с сердцем, давление. Я не знаю, какая-то чушь, о которой врачи ни черта не говорят. Они все пялятся на меня, спрашивают о чем-то, а я молчу.

— Почему молчишь?

— Потому что я ничего о нем не знаю, Реган! Знаю только, что он пьет, как будто бы завтра подохнуть собирается! Что он любит трахаться на заднем сидении машины и пиво, простоявшее в холодильнике пару ночей!

Я крепко зажмуриваюсь и отворачиваюсь. Ее слова полоснули по мне, будто бритва. Раскрываю рот, дышу часто и ощущаю, как от отвратительной дрожи сотрясается все мое тело. Мне вдруг хочется выкинуть телефон, разбить его, вышвырнуть в окно.

— Прости, — хрипит мать, — я не должна была этого говорить, не должна была...

— Ты выпила?

— Я не...

— Ты выпила. — Я киваю и с силой ударяюсь головой о стену. В глазах вспыхивают точки, а сердце сжимают невидимые когти. Как бы мне не хотелось сейчас слышать все это, но я слышу. Я здесь и сейчас, и это паршиво и больно.

— Я немного выпила, правда. Я чуть-чуть, малышка. Ты вернешься?

— Нет.

— Реган, прошу тебя, ты нужна мне здесь.

— Я так не думаю, мам.

— Зачем тебе думать? — Громко восклицает она. — Просто вернись, и все, вернись, ты меня слышишь? Ты нужна мне, ты должна быть со мной рядом, когда мне плохо!

Я опускаю голову и прикладываю пальцы ко лбу. Сколько раз я успокаивала ее, как много раз сидела на кухне и прижимала к себе, хотя руки взывали от синяков и ссадин. Я делала все это, потому что она нуждалась во мне. Но почему она никогда не думала, что и я нуждаюсь в ней? Что и меня обнять нужно?

Боль, которую я не ощущала уже очень и очень долго, вырывается из меня диким потоком. Я распахиваю глаза и крепче стискиваю в пальцах телефон.

— Знаешь, мам, — шепчу я, — мне кажется, вы друг друга стоите.

Я сбрасываю звонок и молча пялюсь на экран, понятия не имея, что делать. В груди так горячо, что дышать больно. Но я дышу. Через силу. Потому что так надо. Потому что у меня нет другого выхода. Я должна жить дальше, несмотря на все то дерьмо, что меня окружает. Я должна подняться и идти, ведь иной возможности не представится.

Я должна, но не маме. Я должна самой себе.

Я встаю на ноги и бреду к туалету. Перед зеркалом поправляю волосы, умываюсь и замираю, впялив растерянный взгляд в отражение. Капли скатываются по щекам, падают на темно-коричневую майку, но я не обращаю внимания. Я просто смотрю на себя и тихо дышу, размеренно приподнимая плечи. У всех ведь есть проблемы. У меня вот предки не совсем адекватные. Но у кого-то и похуже бывает. Верно? Бывает, я точно знаю. Бывает, люди болеют, бывает, люди умирают. С ума сходят. Близких теряют. Себя теряют.

Я со стуком опускаю ладони на край мойки и горблюсь. Бывает хуже, бывает.

— Ты в порядке? — Неожиданно спрашивает знакомый голос, и я оборачиваюсь. Глаза у меня красные, но я не плакала. Я почти никогда не плачу.

— Да.

Уильям чешет нос и облокачивается спиной о потертую дверь. Руки он складывает на груди, вроде бы как уходить не собирается, и я озадачено выгибаю правую бровь.

— Ты что-то хотел?

— Тебя проверить.

— А зачем меня проверять?

— Друзья заботятся друг о друге, птенчик.

— О, а мы с тобой друзья, оказывается? Круто. Я не ожидала, черт, прости, для такого торжественного момента я плохо одета.

— Ничего, тебе идет. Все эти синяки на лице и руках отлично подчеркивают глубину твоих полопавшихся в глазах сосудов. Поверь, здесь бы странно смотрелась поглаженная и чистая одежда. Дранные шорты и майка — то, что нужно.

— Я рада, что ты одобрил.

— Я не одобрил. Я только сказал, что отеки сочетаются с грязной одеждой.

— Ах, вот что, сочетаются. — Я раздраженно выдыхаю и приближаюсь к парню, ясно представляя, как размахиваюсь и врезаю ему по лицу. Мы оказываемся так близко, что я ощущаю странный запах мелиссы, исходящий от его кожи. — Меня уже тошнит от твоей грамотности. Откуда такие парни берутся? Может, ты с другой планеты?

— А ты, может, выиграла звание главной язвы Янгстауна?

— Я там каждый год побеждаю, котик.

— Я и не сомневался. Возьми. — Уилл неожиданно протягивает мне тюбик с кремом и серьезно кивает. — Это от синяков. Будет покалывать, но зато отеки быстро пропадут.

— Не нужна мне твоя мазь.

— Это не моя мазь. Теперь возьмешь?

— Ничего я не возьму. Синяки и без нее пройдут.

— Так они пройдут через пару дней.

— А так через пару недель. Переживу.

Я ставлю руки на бедра, а Уильям с вызовом прищуривает голубые глаза. Впервые мне кажется, что он готов свернуть мне шею со злости и усталости.

— Просто возьми мазь. — Он подается вперед, а я отпрыгиваю назад.

— Не хочу. Себя иди, обмазывай.

— Ты издеваешься? Будем из-за крема припираться?

— Я тебя не задерживаю. Это женский туалет.

— Это общий туалет.

— И что с того? Я сама как-то справлюсь, договорились? Под холодной водой руки подержу. Слышал о таком? Необязательно себя кремом измазывать вонючим, чтобы от синяков избавиться, умник.

— Что за детский сад, птенчик? — Уилл вновь надвигается на меня.

— Даже не приближайся. Я тебе сказала, мне ничего от тебя не нужно.

— Ну, значит, я не услышал.

— Все ты услышал!

— Да, услышал, что ты собираешься руки под холодной водой держать.

Внезапно взгляд Уильяма вспыхивает ярким фейерверком, и я тут же понимаю, что обернется это холодной войной. Он резко подается к кранам, а я со смехом отскакиваю в сторону, но не успеваю и пару шагов пройти, как оказываюсь на половину мокрой.

Я визжу, а он сильнее зажимает пальцами поток воды, и капли разносятся по всему помещению, врезаясь мне в глаза, в одежду, волосы. Я закрываю лицо ладонями, а Уилл смеется, направляя водяные бомбы в мою сторону. В конце концов, я срываюсь с места и несусь на него, намереваясь окунуть его чудесные, светлые волосы в мойку. Но потом до меня доходит, что свернуть его в три погибели будет совсем не просто, и поэтому я тоже подскакиваю к соседнему крану. Включаю холодную воду, набираю ее в ладони и ловко плескаю ему в лицо. Меня трясет от смеха, и я улыбаюсь так широко, что щеки сводит.

— Кажется, ты зря обмазывался этой дрянью, котик, — смеюсь я, наблюдая за тем, как Уилл свободной рукой протирает мокрое лицо. Неожиданно вода попадает мне в нос, и я неуклюже пошатываюсь в сторону, схватившись пальцами за переносицу. Черт! Я знаю, что не должна отворачиваться, но ничего не могу поделать. Я отвлекаюсь всего на пару секунду, а Уильям тут же оказывается рядом и обхватывает меня руками за талию.

— О, кое-кто хотел подержать синяки под холодной водой, верно? А где тут у нас еще синяки, не только ведь на руках, я прав, птенчик?

— О, Боже, Уилл, прекрати, прекрати, — я начинаю хохотать, когда он подскакивает со мной к мойке и начинает плескать холодную воду мне прямо на лицо. Вырываюсь, но он так крепко меня обнимает, что любые попытки тщетны.

Не знаю, когда до меня доходит, что я всем телом прижимаюсь к Уильяму. Но когда до меня доходит, щеки вспыхивают пунцовой краской. Больше не смеюсь, неровно дышу,

застываю, и парень застывает. Я думаю, он тоже только сейчас понимает, что прижимает меня к себе так крепко, что сквозь спину я ощущаю рельеф его торса, и мы оба невольно перестаем дышать. Мне не пошевелиться. Распахнув глаза, я прожигаю стену невидящим взглядом и могу думать лишь о том, что горячие ладони парня сжимают мои плечи, затем медленно скатываются вниз по локтям, кистям и останавливаются где-то на бедрах.

Его тяжелое дыхание обжигает мне шею, грудь сдавливают неизвестные чувства, и я приподнимаю подбородок, чтобы встретиться с ним взглядом в отражении.

Уилл в зеркало не смотрит. Он смотрит на меня. Его взгляд смело путешествует по моим плечам, прилипшим к скулам локонам. Его щека касается моей, и я клянусь, колени у меня подкашиваются по неизвестной рассудку причине.

В этот момент он все-таки выпрямляется, и наши взгляды встречаются в отражении. Я никогда не чувствовала ничего подобного. Растерянность. Какая-то глупая неуклюжесть и смущение. Сердце делает кульбит, дыхание прерывается, а Уилл смотрит так растерянно и пристально, что меня обдаёт жаром, будто бы кто-то окатил меня кипятком.

— Что вы натворили? — Вдруг взывает незнакомый голос, и я отпрыгиваю от парня. Мы оборачиваемся и сталкиваемся в проходе с разъяренной уборщицей. На голове у нее безвкусная косынка. Она врывается в помещение, словно дикая фурия, проносится мимо, подпрыгивает к забрызганному зеркалу и хватается потрескавшимися ладонями за лицо. Вид у нее такой, словно мы не водой туалет забрызгали, а чем-то похуже. — Чем вы тут занимались? Что делали? Малолетние извращенцы!

Я прыскаю со смеху и немного запоздало хватаюсь пальцами за рот. Уилл вместе со мной взрывается хохотом, однако потом откатывается назад и виновато опускает голову:

— Мы согрешили.

— Осквернили сей храм. — Подыгрываю я. — Он опасный искушитель. Перед ним очень трудно устоять, поймите. Я хотела, но не смогла. Даже сейчас...

— Иди ко мне...

— Вот, видите, я..., я просто не могу. — Я хватаюсь пальцами за майку Уилла и резко дергаю на себя. — Спасите, у меня не получается сопротивляться, нет...

— Поближе, — требует он, сцепив руки за моей спиной, — еще ближе.

— Не выходит, прошу вас, о, Боже, что же это такое...

Уильям откидывает назад мою голову, проходится пальцами по шее, а глаза у нашей новой знакомой становятся размером с озера в Висконсине. Парень прижимается ко мне всем телом, а я овиваю руками его плечи. В этот момент уборщица внезапно выхватывает из-за спины тряпку и взмахивает ею в воздухе, будто саблей.

— Бесстыдники! — Верещит она. — Вон, пошли вон!

Я сгибаюсь от смеха, а Уилл сводит брови:

— Будет вам, где вы еще посмотрите на то, как люди целуются.

— Убирайтесь!

Я хватаю парня за руку, тяну за собой, а по пути подталкиваю в бок.

— И не мечтай, птенчик, — мы бежим по коридору, соприкасаясь локтями, — никаких у нас с тобой поцелуев не будет.

— Это так, к слову пришлось.

Я прищуриваюсь, но ничего больше не говорю, потому что неожиданно вспоминаю наше отражение в зеркале. Сердце екает, перекручивается, провернув несколько десятков кульбитов, и я стискиваю зубы. Что же это. Нужно взять себя в руки.

Мы прибегаем к столику полностью мокрые, и взгляды у ребят делаются такие, что мне тут же становится неловко. Тэмзи едва не роняет челюсть на стол, Джесси улыбается, он вроде постоянно улыбается. А Кори сводит брови.

— Вы трубы прочищали? — Он настороженно наклоняется вперед. — Или, может, тут у Эдда есть душевые?

— Мы попали под дождь, — заявляет Уилл и плюхается рядом с братом. — А вы о чем подумали? О том, что мы с птенчиком устроили войну из-за того, что она отказалась взять твою, Кори, мазь от ушибов? Ну, нет, все было совсем не так. И вон та женщина, — Уильям указывает пальцем на выход и хмыкает, — не собирается подойти и прогнать нас из кафе, потому что мы обрызгали весь туалет.

Я разворачиваюсь, вновь вижу это перекошенное от злости лицо и взываю.

— Черт, она реально к нам плетется!

— Но что вы сделали? Кого обрызгали?

— Выметаемся, — приказывает Уилл, поднимаясь, — у нее опасное оружие.

— Какое еще оружие? — Ужасается Тэмми, переведя взгляд на парня.

— Тряпка. Грязная и дырявая. Так что, быстрее.

Мы подпрыгиваем с мест и неуклюже забрасываем вещи по сумкам. Уильям кидает на стол деньги, поворачивается лицом к несущейся на всех парах уборщице и восклицает:

— Чаевых мы вам не оставим.

Я вновь покатываюсь со смеха, тяну его за собой, и мы, пошатываясь и сталкиваясь, бежим к выходу, слушая за спинами крики обозленной на весь мир женщины. Внезапно я быстро забываю о том, что терзало меня совсем недавно. Вырываюсь на свободу, глубоко втягиваю горячий воздух и успокаиваюсь. Возможно, неприятности могут затмить только лишь еще большие неприятности. И почему-то я рада, что голос матери больше не звучит в моей голове. Я хочу позабыть о том, что она мне сказала. Хочу позабыть о том, что моя жизнь связана с Янгстауном. Сейчас я девушка с дороги без прошлого и без будущего. Я не где-то, а здесь, в данную секунду, и все остальное неважно.

— Мы должны переизбрать несчастного-слугу-беднягу, — протягивает Тэмми, когда мы подходим к машине. Я хмыкаю. Меня забавляют ее попытки сблизиться с Уиллом, но в то же время мне становится ее жаль.

— Верно, — соглашается парень. — Кори, достань мой рюкзак.

Я непринужденно облакачиваюсь спиной о дверцу и сплетаю на груди руки. Слежу за тем, как Уилл копошится с вещами, и примерно жду, когда он найдет кепку. Внутри так и горит предвкушение. Я ни черта не смыслю в мести. Но ведь когда-то нужно учиться.

Парень перемешивает листочки, прячется в тень, падающую от козырька кафешки, и выдыхает. Интересно, о чем он сейчас думает?

— Узнаем имя и делаем ноги, договорились?

Все кивают, и Уильям достает из кепки бумажку. Он разворачивает ее, но читать не спешит. Боже, как же я наслаждаюсь этим моментом. Брови у него сходятся, затем резко взмывают вверх. Он отрывается от листочка и смотрит на меня, будто бы чувствует, что это моих рук дело. Я и не сомневалась, что до него дойдет.

— Что там? — Спрашивает Джесси. — Если опять Реган — я не играю.

— Не Реган.

— А кто?

Уильям продолжает смотреть мне прямо в глаза, а я пожимаю плечами, мол, прости, но

играть со мной в игры не стоит, красавчик.

— Там *мое* имя.

— Воу! Наконец, повеселимся! — Радуется Кори и похлопывает брата по плечу. — Ты ведь не думал, что судьба обойдет тебя стороной, правда? Вечно ты задания даешь, а сам ничего не выполняешь. Теперь наш черед.

— Как это *неожиданно*. — Чеканит парень. — Даже не знаю, что сказать.

— А ты и не должен ничего говорить. — Парирую я. — Теперь мы говорим, а ты, котик, делаешь. И у меня есть первое задание.

Уильям расправляет плечи, словно на них что-то свалилось.

— Быстро ты, птенчик. Создается такое впечатление, будто бы ты все спланировала.

— Где ключи от машины?

— У меня. А что?

— Отдай мне их.

— С какой стати? — Парень недоуменно застывает, а я улыбаюсь.

— Я поведу.

ГЛАВА 11.

— Нет, черт подери, нет! Ты угробишь мне коробку!

— Хватит орать на меня!

— Я тебе сказал, сцепление выжимай до конца и только потом за передачу хватайся!

Я рассерженно наступаю на педаль и давлю так сильно, что сводит икры, а потом на Уилла гляжу и недовольно улыбаюсь:

— Так?

— Да, так. И прошу тебя, смотри вперед, а не на меня. Я знаю, что я красавчик, но тут блин дорога и машины ездят.

— Что? — Я хохочу и откидываюсь на сидении. Пот скатывается по моей шее, а щеки горят от невыносимой жары, что прорывается сквозь окна. Позади ребята завесили стекла одеждой, какими-то одеялами. А мы с Гудменом, будто бы в адском пекле сидим. — Какой ты красавчик, издеваешься? Да тебе бы в фильмах ужасов сниматься.

— Чтобы убивать своим обаянием? Хорошая задумка.

— Чтобы убивать своим тонким юмором, — я вновь переключаю передачу, и парень на меня такой дикий взгляд переводит, что я невольно впечатываюсь в сидение. — Что? Ты не смотри на меня так, я все правильно сделала.

— Ты вообще водить умеешь? Ну, там, может — только может — на права сдавала?

— Сдавала.

— Тогда почему гробишь мою машину? — Уилл вскидывает руки и взъерошивает свои сверкающие от пота волосы. Он их за уши заправляет, а они вновь на лицо падают. Только сейчас я замечаю татуировку у него на шее. Прищуриваюсь, придвигаюсь ближе, и руль в ту же секунду плавно скользит в моих пальцах.

Машину кренит в сторону. Черт! Я резким движением выравниваю нос Доджа, а у Уилла на лице появляется особое выражение, значения которого трудно разгадать: убить он меня хочет или просто хорошенько встряхнуть?

— Знаете, а мне нравится, — неожиданно говорит Тэмми, — ну, серьезно, зачем резать себе вены или с моста кидаться, когда есть Реган и ее искусство водить машину.

— Может, Уилл опять поведет? — Невинно интересуется Кори, но я крепче стискиваю в пальцах руль и покачиваю головой. — Ну, ладно. Хорошо. Как скажешь.

— Все в порядке, я просто отвлеклась.

— Опасно отвлекаться на дороге, птенчик.

— Да ты вообще руль не держишь, сидишь себе и болтаешь, к нам поворачиваешься.

— Потому что я умею водить, а ты — нет. Мне можно, тебе — нельзя.

— Это с чего вдруг? Ясно, потому что я девушка, верно?

— Ого, а у нас в салоне феминистка завелась. — Присвистывает он. — Ну, ничего, мы с тобой быстро справимся. Поверь мне.

— Не говори чепухи, переубедить меня у тебя не получится. Неужели ты лучше меня машину водишь только потому, что ты мужчина? Что за абсурд.

— Прости, но это факт. В фильмах и книгах твоих много девушек за рулем? Нет, мне что-то в голову даже примеров таких не приходит.

— Значит, плохо думаешь, — я пытаюсь сосредоточиться на дороге, но, в то же время, не хочу тормозить, отвечая этому засранцу.

— Нет, ну, сама подумай, Реган, "Сверхъестественное", "Хорошо быть тихоней", "В дороге", "Элвис и Анабель"...

— "Элвис и Анабель"? — Я прыскаю со смеху, на что Уилл протяжно выдыхает. — О, я поверить не могу, а ты, оказывается, романтик!

— Я один раз посмотрел.

— Ну да, ну да. Конечно. Что ты врешь? Так и скажи, что вечерами пересматриваешь, в одеяло завернувшись. Наверно, плачешь, когда они ссорятся, верно? Милый, Уилли.

— Почему ты девушка?

— Ну, так вышло.

— Плохо вышло. Я бы уже давным-давно тебе врезал, птенчик. Ты невыносимая.

— Ты уже говорил об этом. И, кстати, фильм "Жестокие игры". Там, в конце, главная героиня едет на машине, и в этой поездке целая символика фильма, ясно?

— А ничего, что машина главного героя, и никакой бы символики не было, если бы не он, и не его дикая любовь к тачке?

— Фильм пересмотри! — Возмущаюсь я, повернувшись к нему.

— За дорогой следи! — В ответ возмущается он.

Я цокаю и удобнее усаживаюсь на сидении. Какой зануда. Оказывается, ему дорога жизнь. Кто бы мог подумать? Значит, кидаться в драку — нормально, а съехать в кювет — безумие? Странный парень.

Мы едем часов пять. Я, наконец, привыкаю к коробке передач, и машина не рычит под моим управлением. Мы несемся по шоссе, воздух нагревается все больше, и, в конце концов, мы просто включаем музыку и молчим, думая каждый о своем.

Уильям облакачивается о приборную панель, а ноги вскидывает на спинку сидения. Он неожиданно достает книгу, находит закладку. Я хочу сказать что-то язвительное, но передумываю. Лишь губы поджимаю и хмыкаю, про себя усмехнувшись. Непроизвольно слежу за тем, как он перелистывает желтоватые страницы и хмурит вспотевший лоб. Мне нравится за ним наблюдать. А я всегда любила наблюдать за сумасшедшими, у которых в голове столько секретов, что сойти с ума можно. Кто бы мог подумать, что Уильям может читать, сжимать в пальцах не сигарету, а книгу? Как много я о нем еще не знаю. В какой-то момент он отрывается от истории, приподнимает подбородок и на меня смотрит. Губы у

него расплываются в улыбке, а я вновь смущенно на дорогу взгляд перевожу и краснею. Именно от жары, а не от его любопытных глаз. Он усмехается, возвращается к чтению, и я тоже улыбаюсь. Станный он, да и я. Станные мы оба, особенно, когда рядом находимся.

Мы приезжаем в Сиракьюс часов в шесть вечера. Я снижаю скорость, чтобы глядеть по сторонам, запоминать то, что вскоре забудется: и отражение неба в стеклянных окнах, и исторические, массивные здания, возвышающиеся над горизонтальными постройками.

Я вдруг опять понимаю, что раньше не выходила из дома, а теперь пересекаю улицы большого, живописного города, который сверкает, живет, дышит, завораживает, и внутри становится так хорошо, что я невольно улыбаюсь. Мы проезжаем университетский корпус Сиракьюс — это куполообразное, старинное здание с квадратной лужайкой перед главным входом — и оказываемся в старой части города, где до сих пор еще кирпичная дорога, а на зданиях приуныли фигуры горгулий и мифических богов. Дожж трясет, но всем наплевать. Все окна открывают и головы высовывают, будто бы никогда прежде и не видели ничего подобного. Так и есть, наверное. Я испытываю какой-то странный трепет, словно бреду в неизвестность, принимая те решения, о которых никогда не пожалею.

Уилл смотрит по навигатору, где поблизости гостиницы. Мы приезжаем в маленькое здание с темно-бордовыми стенами. Оно зажато между высоких построек; жилых домов. Представить себе не могу, что люди живут здесь. Будто в музее. Будто в другом времени.

Как и хотел Уильям, мы выбираем хороший номер на последнем этаже. Тут даже три комнаты: две спальни и огромный зал с балконом. Понятия не имею, откуда у нас столько денег, но не сопротивляюсь, ведь вижу ванную. Настоящую, прекрасную, чистую ванную.

— Я первая! — Взывает Тэмми, а я обижено цокаю.

— Я тоже хочу!

— Становись в очередь, котик.

— Еще в машине я говорила, что пойду первой.

— Не помню такого.

Неожиданно брови у меня вскакивают, и я довольно отрезаю:

— Уилл.

Парень отвлекается от телефона Кори — свой он разбил — и переводит на меня взгляд.

— Мое следующее задание: задержи Тэмзи, пока я пробегаю мимо нее в ванну.

— Что?

Это двойное комбо. Мало того, что Уиллу придется выполнить то, что я ему сказала, так и сама девушка против не будет. Тэмми надувает губы, медленно с места срывается, а я спокойно плетусь в ванную, захватив сумку. Она еще сопротивляться пытается, когда он ее оттаскивает в сторону. Мне-то известно, что объятия у него крепкие, и вырваться не так уж и просто будет. Хм. Я почему-то замираю на пороге, увидев, как Уилл смеется, сжимая девушку в своих руках. Странное ощущение. Я нервно хватаюсь пальцами за ручку и лихо дверь захлопываю. Что на меня нашло — понятия не имею. Но мне вдруг не нравится, что Тэмзи Пол так одержимо прижимается к Уильяму Гудмену.

— Черт, — я взъерошиваю волосы и включаю душ. Мне нужно охладиться.

После долгих споров мы решаем, что спальни отойдут девочкам, а парни устроятся в гостиной на диване и раскладушке. Каким же счастьем было ворваться в уютную комнату и понять, что кроме меня здесь спать никто не будет. Постель, шкаф, зеркало — все мое. Я почти визжу от восторга и валюсь на кровать, раскинув в стороны руки. Матрас мягкий, и пахнет тут приятно. Никаких мухоловок, никаких совместно-сдвинутых постелей. Я робко

улыбаюсь и заворачиваюсь в одеяле, убрав с лица мокрые волосы. Сон приходит тут же, и я даже понять не успеваю, как падаю в темноту.

Меня будит чей-то кашель. С трудом распахиваю потяжелевшие веки, гляжу вокруг и потираю глаза, не понимая, что происходит, и где я. В комнате прохладно, я вытаскиваю ноги из-под одеяла, потягиваюсь и выдыхаю, улыбнувшись, словно исполнила заветную мечту. Может, так и есть. Встряхнув волосами, я одергиваю футболку и плетусь к выходу.

Дверь в комнату Пол закрыта, на диване валяются Уилл и Джесси. Они смотрят ТВ и тихо болтают о чем-то, то и дело, отвлекаясь на Кори. Он ворочается на раскладушке и кашляет, прикрывая ладонями рот. Мне это не нравится. Подхожу к другу и сажусь рядом, поправив скатившееся покрывало.

— Что с ним? — Я перевожу взгляд на Уилла. Он тоже рядом оказывается. — Когда он успел заболеть? Кашель сухой. Нужны таблетки.

— Я уже сходил, купил какую-то дрянь. Сказали, поможет.

— Давно он так?

— Часа два, наверно. — Уильям потирает ладонями лицо и выдыхает. — Дерьмо.

— Успокойся, все с ним в порядке будет. Он просто простудился, вот и кашляет. Мы ведь постоянно с открытыми окнами ездим. То жарко, то холодно.

— Надо температуру померить.

— Надо, но только давай его не будить. — Я прохожусь пальцами по волосам друга и заправляю их назад, чтобы не мешались. Прикладываю тыльную сторону ладони ко лбу.

— Ну, как?

— Не горячий.

Несколько минут Уилл молчит, а потом вдруг усмехается и шепчет:

— Зато ты горячая.

— В смысле? — Я резко вскидываю подбородок.

— Тебе идут короткие футболочки, птенчик.

— О, боже, Уилл.

— Что? — Он взмахивает руками. — Просто к слову пришлось.

— Много у тебя к слову приходится. — Я поднимаюсь и одергиваю футболку ниже, но прекрасно понимаю, что до колен ей еще очень и очень далеко. — Лучше бы купил поесть.

— Я купил.

— Да ладно.

— Да. Пицца подана, госпожа.

— Это я ему приказал, — смеется с дивана Джесси и улыбается. — А еще он купил мне новый медиатор и пообещал свозить в парк аттракционов.

— Парк аттракционов? — Я вновь смотрю на Уилла. — Неплохая идея.

— Ненавижу горки. Что вы в них находите? Вертит тебя, вертит, а потом ты блюешь.

— Ну, знаешь ли. Я тоже мало понимаю в твоих попойках. Пьешь ты и пьешь, а потом блюешь где-то за поворотом. Так что, каждому свое, как говорится.

— Кори тоже любит аттракционы, — неожиданно говорит Уилл и переводит взгляд на брата. Губы у него сжимаются в тонкую полоску, скулы дрогают, и я непроизвольно кладу ладонь на его плечо, улыбнувшись. Он тут же на меня смотрит.

— Не переживай. У него обычная простуда.

— Дело не в этом.

— А в чем тогда?

Он громко выдыхает и отстраняется.

— Не бери в голову.

Я хмурюсь, а он плетется к Джесси и падает рядом с ним на диван. В чем же дело? Я не понимаю, почему Уилл так странно ведет себя, когда речь касается его брата.

Выдохнув, я еще раз поправляю одеяло Кори, а затем иду к ребятам. Пиццу кладем мы на колени, находим какое-то глупое шоу и проводит время настолько бессмысленно, насколько это вообще возможно. Правда, совсем скоро мне кажется, что в таких глупых посиделках гораздо больше смысла, чем в серьезных разговорах. Мы смеемся, болтаем о какой-то чуши, и нам весело. Вот, что главное. Мы становимся ближе.

Примерно через час из комнаты выкатывается сонная Тэмми, потом просыпается и Кори. Он бледный и измотанный, будто и не спал вовсе. Садится на подлокотник дивана рядом со мной и прикрывает ладонями лицо.

— Ты как? — Я заботливо потираю его плечи и приподнимаюсь. — Совсем паршиво?

— Да, нет. Просто идиотское состояние. Башка трещит.

— Ты заболел, друг мой.

— Серьезно? А я и не понял.

— Вот, возьми, — Уилл протягивает брату пакетик с лекарствами, — не затягивай. Тебе будет еще хуже, если не начнешь лечиться.

— И ты туда же. Вы думаете, я отупел? У меня, может, и болит горло, но соображаю я вполне отлично. Так что прекратите заваливать меня очевидными умозаключениями.

— Мы волнуемся, — защищаюсь я.

— А, ну, раз так, тогда ладно. Можете и дальше нести пургу. Мама, — он эмоционально обнимает меня, — папа, — пожимает руку Уиллу, — пойду, сполоснусь еще раз. Можно?

— Нужно, — усмехается Тэмми и откусывает кусок от уже холодной пиццы.

— Где красный кружочек — вода горячая, а где синий — холодная. — Серьезно заявляет Уильям, и мы все одновременно взрываемся хохотом.

— Спасибо за информацию! — Воскликает Кори и захлопывает за собой дверь.

— Так, и что дальше? — Спрашивает Тэмзи, растянувшись на диване. На ней шелковая пижама, которую я скорее приняла бы за платье. — Куда направимся? Посмотрим город?

— Нас ждут в "Сингер".

— Кто ждет?

— Один мой знакомый.

— И откуда ты их берешь, — риторически спрашиваю я, но Уилл решает ответить.

— Тебя никогда не раздражало, что почти все твои знакомые живут с тобой в одном городе, что вы или соседи, или учились вместе, или работали. Одни и те же лица, день за днем. Но люди ведь везде разные. Мне осточертело общаться с теми, кто знает не только меня, но и мою семью, моих предков, их предков. Это же безумие.

— И ты решил расширить кругозор?

— Человек обязан выйти из зоны комфорта. Мы для того и существуем, птенчик. Тот, кто никогда не прыгал выше своей головы, не жил вовсе. А я прыгал.

— И тебе понравилось?

— А как ты думаешь? — Уилл подходит ко мне, и мы с ним одновременно плюхаемся на разложенный диван. — Прыгать страшно, высоты ведь боишься. Но словами не описать тех чувств, что ты испытываешь, когда летишь. Они стоят всего.

— Мне всегда кажется, что людям не нужно мое мнение. Я не хочу навязываться и не

хочу быть обузой. Что толку знакомиться со всеми встречными? Друзей не бывает много.

— Никто и не заставляет тебя дружить с ними. Ты знакомишься с людьми, чтобы себя лучше понять. А иначе как ты поймешь, что тебя в человеке устраивает, а что — нет? И как ты вообще что-то о жизни узнаешь, если будешь общаться только с теми, кто живет точно так же, как и ты? Это тупик. Нужно высовывать голову, даже если на улице снег и вьюга.

— А если людям не нужен ты?

— Ну и пусть катятся к черту. Тебе главное опыта набраться, научиться жить, Реган, а не притворяться, что живешь. Делать, что хочешь, и где хочешь. Путешествовать и вперед двигаться, а не стоять на месте.

Я хмыкаю и улыбаюсь, пристально смотря в светло-голубые глаза Уильяма Гудмена. Есть в этом человеке что-то такое, что заставляет подниматься, когда трудно и больно. Он сам плохо представляет, что является смыслом в жизни, куда идти, чего бояться. Но он не бросает попытки найти ответы на эти вопросы. И мне это нравится. Нравится его смелость и вера в то, что он вплотную подобрался к разгадке.

Кори остается в номере, а мы выдвигаемся в "Сингер". Я несколько минут мнусь на пороге и читаю ему нотации о том, что если станет хуже — нужно срочно звонить мне или ребятам, а не дожидаться, пока придет скорая. Не хочу оставлять его одного, но Кори не позволяет мне и слова вставить. Буквально выталкивает за дверь и усмехается.

— Отдохни, садик ты мой, — смеется он, — я не для того тебя сюда притащил, чтобы ты со мной нянчилась. Ясно?

— Если будет плохо...

— Иди уже!

Я закатываю глаза и догоняю ребят уже на выходе.

"Сингер" — небольшое кафе на углу Палм стрит. Оно располагается на втором этаже жилого комплекса, но, как я понимаю, людям это абсолютно не мешает. Некоторые из них спускаются в кафе по запасным, пожарным лестницам. Внутри кафе напоминает обычную забегаловку, но только с приглушенным светом. Столики располагаются по периметру, а в центре — на круглой возвышенности — стоит микрофон и музыканты, подыгрывающие тем смельчакам, что решаются самостоятельно исполнять песни. Во второй части кафе — угол для особо опьяневших танцоров, которые, впрочем, танцевать не умеют, но пытаются. Не знаю, сколько там людей, но зал переполнен, и мне видны лишь переплетение рук, взмахи чьих-то волос. Предлагаю остаться в помещении с микрофоном, потому что здесь совсем нелюдно, да и воздух не сперт, а прохладен.

Мы подходим к квадратному столику, за которым уже сидят два парня. Оба одетые в черные, обтягивающие костюмы. Это сбивает меня с толку. Хотя, нет. Не сбивает. С толку меня сбивает их внезапный обмен поцелуями в щеку. Вот тут-то я удивляюсь.

— Уилл! — Воскликает один из них и вскакивает с места. — Сюда иди, давай же, как же мы давно не виделись, правда?

— Как жизнь, Мичико? — Уилл пожимает парню руку. Только сейчас я замечаю, что у нового знакомого узковатые глаза. Он почти на голову ниже Гудмена. — Отдыхаете?

— Да, это мой приятель — Зэй Ди Тамико.

Второй парень улыбается Уиллу, затем подходит к нам и по очереди каждому жмет руки. Меня он внезапно обнимает, и я растерянно усмехаюсь.

— Зови меня просто — Зэй.

— А меня просто — Реган.

— Ну и имя! — Говорит человек по имени "Зэй Ди Тамико". — Язык сломаешь!

— Точно...

Мы рассаживаемся за столиком, и ребята начинают болтать о чем-то, суть чего я, как ни стараюсь, не могу уловить. То про университет, потом про работу. Про музыку и кино. Я почти сдаюсь и решаю отключиться, как вдруг Мичико — кажется, так назвал Уилл того низкого парня — восклицает:

— Опять ты за свое. Вечно сопротивляешься.

— О чем вы? — Я придвигаюсь ближе к столу. Отодвигаюсь, чтобы Джесси было чуть больше места, а он вдруг устало кладет голову мне на плечо, и я смущенно улыбаюсь.

— Нет, Мич, не отвечай, — восклицает Уилл, — прошу тебя. Ей нельзя об этом говорить.

— Почему? Да ладно тебе, красавчик. Он просто петь не хочет.

— Что? — Я широко улыбаюсь и перевожу взгляд на Гудмена. — Чего ты не хочешь?

— Ничего.

— Петь? Быть не может.

— Пытаюсь уговорить его уже который год, — раскатисто сетует Мичико и закатывает глаза. Они у него, кажется, подведены темным карандашом. — Но он ни в какую. Только и делает, что отрещивается. А это ведь весело, дорогой мой.

— Да, — подключается Зэй. — Чего бояться? Здесь постоянно поют какие-то невежды, а я уже устал терпеть их дребезжание. Как по пенопласту.

— Кажется, у Реган пошел мыслительный процесс, — хихикает Тэмми и подталкивает меня по плечу, — ну же, котик, скажи это. Я на себя ответственность брать не буду. Он мне потом это припомнит, и будет больно.

— Всем будет больно, — угрожает Уильям, сверкнув хитрыми глазами, — я не шучу. Не смей, Реган, иначе мне придется тебя убить.

— Я не боюсь тебя, Уилл.

— Зря.

— Иди на сцену и спой нам что-нибудь.

— Вы играете в слугу? — Удивляется Мичико и прихлопывает в ладони. — Это я ведь его научил, помнишь Уилл? Мы тогда ехали в автобусе со студентками из Принстона.

— Не думал, что тебя волновали студентки.

— Зато ты был в восторге.

— Ну же, — восклицаю я, — не тяни время. Это мое задание, мистер Гудмен.

Неожиданно лицо Уильяма становится совсем другим. Он улыбается, но в глазах у него холод, впившийся в меня острым клинком. Я недоуменно сглатываю, когда парень резко поднимается из-за стола. Он разминает шею, а затем, крадучись, плетется ко мне.

Ребята продолжают болтать, а Уилл останавливается за моей спиной и приближается к моей щеке так близко, что я ощущаю его горячее дыхание. Оборачиваюсь. Наши лица в нескольких сантиметрах друг от друга, но нет в этом ничего приятного. Это опасно.

— Я сделаю тебе больно, — шепчет он. Я не понимаю, чем так разозлила его, но мне не страшно. Я вскидываю подбородок и ухмыляюсь.

— Попробуй.

— Я вижу, как ты на меня смотришь.

— И как я на тебя смотрю?

— Так, будто скоро ты проиграешь пари.

Он отстраняется, бредет к сцене, а я горячо выдыхаю. Мое лицо вспыхивает и горит, и желудок скручивается от неприятного ощущения, проскользнувшего по всему телу. Что он имеет в виду? Как я на него смотрю? Что за глупость.

Перевожу взгляд на сомкнутые в замок руки и прикусываю губу. Кажется, Уилл, в который раз, взял на себя слишком много. Мне абсолютно наплевать на него. Мне нет до него никакого дела, и боль причинить он мне не в состоянии, потому что для этого нужно к человеку что-то испытывать. А я вижу в Уильяме лишь чужака, который иногда говорит умные вещи. Нам приносят выпить, я выхватываю сок прямо с подноса и залпом выпиваю половину. Затем со стуком ставлю стакан на стол и зажмуриваюсь.

— Ты чего? — Заботливо интересуется Джесси и хмурит светлые брови. — Тебе плохо?

— Естественно, ей плохо, — отвечает за меня Тэмзи Пол и помешивает трубочкой свой коктейль. Она кривит губы, но взгляд на меня не поднимает. — Уилл метко бьет.

— В смысле? — Я встряхиваю волосами. — Причем тут Уилл?

— Хватит придуряться. Только идиотка не обратит на него внимания.

— Все как раз таки наоборот.

— Значит, мы — идиотки.

— Нет, Тэмми, это ты — идиотка. А мне наплевать на Уилла.

— Думаешь? — Она приподнимает подбородок, и ее обсидиановые глаза прожигают во мне дыру, размером с Коннектикут. — Не делай вид, что тебе все равно.

— Я разберусь, что мне делать.

— Я просто советую.

— Прежде чем говорить, что мне соринка в глаз попала, вытащи бревно из своего.

— Тише, девчонки, — усмехается Джесси и вклинивается между нами, словно подушка безопасности, — давайте прекратим этот глупый спор, окей?

Выдыхаю и отворачиваюсь от Тэмми. Неожиданно мне хочется уйти, и я жалею, что не осталась в номере с Кори. Нужно было прислушаться к интуиции и запереться в своей комнате. Но нет. Я решила, что набраться впечатлений — важнее здравого рассудка.

— Мне нужна помощь из зала, если вы не возражаете, — вдруг со сцены говорит Уилл, и в кафе аплодируют люди. Несколько полупьяных девиц тут же кидаются к нему, словно парень прочитал заклинание, и я закатываю глаза. Господи, неудивительно, что сейчас ко всем женщинам относятся так, будто они шлюхи. Что уж поделать, если в основном — так и есть. Разодетые, нестоящие на ногах, они прилипают к Уильяму, хищно улыбаются, а он их обнимает по обе стороны, как верных подружек. — Эта песня посвящается одной девушке, к которой у меня особые чувства. Она думает, что знает меня, понимает, лезет в голову и компостирует мозги. Но она ошибается. На самом деле, она мне никто.

Все это время он смотрит мне прямо глаза, а я — на него. Не знаю, что именно меня цепляет. Но цепляет. Я крепко стискиваю зубы, а он кивает музыкантам, и из колонок на наши головы сваливается знакомая мелодия группы "Нирвана". Я почему-то ухмыляюсь, эта песня так идет Уиллу, его самодовольной улыбке, пылающим глазам и решительному голосу. В этом весь Уильям Гудмен — сломленный мальчишка, который играет с людьми и радуется, когда они тоже ломаются.

"Изнасилуй меня. Изнасилуй меня, мой друг" — поет Уилл, прожигая во мне дыру. По бокам от него вьются девушки, а он обнимает их, прижимает к себе, пока они карабкаются по его телу, как по канату.

— И, конечно, он хорошо поет, — отвернувшись от сцены, улыбаюсь я. В груди у меня

пылает злость и обида, и я, черт подери, понятия не имею, откуда взялись такие чувства.

— В этом мире вряд ли есть что-то такое, что не получается у этого парня, — заявляет Мичико и смотрит на меня с сожалением, — это тебе песня его посвящается, милочка?

— Нет.

— Да, — одновременно отвечают Джесси и Тэмми.

Я нервно пожимаю плечами и процеживаю:

— Возможно.

— Видимо, ты разозлила его.

— Уилл такой талантливый, что сам себя научился злить. — Я вырываю из рук Тэмзи свой стакан с соком — что он там делает? И вновь жадно остужаю горло. Кошусь на сцену, а Уилл продолжает овивать руками двух незнакомок. Они потные, и глаза у них горят.

Меня тошнит.

Неожиданно он берет микрофон в руки и начинает приближаться к нашему столику, оставив позади расстроенных девиц. *"Презирай меня, делай это снова и снова. Опустоши меня. Изнасилуй меня, мой друг"*. Он оказывается передо мной. Возвышается над головой и бросает тень на глаза. Губы его искривляет улыбка, а глаза глядят так, что мне внезапно хочется провалиться сквозь землю и больше никогда не очнуться. Парень вдруг хватается за спинку моего стула, тянет его на себя и наклоняется таким образом, что между нашими лицами остается всего несколько жалких сантиметров.

— Ты почти уничтожена, — едва слышно шепчет он и касается губами моей щеки, — ты проиграла, птенчик.

Мне нечем дышать. Его горячие губы так близко, а сердце у меня останавливается. Я хочу оттолкнуть его, но не могу пошевелиться. Лишь перевожу на него взгляд и тут же об этом жалею, ведь в нем столько ненависти, столько гнева, что горло сводит судорогой.

Я не понимаю, что сделала; почему так разозлила парня; с чего вдруг заслужила это презрение, что скользит в его глазах так повседневно, будто постоянно там живет. Но мне не нужно узнавать ответ. Мне обидно, мне *больно*, что самое отвратительное, но разве это важно? Какое это имеет значение? Я не знаю о любви ровным счетом ничего, и мне чужда романтическая привязанность. И если Уилл и хотел доказать обратное, у него не вышло. Я лишь в очередной раз убедилась, какие люди эгоисты, и как рьяно они самоуничтожаются, обвинив в этом тех, кому они дороги.

— Тебя ждут, Уильям, — все-таки произношу я, умудрившись равнодушно улыбнуться. Подаюсь вперед и касаюсь губами его щеки. Сердце у меня вырывается из груди, бьется о ребра и взывает на неизвестном языке, но голос мой спокоен, ровен и тих. Не узнаю его и удивляюсь, но не подаю вида. — *Я вижу, как ты на меня смотришь*. — Томно повторяю его слова. — Но ничего не будет. Ты мне не нужен. Возвращайся на сцену. Там тебя утешат.

Я отталкиваю парня от себя, а затем вновь тянусь к соку. Опрокидываю содержимое и решительно поднимаюсь из-за стола. Внезапно голова кружится, и я едва не падаю.

— Осторожно, — восклицает Джесси, поддержав меня за руку, я встряхиваю волосами.

Не понимаю, что такое. Молниеносно перед глазами все смазывается, а музыка лихо превращается в какофонию звуков, давящих на виски. Хочу уйти, но Уилл хватается за локоть, тянет на себя. Лицо у него становится совсем другим: смягчается. Или же мне так кажется? Колени подгибаются. Я ощущаю, как странная сила — горячая и теплая — тянется к сердцу и обволакивает его в широченных ладонях.

— Ты куда? — спрашивает он. — Что с тобой?

— Отвали, Уильям. Я хочу потанцевать. А тебя ждут. Обернись. Они соскучились. — Я порывисто вырываю руку из пальцев парня и бреду к смежному помещению, где танцуют люди. Со мной творится что-то невообразимое. Приятное и пугающее одновременно.

В одну секунду ясность исчезает, и я погружаюсь в состояние полнейшей пустоты. Я должна заполнить эту пустоту. Должна *немедленно*. Желание пить превращается в жажду. Желание есть — в голод. Желание танцевать — в желание оторваться от земли и взмахнуть к потолку, улететь куда-то в небо, да, в черное небо и стать северным ветром, гоняющим по дорогам иссохшие листья. Ох, я улыбаюсь незнакомцам, прикасаюсь к ним пальцами и вижу, как от них отскакивают искры. О, да, искры! Я не схожу с ума. Краски становятся в сто раз ярче, музыка — в сто раз громче! Что за странные чувства? Грудь пылает, горит, я сейчас сойду с ума, этот пожар, он опустошает меня, он обжигает, болит!

Откидываю назад голову, прохожусь ладонями по лицу, которое внезапно намокает и становится горячим. Мне нужно найти воду, нужно выйти на свежий воздух. Я внезапно слышу, как из соседнего зала поет Уилл. Он завораживающе поет. И его голос отражается внутри меня, разлетаясь по всему телу, разбиваясь на сотни осколков. Его голос в голове, он повсюду. Я закрываю глаза, а передо мной его лицо, и запах сигарет, и дым. Он вдруг обнимает меня, я прижимаюсь к нему и откидываю назад голову. Мне нравится, что Уилл здесь, и что он там, и что я где-то, где взрываются на тысячи частей краски и звуки.

— Пойдем, — говорит голос у моего уха, — пойдем со мной.

Это не Уилл. Это не его голос. Я раскрываю глаза и вижу незнакомца. Я не вижу его лица, оно покрыто тенью, черной пленкой, я лишь вижу его губы, которые зовут меня за собой, но я не хочу идти. Я пытаюсь сопротивляться, а ноги не слушаются. Как и руки. Я просто невнятно шепчу что-то, а в груди горит шар из ужаса. Что со мной? Я не понимаю, я ничего не понимаю. Дергаюсь, незнакомец дергается вслед за мной, и тут я вижу черты его лица. Знакомые мне черты. Именно этот человек лапал меня на парковке, когда Уилл решил выкрасть свою же машину. В замок он сцепляет мои руки, на себя тянет, а я резко, в ужасе примерзаю к полу, завертев головой.

— Нет, нет, — не может быть, чтобы этот мужчина был здесь. Не может. Меня тошнит. Я невольно закрываю глаза и ощущаю, как рвота подскакивает к горлу. Боже, как же мне плохо, кожа горит, лицо горит. Боль скручивает и выворачивает наизнанку, и я кренюсь назад, ударившись спиной о ледяную стену.

— Ты чего? Эй, красотка, что с тобой?

Когда я раскрываю глаза, то вижу совершенно другого человека.

Какого черта? Что происходит! Ой, я опускаю голову. Это не он был на парковке, я его вообще впервые вижу! Мне показалось. Мне просто показалось.

— Тебе плохо? Может, позвать кого-то?

Я не могу заставить себя выпрямиться. Пытаюсь понять, какого черта мое тело меня не слушается, но не могу внятно соображать. Постоянно отвлекаюсь на то, как сверкают шары светомузыки, как преображаются человеческие голоса и музыка.

— Мне надо..., - тихо шепчу я, заплетающимся языком, — мне надо найти друзей.

— Чего ты реवेशь? — Неожиданно спрашивает до боли знакомый голос, и я порывисто скидываю подбородок. Нет, нет. К глазам подкатывают слезы, тело наливается ледяным ужасом. Он не может быть здесь, не может, нет! — Какого хрена ты реवेशь? — Еще громче взывает отец, и я вжимаюсь изо всех сил в стену.

Меня трясет. Тело дрожит и шатается, а отец стоит так близко, что я ощущаю запах, *его*

запах, терпкий и тяжелый. Запах пота, пива. Запах грязи.

— Я не реву, я не...

— Задолбала со своими психами!

— Не понимаю, я...

— Рот закрой, ясно? — Его кулак врезается в стену в нескольких сантиметрах от моего лица, и я в панике захопываю ладонями рот. — Мне насрать на тебя и на твою мамашу! Я хочу, чтобы вы сдохли, обе, и больше не компостировали мне мозги! Ты — ошибка и залет твой тупой мамаша, ты появилась, потому что мы трахались на заднем сидении машины и насрали на правила ее кретинских родителей, и ты бы и дня не прожила, если бы только от меня зависела твоя жизнь, уяснила?

Я скатываюсь по стене и прижимаюсь головой к трясущимся коленям. Но даже здесь в темноте, с закрытыми глазами, я чувствую, как он на меня смотрит. Как ненавидит меня.

— Я смотрю на тебя и вижу ее. Вижу Мэндис. Она тоже хотела, чтобы я изменился, а ты до сих пор в меня веришь? Тупая идиотка, как и мать, как и ее предки. Сборище тупых недоумков. — Я вдруг вспоминаю, как он бил меня во дворе, как его ноги врезались в мой живот, и я подлетала над землей, словно ничего не вешу. — Ты — обуза. — Говорит он. Боль вспыхивает в ребрах, отец, будто вновь избивает меня, я содрогаюсь от коликов по всему телу. — Обуза, обуза! — Кричит он над моей головой, а я плаваю в воспоминаниях, и кровь появляется на моем лице, и трава скользит по джинсам, оставляя темно-зеленые разводы. И земля оказывается во рту, на ладонях, в волосах. — Обуза!

— Реган?

— Обуза, обуза!

— Реган! — Меня неожиданно встряхивают за плечи, и я растерянно оборачиваюсь. На глазах у меня слезы, но я не плачу. Я ведь никогда не плачу. — Боже, Реган, что с тобой?

— Он здесь, — шепчу я дрожащим голосом и только сейчас понимаю, что передо мной Джесси, — он здесь, боже, он нашел меня.

— Кто нашел?

— Отец. Бонд, он нашел меня, — хватаюсь за руки парня и прижимаюсь к нему, дрожа от ужаса, паники. Я поднимаю подбородок, смотрю на парня, а он поправляет мне волосы и заправляет их назад. — Он здесь, пришел за мной, говорил, что ненавидит меня.

— Наверно, ты приняла что-то.

— Ты меня слушаешь?

— Твои зрачки, Реган, тебе показалось. Твоего отца здесь нет.

— Есть! — Горячо восклицаю я. — Он здесь, Джесси, я его видела! Он был здесь, был!

Я опускаю голову, и мне становится так холодно, что плечи сотрясаются от дрожи. Я закрываю ладонями лицо. Что происходит. Что со мной.

— Идем, слышишь? Ты можешь идти? — Джесси заботливо поднимает меня на ноги, и я облокачиваюсь об него всем телом. Краски до сих пор вертятся перед глазами. Люди тут и там, они танцуют, смеются, их лица — сплошное пятно, их голоса — шум. — Почему ты не сказала, что тебе плохо, Реган? Почему ушла?

— Я не уходила. Я плыла и увидела небо. А потом увидела мужчину с парковки, и он потом пришел. Мой отец. Он бил нас с мамой, я говорила? Он бил так, словно бил себя, я знаю, он себя ненавидит. Больше всех.

Парень не отвечает. Обнимает меня и ведет за собой. Я же старательно переставляю сплетающиеся ноги, но они не слушаются: то и дело, проваливаюсь в какие-то ямы.

Неожиданно шум становится тише. А воздух — чище. Мы летим над полом — я в этом абсолютно уверена — а потом застываем перед чьим-то столиком. Я прищуриваюсь и вижу Уильяма в окружении каких-то девушек. Одна из них сидит у него на коленях.

Я вежливо ей улыбаюсь и пожимаю руку.

— Я — Реган. — Меня шатает, поэтому я неуклюже налетаю на стол. Стаканы валятся, вода разливается по поверхности, капает на пол, а я застываю. — Простите.

— Что с тобой? — Уильям оказывается ко мне так близко, что я вижу веснушки на его носу. Их много. Как я раньше на них внимания не обращала. — Реган, ты меня слышишь?

— Слышу, но мне бы очень хотелось никогда тебя не слышать.

— Я нашел ее несколько минут назад.

— Что значит — нашел? Я не терялась.

— Почему она пьяна? Она же не пьет.

— Я думаю, она что-то приняла, Уилл. — Джесси почесывает волосы, а я неожиданно понимаю, что хочу отдохнуть, и медленно оседаю на пол.

— Ты чего? — Восклицает Уильям и подхватывает меня на полпути к плитке. — Реган. Да что с тобой, черт подери. Ты в порядке? Тебе плохо?

Прилипаю к его груди и медленно поправляю пальцами ворот его рубашки. Уильям приятно пахнет. Мелиссой. Мне нравится. Изучаю сильные плечи, подбородок и невольно замечаю на шее красноватое пятно. Это помада. Очевидно, одной из тех девиц, что сейчас сидят по кругу и испепеляют меня недовольным взглядом.

— Ты воспользовался моим советом? Нашел утешение?

— О чем ты?

— Он приходил ко мне.

— Кто — он?

Я приближаюсь к уху парня и шепчу:

— Мой отец. — Уильям настороженно глядит в мои глаза, а я продолжаю. — Ты на него похож. Не думаешь и делаешь. Живешь так, как хочется. Он тоже иногда приходил домой с помадой на рубашке. Чертов ублюдок. Мама кричала, а он ее бил.

— Реган, — протягивает Уилл и поджимает губы, — я совсем не похож на твоего отца.

— Даже больше, чем ты думаешь. — Я закрываю глаза и кладу голову на его плечо. Он дышит тяжело, я чувствую. Под моей ладонью вздымается и опускается его грудь. Я вдруг думаю, что могу услышать стук его сердца. Если оно у него, конечно, есть, но мне хочется верить, что есть. — Мама делает мне больно произвольно. Она не умеет иначе. Трудно ее винить, ведь ей самой так паршиво, Уилл. А вот отец и ты — вот, чем вы похожи.

— Перестань.

— Вы делаете больно специально. Вам нравится, когда другим плохо.

— Ты не понимаешь, о чем говоришь.

— Я не права?

Я отстраняюсь, смотрю парню в глаза, а он взгляд отводит. Хмыкаю. *Права.*

— Я отведу ее в номер, — на выдохе сообщает Уильям и кивает Джесси.

— Если хочешь — оставайся, — протягивает светловолосый парень, — я справлюсь. А ты развлекайся, чувак. Ночь только началась. Ты же не любишь уходить рано.

— Нет. Я сам. Не бросай Тэмми одну, хорошо?

— Окей, Уилл. Тогда утром увидимся.

— Пока, Джесси, — восклицаю я и кидаюсь на парня. Обнимаю его и прижимаю к себе

так близко, что дыхание сбивается. — Ты теплый, как солнце, Джесси Бонд.

— Да-да, Реган, ты не в себе, но спасибо.

— Я серьезно.

— Никто и не сомневается, — отрезает Уилл и притягивает меня к себе.

Послушно облокачиваюсь об него всем телом и прикрываю глаза. Неожиданно мне больше не страшно. Мне спокойно, и я не жду, что отец причинит мне вред, не боюсь его криков. Он исчез. И он не появится, пока со мной рядом Уильям Гудмен.

Мы выходим на улицу, идем по ночному городу и молчим. Прохладный ветер гуляет по коже, я подставляю ему лицо и пошатываюсь в сторону, спотыкнувшись о собственные ноги. Уильям вновь подхватывает меня и прижимает к себе настолько близко, что теперь у нас на двоих не только тепло, но и воздух.

Мы приходим в номер минут через десять. Я отстраняюсь от парня и мужественно решаю преодолеть последние несколько метров самостоятельно. Однако едва моя нога делает первый шаг, я тут же неуклюже кренюсь в сторону и со стуком валюсь вниз.

— Реган! — Шепотом выругивается Уилл и присаживается рядом. — Черт тебя подери, Кори ведь спит, забыла?

— Я просто..., просто шла, и вот.

— Иди сюда, алкоголичка.

Парень неожиданно подхватывает меня на руки, и я растерянно покачиваю головой.

— Ты что делаешь?

— Так будет быстрее.

— Так меня быстрее стошнит.

— Давай обойдемся без этого. По-моему, воспоминаний и так хватит до нового года.

— Наверно.

Я безвольно порхаю над комнатой, а затем вдруг оказываюсь на мягкой кровати. Не знаю, как снять кроссовки, тянусь к ним, но Уилл неожиданно опережает меня. Садится у края кровати и стаскивает их, отбросив в сторону.

— Может, воды принести?

— А ты принесешь?

— Нет, я спросил, чтобы ты сама за ней сходила.

Усмехаюсь и киваю. Наверно, я попала в другой мир, потому что тут шею Уильяма мне не хочется свернуть, что странно. Я падаю на кровать и прикрываю глаза. Чувствую, как сон подкрадывается и манит к себе в теплые, пушистые руки, однако затем прямо над моей головой проносится голос:

— Какого хрена ты тут лежишь, идиотка?

Я резко распахиваю глаза и в ужасе оглядываюсь. Страх вновь к горлу подкатывает. Я бегло осматриваю комнату, верчу головой и ощущаю, как паника сдавливает горло. Он опять здесь, он опять за мной пришел. Отец. Как он меня находит. Как?

Дверь распахивается, и я в ужасе вскрикиваю, прижавшись всем телом к изголовью кровати. Однако порог пересекает Уилл с прозрачным стаканом в руке.

— Ты чего? — Не понимает он. — Все в порядке?

— Он опять был здесь, о, боже мой, я сумасшедшая, я свихнулась. — Хватаюсь руками за лицо и покачиваю головой, понятия не имея, что со мной творится. Мелкая дрожь лихо проносится по спине, и меня передергивает, как от неприятного скрипящего звука. — Я его слышала, он в моей голове, я ничего не могу с этим поделать, не могу, не могу...

— Тише, — протягивает парень, и когда я поднимаю голову, он оказывается совсем ко мне близко, прямо перед моим лицом, — здесь никого нет.

— Его здесь нет, пока ты рядом.

— Значит, я никуда не уйду.

— Правда?

Уильям неожиданно поправляет мои волосы и проходится пальцами по щекам. Я на него смотрю и не узнаю его. Его взгляд совсем другой, не такой, как прежде, и мне ничего не остается, как тонуть в этом взгляде. Мне нравится такой Уильям Гудмен.

— Правда, птенчик. Иди сюда. — Парень ложится рядом и притягивает меня поближе. Я не сопротивляюсь. Кладу голову на его грудь и крепко зажмуриваюсь, ведь боюсь, что отец вновь появится в комнате, что он вновь меня ударит или ударит Уилла. — Все будет хорошо, слышишь? Здесь никого нет, только ты и я.

И это последнее, что я слышу, прежде чем проваливаюсь в сон.

Отец больше не приходит.

ГЛАВА 12.

Я просыпаюсь от ноющей боли. Раскрываю глаза и скручиваюсь, будто в живот мне хорошенько врезали. Виски мгновенно вспыхивают. Все тело вспыхивает, и мне внезапно становится так паршиво, что я неуклюже скатываюсь с постели. Закрываю пальцами рот, мельком вижу на кровати кого-то еще и несусь вон из комнаты. Мои ноги сплетаются, но я чудом добираюсь до ванной комнаты и с глухим стуком падаю рядом с унитазом.

Господи. Никогда в жизни мне не было так плохо. Все мое тело скручивает, а перед глазами мельтешат разноцветные точки. Ох. Я упираюсь ладонями о край туалета, а затем, громко и прерывисто дыша, кладу голову на сидение.

— Черт, черт, — меня качает. Я бы упала на ледяную плитку, но боюсь, что меня опять вывернет наизнанку, потому я крепко зажмуриваюсь и стискиваю в кулаки руки. В висках пляшет пламя. Чувствую, как тошнота вновь подскакивает к горлу, но всхлипываю и дико выругиваюсь, решив, что обойтись сейчас без сквернословия — значит слицемерить.

— Можно?

— Нет! — Хриплю я, но, естественно, парень все равно заходит в ванную, и мне ничего не остается, кроме как ощутить себя еще более паршиво. — Уйди, Уилл. Пожалуйста.

— Ты как?

— Угадай.

— Что ты приняла вчера?

— Наверняка, что-то мозговыносящее, раз сегодня мы очнулись в одной постели.

— Ты так быстро унеслась. Не думал, что ты вообще меня заметила.

Уилл протягивает мне полотенце, а я стыдливо выдыхаю. Поверить не могу, что мы с ним спали вместе, что сейчас я облакачиваюсь лицом о грязное сидение унитаза. Что со мной? Где я? Почему это происходит? Мне неожиданно становится так обидно, что злость вскипает в венах диким пожаром, и теперь я смотрю на Уилла не виновато, а разъяренно.

— Как это произошло? Я ничего не пила.

— Мне тоже интересно.

— А разве интересно, когда знаешь ответ?

— Что? — Брови парня подскакивают вверх, и он замирает. — Что ты имеешь в виду?

— Ты знаешь — что. — Я кидаю полотенце обратно Уильяму. — Развлекся?

— Как раз таки — нет. Я бы развлекся, если бы не ты и не твой приступ. — Он бросает полотенце мне в лицо, но я ловко перехватываю его в воздухе и свожу брови.

— Какой еще приступ?

— Истерический.

— Что ты несешь?

— Ты забыла про свои глюки? Забыла, как боялась, что в номер заявится твой отец?

— Что? — На выдохе шепчу я и распахиваю глаза. Меня будто по лицу ударили. Гляжу на Уильяма и хватаю губами воздух, разрываясь между стыдом и шоком. — Я не...

— Могла, — перебивает парень и неожиданно стягивает через голову футболку. Я тупо гляжу на него, хлопаю ресницами, а он подходит к душевой кабинке.

— Ты что творишь?

— В смысле?

— Уилл, господи, выйди отсюда!

— Но я хочу помыться. — Он расстегивает ширинку. — В чем проблема? Я тебя ведь не прогоняю. Делай свои дела, а я — свои.

— Ты шутишь? — Глаза у меня, наверно, на лоб лезут, когда он стягивает джинсы. — У тебя явно какие-то проблемы, парень. Серьезные проблемы.

— Это не я сижу в обнимку с унитазом.

— Нельзя просто взять и..., - он снимает трусы, а я в ужасе отворачиваюсь. Черт меня дери! Что он делает? Я слышу, как Уильям захлопывает кабинку, и покрываюсь румянцем до кончиков пальцев. — Боже, да ты чокнутый! — Вскрываю на ноги. — Меня сейчас снова вырвет, честное слово.

— Я настолько плох? — Сквозь шум воды спрашивает парень.

— Нет, ты неотразим.

— Так, может, ко мне запрыгнешь, птенчик?

— Ну, если ты позволишь.

— Seriously? — Уильям приоткрывает кабинку и вытаскивает наружу голову. Волосы у него мокрые, скатываются по скулам, будто бы пиявки. — Ну, я позволяю.

— Ну, я очень за тебя рада, — язвительно закатываю глаза. Так и хочется врезать Уиллу по башке. Что он вообще творит? Совсем с катушек съехал.

— Я так и знал, что ты обманываешь. Ты лгунья, птенчик. — Гудмен вновь исчезает за дверцей, а мои руки взмахивают на бедра. — Всего боишься. Даже себя боишься.

— Давай без философии. — Морщусь и стягиваю с себя лифчик через футболку. Меня будто сдавливают чьи-то пальцы. Дышать невозможно. Кидаю бюстгальтер на скользкий пол и оборачиваюсь к зеркалу. — В другой раз поумничаешь.

— Как скажешь.

Я протираю ладонями лицо и умываюсь, старательно не косясь в сторону душевой кабинки. Живот крутит, но мне легче. Возможно, организм понял, что есть вещи намного страшнее безумных глюков. Например, Уилл Гудмен и его желание продемонстрировать все свои достоинства.

Я завязываю волосы и выкатываюсь из ванной, с трудом представляя, что делать. Я понятия не имею, что на меня вчера нашло, и мне жутко стыдно, что Уильям слышал все мои слова, касающиеся отца. Что я наговорила? Что успела сделать? Надеюсь, рядом мы лежали лишь потому, что он воспитанный джентльмен и пытался успокоить меня своим

присутствием. А не потому, что я рухнула ему в объятия и наговорила какой-то чепухи.

В гостиной сидит Кори. Он растерянно вскидывает брови, когда я захопываю дверь ванной комнаты, и усмехается:

— Ты воду забыла выключить.

Я плюхаюсь рядом с другом, закрываю пальцами глаза, а он заботливо поглаживает меня по спине, будто бы знает, что сейчас мне хочется скинуться с крыши, или чего еще похуже. Он кашляет, а я устало выпрямляюсь.

— Как себя чувствуешь?

— Лучше. Таблетки хорошие. А с тобой что?

— Со мной мистика, Кори. Реальная мистика. Вчера я, словно побывала в одном из рассказов Стивена Кинга с галлюцинациями и маньяками-преследователями.

— В смысле?

— Не знаю. Мы были в клубе, Уилл пел...

— Пел? — Переспрашивает парень и усмехается. — Вот это да! Я пропустил много чего интересного, верно?

— Честно? Не помню. В голове все смешалось. Я понятия не имею, что вчера со мной происходило. Знаю лишь, что сегодня очнулась рядом с Уиллом, а потом меня вывернуло наизнанку в туалете. Классная история, не так ли?

— Не то слово, — неожиданно протягивает Тэмми и выпархивает из своей спальни. На ней вчерашний рваный топ и юбка. Тушь размазалась под глазами, подбородок розоватый от помады. Она плетется к нам, покачиваясь, а я настороженно хмурю брови. — Тебе хотя бы весело было? Или ты умудрилась заскучать даже под кайфом?

— Что?

— Ты развлеклась?

— Тебе-то какое дело? С чего ты вообще решила, что я была под кайфом?

— Ну, не знаю, — она облокачивается бедрами о столешницу и передергивает плечами, не отрывая от меня обсидиановых глаз, — одна птичка нашептала.

— Какая еще птичка?

— Нужно следить за тем, что пьешь, котик.

Я округляю глаза и смотрю на девушку недоуменно. Внезапно мне будто бы под дых дают. Перед глазами проносится момент, когда я вырвала из цепких пальцев Тэмзи стакан с соком, и грудь сдавливают колючие силки. Неужели...

Я приподнимаю подбородок и вскакиваю на ноги. Тело у меня вспыхивает, словно новогодняя елка, и я сжимаю кулаки до такой степени, что сводит руки, пальцы, кисти.

— Ты серьезно? — Едва слышно спрашиваю я, глядя в блестящие глаза девушки. — Ты подсыпала мне что-то в сок?

Тэмми выдыхает и поправляет бирюзовые волосы. Сейчас она мне не кажется милой и невинной овечкой. Мне ее не жалко. Мне хочется ее убить.

— Ты же должна была когда-то оттянуться, — говорит она, — вот я и помогла тебе.

— Помогла мне?

— Очнись, Реган. Тебе двадцать — сколько? И ты ничего еще в жизни не попробовала. Ты умеешь расслабляться? Умеешь удовольствие получать?

— Поверить не могу.

— Вот и я не могу. — Она со свистом выдыхает и вновь откидывает назад волосы. Все ее движения вальяжны, просты и обычны, словно Тэмми не сделала ничего такого, что мы

должны были бы обсудить. Она отталкивается от столешницы и плетется в ванную.

— Я с тобой еще не закончила.

— Не благодари.

— Что? — Я перехватываю девушку за локоть и резко тяну на себя. — У тебя с головой все в порядке? Ты мне какую-то хрень в сок подсыпала!

— Я знаю, что сделала. — Рывкает она, вырывая руку.

— Знаешь? Ну и? Считаешь, это нормально? Считаешь, ты в своем уме?

— Считаю, что сделала тебе одолжение. Только подумай, котик, столько впечатлений за одну ночь. Ты и потанцевала, и покувыркалась.

— Что ты несешь?

— Даже в душе порезвилась. Ну и как он? Тебе понравилось? Раздвигать ноги иногда полезно, это лечит от монашества и девственности.

— Боже, Тэмзи! — Вдруг взрывается Кори и подскакивает на ноги. — Ты в своем уме?

— Что? Пусть ответит.

— Я не собираюсь тебе отвечать! Мне наплевать на твою любовь к Уиллу, наплевать на то, что ты не будешь ему нужна, даже если в очередной раз с крыши скинешься. И мне насрать на это. Мне насрать на твои проблемы.

— Рада это слышать.

— Но если ты еще раз подсыплешь мне какую-то дрянь...

— То что? — Она вплотную приближается ко мне и кривит обветренные губы. Они у нее светло-розовые, потрескавшиеся, будто бы Тэмми болеет или нуждается в дозе. — Что ты сделаешь? *Ничего*. Ты только говоришь. Ты обложка с пустотой внутри. Ты говоришь и говоришь, а о жизни знаешь столько же, сколько я о смерти. Притом, что ты живешь, а я уже умираю. Ты вдохновленная праведностью, не куришь, не пьешь — монахиня. Только жизнь другая, солнышко. Люди — кретины, желающие сделать тебе больно.

— Заткнись, Тэмми, — рычит Кори и оказывается рядом, — если ты рот не закроешь, я...

— Что? Позовешь Уилла? О, да. Только он и сможет что-то сделать, потому что вы — два недоразумения, застрявших в собственных предрассудках. Я сделала то, что захотела, и я славно повеселилась, котик, — она глядит мне в глаза и усмехается, — а ты никогда так не сможешь. Ты никогда не поступишь по своей воле, только по совести. И мне тебя жаль. Как ты много теряешь. Жизнь — не только хорошая штука. Вся красота жизни в ее плохой стороне. А вы — святоши. Меня тошнит от вас. От вашего лицемерия. Я хотя бы говорю то, что думаю. А вы боитесь даже собственных мыслей.

— Что здесь происходит? — Неожиданно спрашивает Уилл. Он стоит на пороге ванной комнаты и прижимает полотенце к волосам. — Все нормально?

Мы молчим. Тяжело дышу, смотрю на девушку, а она продолжает кривить губы, не обращая внимания на то, что воздух раскалился и искрится над нашими головами. Вдруг становится так тихо, что в ушах звенит. Это гнетущая, омерзительная тишина, которая, в свое время, сводила с ума пленников и лишала их рассудка. В конце концов, Тэмми тихо усмехается и приближается ко мне, облизнув губы.

— Лучше это буду я. Лучше ты разочаруешься из-за меня, Реган. Жизнь все равно от тебя не отстанет, пока ты не свалишься и не размажешь лицо об асфальт. Прими этот дар от девушки, которую терпеть не можешь. Иначе это сделают те, кого ты любишь.

Она отстраняется и уходит, больше не взглянув на меня, а я с силой стискиваю зубы.

Что за идиотское оправдание? Что за идиотский разговор? Я нервно прохожусь ладонями по лицу и срываюсь с места.

— Ты куда? — Взволнованно восклицает Кори. — Реган.

— Пройдусь.

— Я с тобой.

— Нет. — Иду к двери. — Я хочу побыть одна. — И выбегаю из номера.

Не знаю, сколько брожу по городу. Более того, я смутно представляю, куда вообще иду. Просто плетусь вдоль проспектов и улиц, смотрю по сторонам, но ни черта в голове не откладывается. Неожиданно Сиракьюс больше не кажется мне волшебным местом. Я вдруг понимаю, что это такой же город, как и все остальные города. И не важно, высокие здания или низкие, много парков или мало, скрещенные улицы или параллельные. Важно то, с кем ты находишься, и как ты себя чувствуешь. Даже самое красивое место в мире не избавит от уродства в груди, которое растет и распускается, как ядовитый плющ.

Раньше мне казалось, что есть какая-то магия в вечном движении. В путешествиях и познании неопознанного. Но сейчас я понимаю, что мало двигаться. Нужно чтобы кто-то еще и за руку держал, кто-то близкий, а не чужой. Смысл в открытиях, если их разделить не с кем? Смысл в движении, если двигаешься один? Иногда людей вокруг бывает много, а на деле оказывается, что рядом — никого.

— Осторожно! — Неожиданно доносится до меня вопль какой-то женщины, и я вижу перед носом широкий капот. Машина тормозит в нескольких сантиметрах от моих ног, я нервно зажмуриваюсь, и только потом понимаю, что перехожу дорогу на красный свет.

— Ты что — спятила? — Возмущается водитель и выпрыгивает из салона. Я слышу, как он хлопает дверцей, как плетется ко мне, и раздраженно опускаю руки. Что ж, день просто великолепный. Еще одна стычка, а не прошло и полчаса. — Ты куда смотришь, куда...

Мы с водителем встречаемся взглядами, и я неожиданно чувствую, как грудь обдаёт кипятком. Не могу поверить. Черт. Мы застываем в немой растерянности. Глядим друг на друга и молчим, потому что говорить сложно.

— Реган? — Наконец, спрашивает парень и улыбается. Я соскучилась по этой улыбке. Тепло проносится по коже, воспоминания ударяют в голову похлеще алкоголя, и я резко встряхиваю волосами, не веря в то, что вижу этого человека перед глазами. — Ренни!

Он срывается с места, кидается на меня и обнимает, прижимая к себе так крепко, что у меня сводит все тело, но я не сопротивляюсь. Позволяю себе расслабиться и положить к нему на плечо подбородок. О, Боже. Пальцы мои сжимают руки парня с такой силой, что костяшки бледнеют.

— Бенни...

— Вот это да! Черт! — Парень отстраняется и широко улыбается. Машины сигналият, а мы внимания не обращаем. Смотрим в глаза друг друга и как придурки лыбимся. — Как же так, господи, поверить не могу. Ты настоящая? — Он вновь хохочет. — Точно?

Я жадно осматриваю парня, притрагиваюсь пальцами к его иссиня-черным волосам, к заросшему подбородку. Вновь касаюсь широких плеч, а потом гляжу в глаза. Они у него невероятные: изумрудно-синие с рыжеватой крапинкой. Парень выше меня на голову, а я уже и забыла, как это — стоять под его пристальным взглядом и ощущать себя мелкой.

— Ренни, что ты здесь делаешь?

— Так вышло. Чистая случайность.

— Случайность?

— Да. — Гляжу парню за спину и запроверяю за уши волосы. — За тобой уже очередь.

— Верно. Надо убрать машину. Идем.

— Но...

— Ничего не знаю, *Реган Баумгартен*, — Бенни берет меня за руку и ведет к машине. У него низкий, ровный голос, и когда он произносит мое имя, у меня мурашки пробегают по спине. — Пошли. Я никуда тебя не отпускаю, ясно? Я тебя похитил.

Усмехаюсь и запрыгиваю в салон матового синего кабриолета. Бертрам дверь мне не открывает. Я просто пролажу через верх, как и он — пролазит на водительское сидение. Не знаю, что чувствовать, но грудь у меня так и горит от всколыхнувшихся воспоминаний.

Парень дает по газам, машина визжит, от колес поднимается серая дымка, и мы лихо срываемся с места, наконец, освободив движение всем, кто сигналил позади. Мои волосы вспыхивают по всей длине и плавают по воздуху, словно по океану. А я смотрю на Бенни, на то, как он сжимает кожаный руль, как переключает передачи, и улыбаюсь, неожиданно позабыв о том, что прошло три года. Нет. Мы не расставались. Он не уезжал. Не оставлял меня и Кори, не нарушал ту идиллию, что появилась между нами, будто нерушимая связь. Он продолжал заезжать за мной по пятницам, и мы продолжали ходить в парк, лежать на одеяле и смотреть в небо, изучая созвездия. Втроем. Как во всех хороших книгах. Мы не расставались больше чем на несколько часов, и если Кори не мог вытащить меня и дома, приходил Бертрам и послушно ждал, пока я вязала канаты из постельного белья. Он был мне другом. Он и Кори. Две причины, из-за которых я соглашалась мириться с предками, из-за которых я закрывала глаза на все то дерьмо, что со мной творилось. Какая к черту разница, если у меня были лучшие друзья? Но потом Бертрам уехал.

Я свожу брови и смотрю на парня иначе. Я вспоминаю, как он оставил мне письмо у двери, даже лично не попрощался. Просто уехал. А мы с Кори потерялись. Конечно, как и у всех людей в жизни бывает, мы пережили его отъезд. Люди все переживают, дайте лишь время. Но мне было больно. Мне и сейчас становится больно, как только отходит шок, и на плечи сваливается реальность.

Думаю, эйфория притупляется и у Бенни. Он больше не улыбается. Ведет машину и смотрит на дорогу, крепко стискивая в пальцах руль. А он изменился. Подкачался. На шее у него размашистые татуировки. Я скептически хмыкаю.

— Что? — Не понимает он, вздернув уголки губ. — Что-то не так?

— Нет, все в порядке. — Я прикусываю кончик пальца и отворачиваюсь.

— Ты так и не научилась врать.

— А ты до сих пор отвратительно водишь.

— Я совершенствуюсь, — улыбается он.

— Да, я заметила. Едва не переехал меня.

— Вообще-то, это ты вышла на красный свет.

— И что? — Я развожу руками. — Водитель всегда виноват, когда он сбивает пешехода.

— Отличное оправдание. Кстати, что ты делала посреди дороги? Пыталась покончить с собой? Серьезно, Ренни, следить нужно, куда ноги волочишь.

— Не прошло и пяти минут, а ты уже учишь меня жизни. — Я усмехаюсь и покачиваю головой. — Я скучала, Бертрам Уоткинсон.

— Я знаю. Я тоже скучал, *Реган Баумгартен*.

Он смотрит на меня, а я глаза отвожу. Трудно видеть его здесь, сейчас, перед собой. Все это похоже на продолжение жуткого кошмара. Мы с ним познакомились, поступив на

первый курс университета. Нас распределяли по группам, и мы угодили в одну с Кори. Он взбунтовался против формы, а мы поддержали его, будто бы уже тогда почувствовали, что станем друзьями. К тому же, мы с Бенни как-то успокоились. Оказалось, что ошибаться в имени и фамилии будут дважды по списку.

— Куда мы едем?

— А куда ты хочешь? — Бенни наезжает на кочку и кривит губы. — Прости.

— Я привыкла. — И отвыкла за три года. — Слушай, поехали к Кори.

— Кори тоже здесь?

— Да. Мы путешествуем вроде как.

— Я рад, что вы выбрались из Янгстауна.

— Мне пришлось. — Я хмыкаю, а Бертрам протяжно выдыхает. Ему о моих проблемах известно практически все. Он часто держал дверь моей спальни, пока отец молотил по ней в надежде прорваться внутрь. — А ты?

— Что я?

— Живешь в Сиракьюс?

— Нет. Я проездом. Работаю на отца в Нью-Йорке.

— Все, как и планировал.

— Наверно. — Он пожимает плечами, и ветер неуклюже отбрасывает назад его черные волосы. Парень нервно поправляет их. — Я не рвался сюда, Ренни. Но я не против.

— Никто и не спорит.

— Я знаю тебя, знаю твой голос. Ты меня осуждаешь, и ты обижена.

— Осуждаю? Ну, ты загнул.

— Не загнул. Ты имеешь право. Слышишь? Я понимаю. — Парень постукивает руками по рулю и кивает. — Я ведь уехал и исчез. Не звонил, не писал.

— И слава богу. Иначе мы с Кори никогда бы не смирились с тем, что по пятницам ты не привезешь свое идиотское одеяло в горошек, и мы не поплетемся в парк.

— Значит, все в норме?

— Да. — Я коротко киваю. — Все отлично.

— Ренни.

— Бенни.

Парень усмехается и откидывает назад голову. Я соскучилась по его смеху. Я хотела бы вновь вернуться в то время, когда мы постоянно были вместе. Но это невозможно. Мы стали другими людьми, может, даже чужими.

От этих мыслей становится так тошно, что живот сводит.

Легло ли выкинуть близкого человека из головы? Легло ли его забыть? Сотрется ли память, исчезнут ли воспоминания? Пропадет ли дрожь, доверие, а тепло? Когда-то мы не представляли жизнь друг без друга, а теперь нам известно — жизнь продолжается несмотря ни на что. Зная все это, зная, что нет незаменимых людей, нет тех ран, что не вылечило бы время, сможем ли мы общаться как прежде, когда раньше одна лишь мысль о расставании была по груди и не давала дышать?

Мы поднимаемся в номер, улыбаясь друг другу. Бертрам крутит в пальцах ключи от машины, а я с интересом осматриваю знакомые черты его лица, которые не видела давно, но хотела увидеть. Все девушки мне завидовали, я дружила с настоящим красавцем, но у меня с Бенни никогда не было ничего большего. И нас никто не понимал.

Я открываю дверь и вздыхаю. Все бы ничего, но мне придется вновь увидеть Тэмзи, а я

ведь могу сорваться и случайно свернуть ей шею. Ну, не совсем случайно.

— Реган! — Воскликает Кори и подпрыгивает с дивана. — Где тебя носило? Мы искали тебя по городу, но...

Друг замолкает, когда порог пересекает Бертрам. Челюсть у него отваливается, как и у всех в комнате. Джесси улыбается, Тэмми хищно наклоняется вперед. Уилл же смотрит с интересом, словно его, наконец, удалось удивить. Он прищуривается и бросает:

— Ты познакомилась с ним пару часов назад, но уже решила представить семье?

— Очень смешно. — Язвлю я и наблюдаю за тем, как Кори срывается с места. Внутри у меня все перемешивается, сталкивается, сплетается. Друг налетает на Уоткинсона и рьяно прижимает к себе, словно боится отпустить.

— Черт! — Воскликает он. — Я умер? Или это глюки от температуры?

Бенни не отвечает. Похлопывает Гудмена по спине и вздыхает. Мне хочется с места сорваться и тоже кинуться их обнимать, но я не двигаюсь, а просто стою, криво улыбаясь и боясь шевельнуться. Сейчас моргну, и Бертрам исчезнет.

— Как ты здесь оказался? Где ты его нашла? — Громко тараторит Кори и переминается с ноги на ногу, будто бы сумасшедший. — Вот это да, как вы встретились?

— Я едва не переехал ее.

. — Это ты умеешь, — шутит Гудмен.

— Отличное начало романтической комедии, — вставляет Тэмми и поднимает с кресла. Она решительно подходит к Уоткинсону и обнимает, будто давнего друга. Стерва. — Меня зовут Тэмзи Пол. А ты...

— Бертрам Уоткинсон.

— Еще один. — Смеется Джесси, приближается к парню и пожимает ему руку. — Тебя тоже назвали в честь несуществующих слов? Мне нравится.

— А мне — нет, — парирует Бенни. Глядит на Уилла, но тот как стоит у балкона, так и не двигается. Меня веселит его настороженность. — Я вам не мешаю?

— Издеваешься? — По-детски визжит Кори и поправляет волосы. — Я просто не верю, что ты здесь. Сколько мы не виделись: год, два?

— Три, — отвечаю я, и мы с Уоткинсоном смотрим в глаза друг другу. Между нами так много несказанных слов, но мы молчим. Не время, не место. Не месяц. Не год.

— Ренни сказала, вы путешествуете.

— Ренни? — Переспрашивает Уильям и усмехается. — Интересно.

— Вполне нормально, — защищаюсь я, — уж получше, чем "птенчик".

— А в чем проблема, птенчик?

— В том, что я — *не* птенчик.

— Со стороны лучше видно.

Неожиданно я понимаю, что мое желание свернуть шею Тэмми ревоплощается в знакомое мне желание врезать Гудмену по лицу, и я скрещиваю на груди руки.

— Бенни нужно в Нью-Йорк. Как и нам, так что...

— Мест нет.

— Не страшно, я придумаю что-нибудь на этот счет. — Бертрам приподнимает руку с ключами и кивает Уиллу, блеснув широкой улыбкой. — У меня места навалом.

Уильям пожимает плечами. Равнодушно плетется к парню и вздыхает.

— Как тебя?

— Что?

— У тебя есть имя? Или мне тоже называть тебя Бенни.

— Я уже говорил. — Фальшиво улыбается парень. — Бертрам Уоткинсон.

— Я не слушал. Но, в принципе, все равно не запомню. В общем, поторапливайся. Мы выезжаем через полчаса. Идет?

— Идет.

— Отлично. И, птенчик.

— Что? — Я вскидываю подбородок. Пусть не думает, что сможет меня пристыдить.

— Ты забыла в ванной свой бюстгальтер.

Он уходит, а я краснею с головы до пят.

Черт.

ГЛАВА 13.

— Итак, в день по городу? — Уточняет Бертрам и переключает передачу. — Это как-то неправильно, что ли.

— Почему неправильно? — Спрашивает с заднего сидения Кори.

Мы решили поехать с Бенни. Додж Уилла плетется за нами, и я удивлена, что он еще не обгоняет нас на всех парах. Когда Кори сказал, что поедет в кабриолете Уоткинсона у Уилла от злости лицо перекосило. Но он ничего не сказал. Кивнул и молча ушел к Джесси и Тэмми. Я хотела остановить его, сама не знаю, почему. Просто шагнула вперед, но рот так и не открыла. Что я должна была сказать? Да и с какой целью? Иногда мое поведение в присутствии Уильяма Гудмена не поддается здравому смыслу.

— Потому что вы посмотреть ничего не успеваете, — поясняет Бертрам. — Что можно о городе узнать за двадцать четыре часа? У вас нет времени ни на парки, ни на музеи.

— Уиллу по душе клубы, — усмехается Кори.

— Уилл не прав. Ночная жизнь — это круто, но ночью не увидишь главного.

— Если бы не Уилл, мы бы вообще никуда не поехали. — Внезапно отрезаю я, и парни одновременно переводят на меня взгляды. Мне тут же становится неловко, и я растерянно встряхиваю волосами. — В смысле, он и так из кожи вон лезет, чтобы мы повеселились.

— Значит, плохо лезет. Ничего. Я буду вашим гидом по Нью-Йорку. И вы опомнитесь не успеете, как влюбитесь в этот город. Надеюсь, вы задержитесь на пару дней.

— Уилл хотел побывать в Нью-Йорке трое суток. — Кивает Кори. — У него знакомые в академии искусств есть. Пообещали провести в подпольный клуб — "Серенити".

— И когда?

— Сегодня ночью. А на завтра у нас прогулка по окрестностям.

— Отлично. Я надеюсь, Уильям не будет против, если я к вам присоединюсь.

— Будет, — усмехаюсь я, — но мы не собираемся спрашивать разрешения, Бенни. Ты не парься, он странный парень, со всеми так себя ведет. Серьезно, мне кажется, я скоро так и поседею. Что ни день, то праздник. И все благодаря Уильяму Гудмену.

— Мой брат — сложный человек. Но с ним весело.

— Я заметил. — Смеется Бертрам. — Так весело, что даже про нижнее белье забываете.

Я закатываю глаза и протяжно выдыхаю:

— Я случайно оставила бюстгальтер в ванной. Слу-чай-но!

— Врет она. Едва Уилл на горизонте появляется, у нее щеки красным вспыхивают. Да и сам Уилл. Ведет себя как идиот. Вечно они шушукуются, обсуждают что-то.

— Правда? — Бертрам переводит на меня взгляд и вскидывает черные брови. В глазах у него проскальзывает странное выражение, смысл которого я не могу понять, но мне в ту же секунду становится так неловко, что живот скручивает в трубочку. — Тебе, наконец-то, кто-то понравился? Удивительно, Ренни.

— Никто мне не понравился.

— Но ты разговариваешь с ним.

— Я со всеми разговариваю.

— Не выдумывай. — Отмахивается Кори и кашляет. Передергивает плечами и вновь к нам ближе придвигается. — Тебе если человек противен — ты избегаешь его всеми силами, и вообще на него внимания не обращаешь. А тут вы вечно философствуете, то в туалете в игры играете, то просыпаетесь в одной постели.

— Что делаете? — Машину ведет в сторону, я резко хватаюсь за подлокотник и гляжу на Бертрама с широко раскрытыми глазами. Что он творит? — Простите. Я..., я не хотел.

— Ты водишь так же паршиво, парень, — хрипит с улыбкой Кори. Кажется, только на моем лице плавают искреннее недоумение. С каких это пор Бенни вообще волнуется о том, что я и с кем делаю? — До сих пор не верю, что ты здесь, Берти.

— Да, — Уоткинсон прочищает горло и вновь смотрит на дорогу, — я тоже.

Не отвожу глаз от парня и чувствую, как голова взывает от напряжения. Ничего не сходит. Передо мной тот самый парень, который таскал мне арахисовое масло в палату, когда я сломала ногу на втором курсе. Тот самый парень, который шил мне юбку на моей гигантской, древней машинке. Тот парень, что держал за руку, смеялся, катал на качелях, приглашал домой и заставлял смотреть черно-белые фильмы. Вот же он! Перед глазами!

Но внешность обманчива. У этого парня те же скулы, нос и губы. Тот же голос, но у него совсем другие мысли. Я чувствую, знаю — Бертрам Уоткинсон изменился. И я никак не могу принять эту информацию, переварить этот диссонанс того, что было и что есть.

— Чего задумалась? — спрашивает Бенни, а я выдавливаю улыбку.

— Да, просто.

— Обманываешь?

— Тебя? Легче залпом выпить газировку.

— Ты же не переносишь газировку.

— Вот именно, — подмигиваю и перевожу взгляд на обочину, смазанную от скорости. Внезапно мне неловко находится в машине с этим парнем, а я понятия не имею почему.

— Странно, что вы с Тэмми не знакомы, — протягивает Кори, — ваши родители много зарабатывали в Янгстауне. Вы, возможно, даже жили на одной улице.

— Я редко бывал дома, если ты забыл.

— Это точно. Постоянно мы где-то шлялись. А потом ты уехал, гаденыш.

— Я должен был. — Бенни сжимает руль так сильно, что бледнеют пальцы. — У меня не было выбора. Отцу предложили работу. Глупо отказываться от вакансии в Нью-Йорке.

— Верно. Но ты даже не попрощался.

— Тогда я бы не уехал, Кори.

— Ну, и остался бы. — Мы с Бенни вновь смотрим друг на друга, и в груди у меня что-то обрывается, будто я обрела то, что давным-давно потеряла. — В Янгстауне жили люди, которым ты был дорог. А ты развернулся и слинял.

— Я виноват. Я знаю. Но иначе не получилось. Если бы я пришел прощаться, ты бы меня возненавидела, Ренни. Ты бы не поняла.

— Я такой отстойный друг? Не смогла бы поддержать тебя?

— Вряд ли. Я бы наговорил лишнего.

— Что бы ты такое мне сказал, что меня бы испугало? — Я усмехаюсь и поправляю волосы. Они уже достали в лицо лезть. — Ладно, закроем тему. В конце концов, ты уже уехал, и уже прошло три года. Что рассуждать, правда?

— Но мы встретились сейчас. — Неуверенно протягивает он. — Судьба какая-то.

Я хмыкаю и пожимаю плечами. Уилл тоже верит в судьбу, и я, черт подери, понятия не имею, почему опять о нем вспоминаю.

Мы едем часа четыре, и все это время Кори и Бертрам не утихают, болтая о какой-то чуши. Но мне нравится их слушать. Я внезапно отключаюсь и больше не думаю о том, что Бенни изменился, я изменилась, мы стали совсем другими. Я прибываю в иллюзии, словно жизнь не катилась к черту, а мои друзья всегда были рядом и хохотали до слез, хватаясь за животы и сгибаясь в три погибели. Я помню эти дни: горячие и яркие дни, когда ничего не могло испортить настроения, ведь по бокам от меня плелись неумолкающие чудаки. Такое бывает: ты находишь настолько близких людей, что они не просто оказываются рядом, но и проникают в твои мысли, в твою голову. Бенни всегда знал, чего я хочу. Он чувствовал меня, слышал, хотя я рта не раскрывала. Как и Кори. Они подхватывали меня под локти, и мы носились вдоль улиц, будто бы сумасшедшие, смеясь и толкая друг друга, а потом нам непременно попадало от каких-то заплесневевших соседей, но мы посылали всех к черту.

Да. Я помню. Память — скверная штука. Ничего из головы не пропадает, как и слова с том, что Бертрам уезжает. Лишь несколько слов на белоснежной бумажке, скомканной у порога моей двери. *"Прости, моему отцу дают новую работу в Нью-Йорке. Я никогда не забуду тебя, Ренни"*. Все. Так просто, как отрезать, вырвать или сжечь. Я понеслась к его дому, а тот уже пустовал. Мне было так паршиво, что я из дома неделю не выходила. Я и Кори не могла видеть, ведь он мне напоминал *"о нас"*. О нашей *троице*. Скажите, ну, кто будет смотреть Гарри Поттера, если вдруг исчезнет Гермиона? А кому понравится книга: *"Хорошо быть тихоней"*, если пропадет Чарли? Все потеряет смысл. Так и случилось. Я пережила собственный конец света и валялась на кровати, воображая руины исчезнувшего будущего. Но потом боль утихла. Обида исчезла. Ведь люди забывают других людей, это, наверно, самое страшное.

Матовый кабриолет Бертрама рассекает воздух, будто птица. Мы летим вдоль шоссе и оставляем позади шары из пыли. Я улыбаюсь, а Кори неожиданно приподнимает вверх руки, навстречу южному ветру.

— Я птица! — Кричит он, а я хватаюсь за его плечо и свожу брови.

— Хочешь сильнее заболеть?

— Я уже болею, мамочка.

— Станет хуже.

— Знаешь, когда станет хуже? Когда я пойму, что упустил момент.

Я задумчиво наклоняю голову, а он приподнимается, раскидывает в стороны руки и улыбается, словно летит по горячему воздуху и не боится свалиться. Неожиданно я вижу в нем Уильяма. На лице у него такая же сумасшедшая ухмылка, а в глазах — непоколебимая уверенность в том, что безумие — рационально и имеет причины.

Бенни включает музыку, а я внезапно загораюсь, как спичка. Черт подери, Кори ведь прав. Почему нет? Если не сейчас — то когда? Если не я — то кто? Хватит уже бояться себя и своих желаний. Хватит думать. Пора действовать и ошибаться, потому что потом будет

поздно, и в итоге я окажусь пустой и ровной, не испытавшей в своей жизни ничего такого, из-за чего кровь стынет в жилах.

Я перекатываюсь на заднее сидение, карабкаюсь по другу и неуверенно становлюсь рядом, расставив в стороны руки. Ветер толкает меня назад, я едва не падаю, но Кори тут же хватается за ладонь и тянет на себя.

— Я рад, что ты поехала со мной, Реган, — признается он и улыбается, — без тебя было бы совсем не так, слышишь? Я рад, что ты рядом.

— Я тоже, Кори. — Изо всех сил сжимаю руку друга и кладу подбородок на его плечо. Как же жаль, что некоторых чувств не передать словами. — Спасибо.

— Что?

Ветер откидывает назад наши волосы, звуки растворяются в воздухе, но я жмусь к другу ближе и повторяю:

— Спасибо!

— За что, садик ты мой?

— За все, гаденьш. Просто за все.

— Ты еще и сентиментальной стала? — Он хохочет, а я пихаю его в бок. — Глядишь, так и плакать научишься, Реган!

— Ни за что. И не подумаю!

Парень усмехается, выпрямляется и помогает мне встать на сидении. Меня в разные стороны качает, но вскоре я нахожу равновесие, расставляю руки, и мы с Кори кричим так громко, что горло сводит, а щеки щиплет. Бертрам смеется, поднимает руку, и я хватаюсь за нее, как опору. Так мы и несемся вперед. И я готова так нестись вечно.

Нью-Йорк я слышу еще задолго до того, как мы въезжаем в город. Сердце екает, оно предупреждает меня, что вот-вот взорвется на тысячи частей, и я верю, ведь чувствую, как учащается пульс, как мурашки проносятся по коже. Трепет, дикий и восторженный, горит и пылает в груди. Во все глаза я наблюдаю за растущими вдалеке небоскребами, и ничто в моей жизни так меня не волновало и не притягивало, как сверкающее пятно, окруженное темным ореолом из вечера и облаков.

— Добро пожаловать, — шепчет Бертрам и сбавляет скорость.

Мы оказываемся в другом мире: в мире, где усталость исчезает, едва перед глазами вырастают гигантские дома со сверкающими экранами; в мире, где люди бегут по улицам и сливаются с общим потоком, не утихающим ни днем, ни ночью; в мире, где сплетены не только близкие, но и чужие, и их жизни взаимосвязаны, как корневая система. В мире, где город и люди дышат друг другом и задыхаются, не в силах перенести столько шума, хаоса и мистической привлекательности, свойственной лишь огромным городам.

Я никогда прежде не видела ничего подобного, и ребра сжимаются, сдавив в силках неподготовленное сердце. Я растеряна, я ошеломлена. Я не могу вымолвить ни слова, ведь я даже не представляла, что города способны хватать за плечи и встряхивать, да так, что в глазах темнеет, а в ушах звенит. Нью-Йорк — мечта. Иллюзия и идеал. Я читала о нем, но я не думала, что когда-то буду ехать по этим улицам, разглядывать стеклянные витрины и в недоумении хмурить брови. Так ведь не бывает. Не бывает так красиво и пугающе.

— Центральный парк, — сообщает Бертрам, и я перекатываюсь на другую сторону. Мы в нескольких метрах от огромного куска земли, засаженного деревьями, ветки которых не просто тянутся к небу, но украшены сверкающими фонариками. — Сходим туда, Ренни, ты полюбишь это место. Я точно знаю.

Поток желтых машин рябит перед глазами. Я приподнимаю подбородок и вижу, как на гигантских экранах крутят рекламу, как вспыхивают разноцветные буквы. Нью-Йорк — особый город. Агрессивный и характерный. Мало его любить. Нужно, чтобы и он любил тебя. И я сразу чувствую эту связь. Ощущаю горячий поток, пронесшийся по венам.

Я уверена: здесь мое место. Среди творческого хаоса, неразберихи и вечного побега от реальности. Вот, где я хочу находиться, хочу закрывать глаза и теряться в собственных фантазиях. Хочу спотыкаться о бешеный поток незнакомцев, свихнуться по разговорам и ненужной болтовне, которая — волей-неволей — остается в памяти. Хочу отчаянно рваться вперед и понимать, что на финише меня что-то ждет; что усилия не напрасны.

Я протяжно выдыхаю, а Бертрам кладет ладонь поверх моей руки и улыбается.

— Я знал, что ты влюбишься.

— В этот город невозможно не влюбиться.

— Да. — Парень поджимает губы. — Трудно устоять перед тем, что удивляет.

Я оборачиваюсь, вижу, что Бертрам смотрит на меня и прохожусь пальцами по его заросшему подбородку. Я рада, что он рядом, что он сжимает мою руку. Мне тепло с ним и спокойно. Бенни — часть той жизни, в которой все было хорошо, и я, сама того не ведая, цепляюсь за него, как за спасительный круг.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мы паркуемся у высокого здания со стеклянными стенами и выкатываемся наружу, не произнося ни звука. Смотрю по сторонам. Ноги сплетаются от усталости, а я все равно хожу туда-сюда, пытаюсь взглянуть вдаль, увидеть что-то такое, чего еще не заметила.

Уилл останавливается. Выходит из Доджа и растягивает губы в улыбке, увидев, как я пританцовываю от забора до дорожного бортика. Он подходит ко мне так близко, что я улавливаю запах мяты в воздухе, и заправляет мне прядь волос за ухо.

— Ты выглядишь счастливой, птенчик.

— Так и есть, Уилл. Даже ссориться с тобой не хочу. Хочу просто носиться по городу и кричать от восторга. Это невероятно.

— Я рад, что тебе нравится.

— Так говоришь, будто сам этот город построил, — язвит Тэмзи и потягивается. На ней какой-то прозрачный топ и дранные джинсы. — Есть хочется, ребята. Я не шучу.

— Где тут можно перекусить, Бенни? — Спрашивает Кори.

— Везде. Здесь на каждом повороте забегаловки.

— А что с мотелями? — Джесси, как всегда сжимает в руке чехол с гитарой. — Сколько в Нью-Йорке гостиниц для малоимущих путешественников?

— Гостиниц? Вы серьезно? Даже не выдумывайте. — Бертрам покачивает головой, и в его невероятно-красивых глазах проскальзывает решительность. — Оставайтесь у меня.

— Хорошая идея. — Хмыкает Уилл и задумчиво скрещивает на груди руки. — Ты точно не против, если мы у тебя перекантуемся пару ночей?

— Нет. К чему ютиться в мотелях, если есть моя квартира?

— Классно мыслишь, Бенни. — Усмехается Уилл, и я невольно подмечаю в его голосе нотку сарказма. — Так и поступим. Вот оно — хваленое Нью-йоркское гостеприимство.

— Так, какие у нас планы? — Зевает Тэмми и облакачивается об Гудмена, словно он ее личная подставка. — Куда сейчас идем? В кафе, а потом в "Серенити"?

— Я передумал насчет "Серенити".

— Что? Почему?

— Ну, просто так. Решил, что сегодня мы с вами потеряемся.

— Где потеряемся? — Недоумевает Кори, а я невольно подхожу к Уиллу и улыбаюсь.

— В Нью-Йорке.

Высокие здания врываются в небо, исчезают далеко в темноте, и мне кажется, что те счастливицы, которые живут на верхних этажах, собирают в ладони звезды или облака.

Мы бродим вдоль заполненных улиц. Все вместе, как вырвавшиеся из клетки звери, не видевшие людей, не чувствовавшие на своей коже порывов ветра. Джесси предлагает заходить в каждое восьмое здание по пятой авеню, а я даже согласиться не могу, ведь мне дышать нечем. Пятая авеню — улица в центре Манхэттена. Самая известная и невероятная улица в Америке, впрочем, ее даже сравнивают с Елисейскими полями в Париже.

Мы проходим Эмпайр-стейт-билдинг на углу 34 улицы и Нью-Йорскую публичную библиотеку между 40-й и 42-й улицами. Затем Бертрам указывает на Рокфеллеровский центр — крупнейшее офисное здание в Нью-Йорке — и вскользь бросает:

— Тут работает мой отец.

Я округляю глаза, а Кори примерзает к месту.

— Что? Здесь?

— Ага. Ну, ничего интересного.

— Ничего интересного? — Протягивает Тэмми и так неожиданно оказывается рядом с Бертрамом, что он удивленно вскидывает брови. — Уверен, что неинтересно?

— А толку-то? Я чеки от отца чаще вижу, чем самого отца.

— Хотелось бы и мне так. Мой отец вообще отказался меня финансировать, едва мне двадцать один стукнуло. Вот так вот просто. Хотя, нет, наверно, сложно. В конце концов, не так уж и престижно мэру города обеспечивать дочь-самоубийцу, верно?

— Самоубийцу? — Воскликает Бертрам и пристально смотрит на Тэмми изумрудными глазами. — В смысле?

— В прямом смысле. Не каждый день дочери с крыши прыгают, так ведь? Наверно, он потому и решил от меня отказаться.

— Но зачем ты это сделала? Почему?

Я подхожу ближе, потому что мне тоже непонятны мотивы Тэмзи. Я не люблю эту девушку. Возможно, я ее ненавижу. Но мне становится не по себе. Нет ее вины в том, что она такая, какая есть. Черствой ее сделала жизнь или другие люди. Это правило: сначала поступок, потом реакция, и никак иначе. Поэтому недоверие не возникает из воздуха, как и разочарование в окружающих. Гниль внутри обозначает лишь то, что люди уже успели обмануть вас и ваши ожидания.

— Мамочка хотела, чтобы я поступила в Принстон. Папа настаивал на Дартмуте. Мне же не хотелось ничего. Тогда я провалила тесты. Пришла домой, и мама сказала: *лучше бы ты скинулась с крыши*. Вот и я скинулась.

Тэмми усмехается, а я отворачиваюсь. В груди становится больно. Возможно, ли мне ощущать терзания этого человека? Холодного и ядовитого человека. Разве у Тэмзи Пол есть чувства? Разве она живая?

Да. Девушка продолжает улыбаться, а глаза у нее наливаются таким отчаянием, что оно сваливается на нас сверху и придавливает к земле. Родная мать предпочла видеть дочь мертвой. Лучше похороны ребенка, чем похороны репутации. Слова такие режут похлеще скальпеля. Я уверена. Я знаю это.

Вновь перевожу взгляд на Тэмзи, а она отмахивается.

— Что вы такие кислые? Знаете, зато как теперь мамочка моя живет? Скучно живет. У нее вместо спальни комнатка в клинике. Опомниться она никак не может, бедная. Значит, я прыгнула и живу себе нормально, а у нее травма душевная. — Пол нервно передергивает плечами и хохочет. — Слабенькая у меня мама. Отец поумнее. Просто сделал вид, что я не выжила. Вот это я понимаю. Вот это выход из ситуации.

Она плетется вперед, а я ловлю взгляд Уилла. Парень чувствует то же, что и я. Никто не может услышать подобное и пройти мимо. Такие вещи оставляют следы.

— И вы познакомились...

— ... в больнице, — тихо заканчивает Гудмен, поравнявшись со мной. Мы отстаем от ребят, следуя за ними хвостом. — Я тогда на днях в баре подрался. Мне хорошенько лицо расшибли, потому и швы накладывали. Она ждала родителей в приемной после выписки. Но никто за ней не пришел.

— О, — только и могу сказать я. Сжимаю крепко пальцы и ощущаю, как внутри у меня все переворачивается и сморщивается, будто на лютom морозе. — Уилл, это ужасно.

— Мы сдружились, она даже некоторое время жила у нас дома. Разве Кори никогда о ней не упоминал?

Я покачиваю головой.

— Нет.

— Мда, странно. Позже я предложил ей поехать со мной — разъезжать по стране. Она согласилась. Вот мы с ней и путешествуем уже года так два, наверно. Если не больше.

— Ты вовремя оказался рядом.

— Со мной такое часто происходит, — улыбается Уилл и неожиданно обнимает меня за плечи. Я растерянно распахиваю глаза, а он смеется. — Ты вся похолодела. Боишься меня?

— Знаешь, в моем мире парни просто так не обнимают девушек, — осторожно говорю я и пытаюсь выбраться из-под руки Уильяма, однако он настроен решительно.

— А кто сказал, что все просто так?

— Ты ведь шутишь.

— Я сама серьезность!

Он вновь хихикает, а я пинаю его в бок и закатываю глаза. Черт же подери. Внутри у меня все покрывается дрожью, и я чувствую, как свинцом наливаются ноги.

— Ну, где вы там? — Возмущается Кори и оборачивается. — Шевелитесь! Пятая Авенк не произведет на вас впечатления, если вы не будете обращать на нее внимания.

Улыбаюсь, и мы с Уиллом нагоняем ребят. Едва я оказываюсь от него в нескольких шагах, как тут же рядом возникает Бертрам. Его изумрудные глаза светятся недоумением и чем-то таким, что я не могу разобрать. Парень подхватывает меня под локоть и невесело усмехается, словно случилось нечто такое, чего он никак не ожидал.

— Ты в порядке? — Интересуюсь я, выгнув правую бровь. — Видок у тебя не очень.

— Устал просто.

— От меня?

— Разве от тебя можно устать, Ренни? — Смеется он. Мне нравится его смех и улыбка. Я скучала по другу так сильно, что сейчас не могу на него насмотреться, как ни стараюсь. Да, он сделал мне больно. Копнул так глубоко, что задел нечто важное. Но сейчас мне все равно. Я готова позабыть обо всем, лишь бы Бенни был рядом. — Ты выглядишь такой...

— Какой?

— Счастливой, что ли.

— Мне хорошо. Это правда. — Я улыбаюсь и откидываю назад голову. Нью-йоркский ветер путешествует по моему лицу, плечам, вплетается в волосы, и я улыбаюсь. Мне уже давно не было так спокойно. — Не знаю, чему именно радоваться.

— Всему радуйся. Я разрешаю.

— Ну, как скажешь. Всему, так всему.

Рядом неожиданно оказывается Джесси. Они с Тэмми и Уиллом идут за руку. Так же по другую сторону от Бертрама плетется Кори. Внезапно мы решаем, что раз наступать на Нью-Йорк, то целой бравадой. Мы беремся за руки и, смеясь, идем с одной ноги, покоряя то, что, казалось бы, покорить невозможно.

Джесси вскидывает подбородок и читает с выражением:

— В ночной тиши на атомы мы растворимся

И станем ветром, и притворимся,

Что нам не страшно, и мы отважны,

А правда — вымысел придуманный однажды.

Свобода — грех, маячащий звездой.

И ты кричишь — время постой! Остановись! Прошу, поговори со мной!

Но, как и было время быстротечно, так и бежит оно халатно и беспечно.

А ты стоишь на одинокой пристани. Такой же одинокий. С мыслями.

И смысла больше нет во лжи, ведь ложь мгновенно стала состоянием души.

— Bravo! — Смеется Уилл, останавливается и громко хлопает в ладоши. Тут же к нему подключаемся мы все, и Джесси наигранно кланяется, приложив руку к сердцу.

— Спасибо, спасибо, — щебечет он, смущенно улыбаясь.

А потом мы вновь подхватываем его под руки и продолжаем нестись вдоль улиц. Не знаю, как мы заставим себя остановиться. Лишь одно мне сейчас известно: мы часть этого момента, и мы навсегда его запоем, ведь он связал настолько разных людей и стал для каждого из нас одинаково значимым и прекрасным.

Квартира Бертрама — это студия на восемнадцатом этаже. Мы сразу же несемся на балкон и разваливаемся у бортика, вглядываясь в сверкающий горизонт.

— Ох, — шепчу я. Дух перехватывает. Небоскребы кажутся ненастоящими, а горящие разноцветными цветами окна — расписными. — Тут очень красиво, Бенни! Черт!

— За такое и убить можно, — усмехается Кори.

— Отец все сделал, чтобы я не скучал по дому.

— Однако друзей твой отец вряд ли купит, — неожиданно говорит Уильям. Он стоит у поручней, но на нас не смотрит. — Деньги открывают внешние двери, а не внутренние.

Я хмыкаю, а Бертрам неохотно кивает головой.

— Так и есть. Кстати, совсем забыл, — он взмахивает рукой и вздыхает, — завтра, у отца небольшой корпоратив. Ну, как небольшой. Соберутся сливки Ист-Сайда. Приходите.

— Сливки Ист-Сайда? — Растерянно переспрашивает Джесси, будто бы не понял, что Бенни имел в виду. Лицо у него ошеломленное. — Ты приглашаешь нас на вип-тусовку?

— Ну, да.

— Ты уверен? — Протягивает Кори. — А что если...

— Мой отец вечно затаскивает меня на подобные мероприятия, но мне там скучно, и потому я постоянно отказываюсь. Если он узнает, что я все-таки приду, ему будет плевать на условия. Он вам даже слова не скажет.

— Туда не завалишься в джинсах, — неожиданно серьезно протягивает Тэмми. Я даже

голос ее не узнаю. Словно она вновь стала той девочкой, что была нормальной.

— Я позабочусь об этом.

— Все-таки пытаешься нас купить, — хмыкает Уилл. Мы встречаемся глазами, а затем он отворачивается и впяливает взгляд в плавающий горизонт. — Я — пас.

— Что? — Воскликает Кори и растерянно вскидывает брови. — Ты чего, братец? У тебя голова от высоты закружилась, что ли?

Уильям достает сигарету. Затягивается и выдыхает дым в темноту ночи. Лицо у него задумчивое, отстраненное. Будто Уилл сейчас далеко. Не с нами.

— Серьезно, котик, — мурчит Тэмми и поднимается с пола. Она подкрадывается к нему в привычной для нее манере: лениво и изящно, будто бы даже корчась от злости или боли, она не перестала бы быть сумасшедшей красоткой. — Чего ты выдумываешь?

— У меня есть планы.

— Какие планы?

— Личные планы. — Он выдыхает дым от сигареты ей в лицо и дергает уголками губ. Затем выкидывает окурок. Тот валится с восемнадцатого этажа, искрясь и испаряясь. — Я уеду, наверно, вернусь через день. А вы развлекайтесь.

— Куда ты уедешь? — Спрашиваю я, недоуменно нахмутив лоб. Уильям смотрит на меня, но лицо его скрыто под равнодушной маской. Парень глядит на руку Бертрама, что покоится у меня на плече. Тогда-то и проносится в его глазах что-то такое, что разжигает во мне чувство вины. — Уилл? — Голос сбивчивый. — Неужели нельзя...

— Нет. Я уеду завтра. — Он отходит от перил и кивает. — Всем доброй ночи.

Парень исчезает за дверью, а я расстроено отворачиваюсь.

Что со мной? Не понимаю. Какого черта я вообще волнуюсь? Мне внезапно внутри становится так обидно, что я даже сама не хочу идти на этот чертов вечер. Не хочу идти без него. Без Уильяма Гудмена.

О, Боги. Кажется, я свихнулась.

Встряхиваю волосами и прижимаю к груди дрожащие ноги. Мне холодно. Почему мне, черт возьми, холодно, когда на улице от жары можно задохнуться?

— Держи, — шепчет Бенни и укрывает меня своей курткой. Нелепо улыбаюсь, киваю, а сама вдруг подмечаю, что хотела бы завернуться в кожаную куртку с запахом мяты.

ГЛАВА 14.

На следующий день Уильям уезжает. Где-то в обед. Он никому ничего не объясняет. Просто уходит, и все. А я смотрю на закрытую дверь и думаю: кажется, я сошла с ума.

Внезапно до меня доходит, что без Уильяма Гудмена паршиво. Но я не хочу об этом думать, не хочу это понимать. Если я признаю, что Уильям для меня что-то значит, жизнь разрушится, а все стены, построенные мной и моим прошлым, превратятся в крошечную пыль. Мне это нужно? Нет. От чувств одни проблемы? Определенно.

Мы собираемся на вечер с Бенни, и он разрешает нам воспользоваться его деньгами, чтобы мы купили себе подходящую одежду. Мне неловко брать его кредитку. Поэтому ее выхватывает Тэмми. Ей все по фигу. Она на все согласна.

Я выбираю простое черное платье на бретельках, а Пол находит короткое, красное и атласное. Все эти три прилагательных воедино образуют нечто такое, что сбивает с ног и очаровывает, икогда девушка выкатывается из примерочной — выглядит она невероятно.

Чуть позже она вновь красит волосы. На сей раз в золотисто-медовый цвет. Тогда-то она и становится не просто красивой. Тэмзи Пол оказывается восхитительной.

Часов в семь вечера мы уже сидим в кабриолете Бертрама. Он рассказывает о чем-то Кори, ребятам, а я не слушаю. Подперев подбородок, смотрю вперед и не вижу ничего. Не знаю, что со мной. Мне не по себе. Я пытаюсь ухватиться за красоту Нью-Йорка, за запах лета, за друзей и этот вечер, но ни черта не получается. Грудь, словно сдавливают силки, и дышать мне нечем.

Как много зависит от одного человека. Он может стать смыслом жизни, а может его отнять. Наше желание существовать ради кого-то — априори неверный шаг. Связать себя, обезоружить глупо, но жить без этого еще глупее.

Бертрам протягивает мне руку, помогает выбраться из салона, а я смотрю на нее и не шевелюсь. Внезапно я понимаю, что вся поездка имела смысл: драки, смех, танцы, шум. А сейчас смысла нет. Но где же он? Куда он делся?

— Реган? — Окликает меня парень и легонько встряхивает за плечи. — Ты чего?

— Прости, я задумалась. — Улыбаюсь. — Пойдем.

Я крепче сжимаю его за руку, и мы оставляем машину позади.

Отец Бертрама — Матиас Уоткинсон — принимает гостей в картинной галерее, которая только с виду напоминает выставочный зал. На самом же деле, внутри играет оркестр, а в центре кружатся пары. Я ошеломленно наблюдаю за ними и с трудом представляю себя в их окружении. Что я здесь забыла? Наверно, я набираюсь впечатлений.

Помещение пугает красотой и объемами. Над головами покоится стеклянный купол, заменяющий крышу, и кажется, что мы находимся не в галерее, а в обсерватории. Я вижу звездное небо, вижу мелькающие точки от самолетов. Я гляжу вверх и не дышу, пытаюсь привыкнуть к бешеному сердцебиению, но у меня не получается. Я — в другом мире, но в нем так много неизведанного, очаровывающего и пугающего, что меня порядком трясет.

Джесси приглашает Тэмми на танец. Она соглашается, выходит вперед и держится так, словно знает об этом обществе все. Наверно, так и есть. Внезапно вальжная Тэмзи перевоплощается в богатую наследницу с ровной спиной и вздернутым подбородком. И этому глупо удивляться. Родители впихивали ей это в голову с самого детства, а такое не исчезает бесследно. Хочет она этого или нет, двигается она именно так, как хотела бы от нее ее мама. А разговаривает она медленно и уверенно, как мэр нашего города — ее отец.

— Потанцуем, Ренни? — Неожиданно спрашивает Бертрам, и я растерянно округляю глаза. Гляжу на него, морщусь, а он повторяет едва слышно. — Потанцуй со мной.

— А, да, конечно. — Я хватаюсь за его руку и усмехаюсь. — Прости, я плохо спала.

Парень ничего не отвечает. Выводит меня на центр зала, выпрямляется и выдыхает так тяжело, что вмиг опускаются его широкие плечи. Одна его рука оказывается на моей талии, вторая — сжимает ладонь. Кадык Бертрама дергается, а сам парень сглатывает и не двигается, будто боится шевельнуться.

— Ты чего? — Не понимаю я, улыбнувшись. — Ты весь бледный, Бенни.

— Не выдумывай.

— Так и есть.

— Я..., - он откашливается и кивает, — я тоже плохо спал.

— Ты не умеешь врать. — Я усмехаюсь, подталкиваю парня, и мы, наконец, начинаем двигаться.

Рядом кружатся пары. Звучит расслабляющая музыка. Незнакомые мне люди тихо и

спокойно общаются, медленно жестикулируя, медленно улыбаясь и медленно отвечая. Я вдруг думаю, что богатым некуда спешить, вот они и растягивают даже самые короткие слова. Хм. Странно. Они так похожи на нас, на простых смертных, и, тем не менее, между нами огромная пропасть. Реши я с кем-то из них поговорить, это бы обернулось большим недопониманием. В лучшем случае.

Неожиданно мне кажется, что за нами кто-то наблюдает, и я оглядываюсь.

— Ищешь кого-то? — Спрашивает Бертрам, а я перевожу на него взгляд. Мне не нужно вновь дружить с ним два года, чтобы расслышать в его голосе насмешку.

— Не ищу.

— Ты не умеешь врать так же, как и я.

Он притягивает меня к себе еще ближе, а я недоуменно вскидываю брови.

— В смысле?

— Ты знаешь, о чем я.

— Нет. — Качаю головой. — Не знаю.

— Ты прекрасно выглядишь.

— Думается мне, ты другое имел в виду. Но спасибо. — Я пропускаю слова друга мимо ушей, а затем опять чувствую на себе чей-то взгляд и опять осматриваюсь. — Все эти люди знакомы с твоим отцом?

— Нет, конечно. Было бы классно, если бы он знал по именам хотя бы десяток.

— Тогда что они здесь делают?

— Работают. — Парень криво улыбается. — Знаешь, у докторов есть халаты, у военных грузная форма и квадратные ботинки. А у людей Верхнего Ист-Сайда — пиджак и галстук. Они выходят на охоту, вооружившись дорогим одеколоном. Работают и днем и ночью, то и дело, продавая свои слова, мысли. Да и самих себя.

— Звучит паршиво.

— Реальность паршива.

— Но тебе здесь нравится.

— Скажем так: плюсы покрывают минусы.

— Интересный ответ. Какие же тут есть плюсы? — Я игриво вскидываю бровь.

— Я алчный человек, Ренни. — Смеется Бертрам. — Я не прочь получать много денег и не париться насчет завтрака по утрам.

— А минусы?

— Ну, есть один минус. Большой, пожалуй.

— А ты меня заинтриговал. — Я смотрю парню в глаза и хитро улыбаюсь. — Неужели минус лишь один? О чем же мы говорим?

— О ком. — Тихо поправляет Бертрам, и я неожиданно понимаю, что мы больше не танцуем. Что мы не двигаемся. Застыли посреди зала и глядим друг другу в глаза.

Я опускаю руки.

— Это человек?

— Это девушка.

— Девушка? — Я искренне усмехаюсь. — Так ты влюблен? Господи, Бенни, почему же ты молчал? Я должна с ней познакомиться.

— Вряд ли у вас получится.

— Почему?

Парень просто молча смотрит мне в глаза, а я ничего не понимаю. Что с ним? Чего в его

взгляде скользит какой-то страх и трепет? Внутри у меня все переворачивается и лихо валится вниз с оглушающим треском.

Я застываю. Бертрам приподнимает руку и касается пальцами моей щеки. Друзья так друг к другу не прикасаются, уж точно. Потому у меня немеет все тело. В ужасе я гляжу в эти знакомые глаза, но внезапно понимаю, что не узнаю человека перед собой.

— Дело в том, что я...

— Нет. — Встряхиваю головой.

— Послушай, Ренни.

— Перестань.

— Я хочу сказать...

— Не хочешь.

— Хочу. — В глазах Бертрама пламя. Оно поджигает меня, испепеляет. — Я...

— О чем шепчемся? — Внезапно спрашивает знакомый голос, и перед нами вырастает Уильям Гудмен собственной персоной. Я потерянно хмурю лоб, а Бенни стискивает зубы.

— Мы разговаривали, — с наигранным спокойствием сообщает он.

— Ну, говорите. Я вам мешаю?

— Мы хотели поговорить наедине.

— Наедине? Да тут человек восемьдесят.

— Уилл, — восклицаю я и делаю шаг вперед, — ты что тут делаешь? Ты же уехал.

— Я вернулся.

— Зачем?

— А когда еще пригласят покутить в Верхнем Ист-Сайде, верно? — Уилл наклоняется, а я вдруг улавливаю запах алкоголя, исходящий от его лица. В ту же секунду живот у меня скручивается от злости, и я поджимаю губы, а он ухмыляется. — В чем дело, птенчик?

— Ты пьян.

— Немножко.

— Давайте выйдем на улицу, — предлагает Бертрам. Он кладет руку на плечо Уильяма, но тот вдруг резко выворачивает ее и тянет на себя. Я даже опомниться не успеваю, а друг уже от боли стискивает зубы. — Какого черта!

— Уилл! — Кричу я. — Ты что творишь?

— Мы сами с птенчиком разберемся, что нам делать, — шепчет он и откидывает парня от себя резким толчком. Не знаю, как Бертрам умудряется удержать равновесие. Но он не падает, а просто скользит вперед и облокачивается о вытянутый столик.

Внимание всего зала приковано к нам. Я вижу, как сквозь толпу прорываются двое мужчин, и пронзаю Уильяма испепеляющим взглядом. Что он делает? Что на него вообще нашло? Черт! Как я еще хотела его увидеть? Лучше бы он уехал и не вернулся.

— Быстро, — рявкаю я, схватив парня под локоть, — уходим.

— Но мы не потанцевали. Куда ты торопишься?

— Просто шевелись!

Толкаю Уилла к противоположному входу и периодически оборачиваюсь, проверяя, чтобы никто из охраны не подошел слишком близко. Надеюсь, Бертрам не сдаст нас, хотя я бы на его месте не была столь милосердна. Иногда Уильям ведет себя как кретин.

Мы оказываемся на улице, и шум Нью-Йорка сваливается на мои плечи, будто груда камней. Но сейчас я не готова к такому. Не готова наслаждаться хаосом. Мне хочется как можно скорее очутиться в тишине.

Я протираю ладонями лицо и растерянно осматриваюсь.

— Ты чего? — Пошатываясь, спрашивает Уильям и наваливается на меня. — Только не говори, что ты не скучала. Ты скучала. Я точно знаю.

— Боже.

— Нет. Я — Уилл.

— Черт!

— Опять не угадала.

— Просто закрой рот, хорошо? — Заправляю за уши спутавшиеся волосы и выдыхаю. Даже думать не хочу о том, что происходит. К счастью, для сопровождения алкоголиков у меня имеется опыт. Но я не хочу им пользоваться. Не хочу, чтобы Уилл был таким же, как мой отец. Это неправильно. Если они хотя бы чем-то схожи, я должна уносить ноги.

— О чем ты думаешь, птенчик?

— О том, что ты — полный кретин.

— Я испортил тебе вечер?

— Такими темпами ты испортишь мне жизнь.

— Нет, подожди. — Уильям выпрямляется и тут же становится на десятки сантиметров выше меня. Взгляд у него темнеет, а скулы подрагивают от того, как сильно он стискивает зубы. — Ты делаешь вид, что я дерьмо, что я что-то испортил. Но я спас тебя.

— Спас меня? — Громко восклицаю я. — Ты спятил?

— А разве не так? Ты бы посмотрела на себя со стороны. Этот придурок пытался тебе в любви признаться, а ты ведь ничего к нему не чувствуешь. Ни-че-го.

— Это не твое дело.

— Это мое дело.

— Как только я проиграю пари, я сообщу тебе об этом.

— Я сейчас не о пари.

— А о чем тогда?

— О том, что ты меня любишь. — Он вновь покачивается в сторону, но взгляда от меня не отводит, и мурашки, пробежавшие по моей спине, превращаются в пылающую лавину.

— Что?

— Ты услышала.

— Ты сам себя не услышал. Уилл, ты пьян, ты не понимаешь, что несешь!

— То есть я не прав?

— Конечно! — В глазах у меня яростное недоумение, а ноги трясутся от ужаса. — Какое мне до тебя может быть дело? Влюбиться в человека, которому никто не нужен? Потерять голову из-за человека, который не ценит близких людей? Которому не нужны отношения и любовь никакая не нужна? Я что — свихнулась?

— Именно. Я ведь говорил тебе. В самом начале. — Уильям оказывается так близко, что наши лбы соприкасаются. — Ты из тех, кто не любит, а страдает. Ты страдаешь из-за меня, птенчик. Тебе больно, потому что ты влюбилась в такой кусок дерьма, как Уильям Гудмен. Паршиво, верно? — Его пальцы путешествуют по моей щеке, его дыхание греет и морозит мои губы. Я не могу стоять, не могу его слушать, и мне так страшно и больно, что внутри все переворачивается и вспыхивает ярким пламенем. — Ты меня любишь.

— Нет. — Втягиваю глубоко-глубоко в самые легкие воздух и перехватываю его руку. Уилл застывает, а я отстраняюсь и рассерженно поджимаю губы. — Мне наплевать на тебя.

— Ты не умеешь врать.

— Мне наплевать на тебя.

— Повтори это еще раз, и, возможно — *только возможно* — ты сама в это поверишь.

— Хватит, перестань, — я отпрыгиваю от парня в сторону и поправляю низ платья, — ты не должен быть здесь. Вызови такси и отоспись. У тебя в голове — полное дерьмо.

— Зачем мне такси? Я приехал на машине.

— На машине, — я скрещиваю на груди руки, — и ты сядешь за руль в таком состоянии?

— Тебе же наплевать на меня. — Он ухмыляется и развалисто направляется в сторону Доджа. А я ошеломленно округляю глаза.

— Уилл! Чертов идиот, что ты делаешь?

Парень не отвечает. Плетется все дальше и дальше, а я мнусь возле входа в галерею и понятия не имею, что мне делать. Дьявол! Взмахнув руками, я срываюсь с места и бреду за Гудменом, прокручивая в голове самые страшные ругательства. Во что я ввязалась? Не понимаю. С какой стати этот человек волнует меня, с ума сводит?

Будто фурия я налетаю на него сзади и ударяю по спине, когда он открывает дверцу с водительской стороны. Уилл оборачивается, а я хватаю его за ворот куртки.

— Ты сейчас же отдашь мне ключи от машины, услышал?

— Ого, — присвистывает он, — ты нравишься мне в гневе, птенчик.

— Я не шучу.

— Я тоже.

— Отдай.

— Нет. — Он ухмыляется, а меня тошнит от запаха алкоголя, срывающего с его языка одновременно со словами. Когда он успел? Зачем? — Я так и не доехал до Нью-Хейвена.

— Нью-Хейвена? — Переспрашиваю я и вскидываю брови. — Что ты там забыл?

— Отца.

— В смысле?

— В прямом. — Он хихикает, а я недоуменно покачиваю головой.

— И что мистер Гудмен делает в Нью-Хейвене?

— А разве я сказал что-то о *мистере Гудмене*? — Шепчет он и глядит на меня глазами полными безумия, отчаяния и ужаса. Внезапно Уильям улыбается еще шире, но боль в его взгляде припечатывает меня к асфальту, будто бы гигантский булыжник.

Я не знаю, что сказать. Хлопаю ресницами, а он прожигает меня насквозь.

— Не понимаю.

— Зато я все понимаю. — Едва слышно бросает он и поворачивается лицом к Доджу.

Уилл вновь пытается открыть дверь, но я хватаю его за плечи и тяну на себя. Он не сопротивляется. Парень вялый, да и на ногах стоит еле-еле. Правда, взгляд у него темный и лихой, прорезающий меня насквозь. Я приближаюсь к его лицу.

— О чем ты говоришь?

— Ни о чем.

— Уилл, объясни мне.

— Я уже все сказал. Я должен ехать.

— Нет, — я останавливаю его и растерянно приподнимаюсь на носочки, — Уилл, что ты сказал о своем папе? Зачем? Это неправильно. Дрейк, он ведь замечательный, он...

— ... не мой отец.

Отступаю назад. Внезапно мне становится больно, и я хватаюсь пальцами за живот.

— Такого быть не может.

— Я тоже не поверил. А потом — вух! Жизнь такая подлая тварь, Реган. Она затаится в уголке и ждет, пока ты пробежишь мимо. А затем она впивается зубами в твою глотку.

— Ты ошибаешься.

— Думаешь? Мой настоящий отец двадцать три года прохлаждается в Нью-Хейвене, а моя мама в это время вешала мне лапшу на уши.

— С чего ты взял?

— Прикинь, она сама мне сказала. — Он ударяется спиной о крыло Доджа и закрывает ладонями лицо. — Порадовала на выпускной. Решила честной быть.

— Уилл...

— Выходит, в молодости никто не идеален, — опустив руки, смеется он. — Она тусила с одним парнем — Фрэнком Фостером. Залетела от него и должна была замуж выскочить, но после очередной вечеринки, на которой все здорово надрались, они врезались в бревно.

— Бревно?

— Я имел в виду дерево, — пьяно отмахивается парень и встряхивает плечами. — Они хорошенько пострадали, маму загребли в больницу. Она там месяц пролежала, а когда в себя пришла — отца уже и след простыл.

— Уилл, мне так жаль.

— Подожди, ты не дослушала до конца эту великолепную историю, — жестоко бросает он и отталкивается от машины, налетев на меня, будто торнадо. — Ее лечащим врачом был *Дрейк Гудмен*. Там они и познакомились. Романтично. Верно? Они переехали, нам с Кори не хрена не рассказывали, будто имеют право. Будто могут скрыть такое.

— Они пытались вас защитить, Уилл. — Едва слышно шепчу я. — Хелен и Дрейк...

— Лжецы и предатели. Мать — потаскуха, а отец..., он мне не отец. Он мне никто, он в мои глаза смотрел и говорил, что я его сын. Но он знал, что это не так.

— Никогда не говори так о своих родителях. Они любят тебя и Кори, они...

— Что? Обычные люди с дерьмовым прошлым. Почему, черт подери, у всех есть это гребанное прошлое? Почему моей матери обязательно нужно было встречать Фостера, а Гудмену — работать в больнице? Почему, Реган, почему жизнь такая сволочь?

— Уилл, — я придвигаюсь к парню и касаюсь пальцами его вспотевшего лица. Парень тяжело дышит. Грудь у него вздымается и опускается в такт сердцебиению. — У всех есть то, что делает больно. Но твои родители не заслуживают тех слов, что ты сказал.

— Что ты понимаешь?

— Все понимаю, кроме одного: зачем тебе в Нью-Хейвен? Что ты хочешь увидеть?

— Я просто...

— Просто что?

— Просто хочу посмотреть ему в глаза. — Шепчет Уильям и часто моргает. Парня так и шатает из стороны в сторону, но он продолжает упрямо глядеть на меня. — Я должен. Я хочу встретиться с ним. Он мой отец.

— Не всегда отец тот человек, благодаря которому ты появился на свет. Отец тот, кто тебя любит, кто был с тобой рядом, кто держал тебя за руку, когда тебе было плохо, Уилл. Думаешь, у меня есть отец? Теоретически, да, но так ли это на самом деле? А у тебя был, и есть. Твой настоящий отец — Дрейк Гудмен. И в глубине души ты знаешь об этом.

Парень молчит. Смотрит на меня, глаза прикрывает, а затем отрезает:

— Я все равно поеду. Что бы ты ни сказала.

— Уилл...

— Я поеду. — Горячо восклицает он и распахивает глаза. — Я должен. Я хочу поехать.

Внутри у меня все переворачивается и горит. Как же так? Неужели Уильям говорит правду, и Дрейк Гудмен — не его отец? Черт, неужели в этой жизни не бывает нормальных семей без проблем и тайн, без боли. Такое ощущение, будто люди специально издеваются друг над другом и ждут, когда они слягут измотанные.

Я протираю ладонями лицо и киваю.

— Хорошо.

— Мне и не нужно было твое разрешение, птенчик.

— Я в курсе. Уилл, отдай мне ключи.

— Что? — Парень пошатывается. — Ты серьезно? Я тебе все объяснил.

— Я поняла. Ты хочешь поехать в Нью-Хейвен. Класс. Просто я поведу.

ГЛАВА 15.

Играет радио. Дорога в темноте напоминает сверкающий мост в никуда, и я гляжу на шоссе, чувствуя, как где-то в горле стучит сердце. Мне страшно, и я боюсь, что выпущу из пальцев руль и сверну с дороги, предоставив Доджу выбор: врезаться в дерево или сделать сальто в кювет. Музыка проникает под кожу. Слова бьют по голове гаечным ключом. Я не помню, когда в последний раз переживала так сильно, что тело горело, сжималось. По мне ползут мурашки, и их колючие ножки царапают кожу, заставляя меня морщиться, дышать громко и испуганно. Ненавижу водить ночью. Ненавижу узнавать дерьмо о моих друзьях. Ненавижу запах алкоголя. И ненавижу себя за то, что после всех сказанных слов, смотрю на Уильяма и не испытываю ненависти. Это странно. И это не поддается объяснению.

"Поздравляю тебя с тем беспорядком, который ты устроил" — поется в песне, и я почти вслух усмехаюсь. Черт подери. А я ведь сама виновата в том, что нахожусь здесь. Никто не заставлял меня бежать за Уиллом, а я побежала. Никто не заставлял меня с ним говорить, а я поговорила. И к чему это привело?

К беспорядку. К хаосу. Неразберихе.

"Это уже начинает походиться на затянувшуюся тоску по невозможному. Начинает казаться, что она медленно обвивается вокруг твоего горла, чтобы придушить" — поется в песне, и я опять нервно усмехаюсь. В точку! Что за радио? Нервно переключаю волну и вновь кладу ладони на руль. Лишь бы доехать до этого чертового Нью-Хейвена. И как мой ненаглядный Уильям вообще собирался добраться до города? Он же на ногах не стоит.

"Возьми мою руку и всю мою жизнь, потому что я не могу не любить тебя" — поет Элвис Пресли, и я уже недовольно свожу брови. Да вы что — издеваетесь? Неужели нет на радио песен о том, как классно быть одной и не обращать ни на кого внимания?

Вновь меняю волну, прикусываю губу, а радиоприемник завывает:

"Я ненавижу то, что ты любишь. А ты ненавидишь то, что люблю я".

— Да что за черт? — Я вырубая магнитолу, пальцы скользят по рулю, и машину резко ведет вправо. Грудь у меня вспыхивает. Стремительно выравниваю нос Доджа, выжимаю тормоз и не шевелюсь, заглохнув посередине дороги. Ох, слава богу, сзади никого нет!

— В чем дело? — Сонно протягивает Уилл и встряхивает головой. — Птенчик, что ты делаешь, я не понимаю. Что такое?

— Я засыпаю. Я жутко устала, меня все бесит, я хочу к черту выбраться из этой тачки и

свалить отсюда в Тартарары! — Я вновь выжимаю газ, нахожу карман на обочине и лихо паркуюсь в каких-то зарослях. — Хватит. Сейчас три ночи! Не жизнь, а дерьмо какое-то.

Выбираюсь из салона и захопываю дверцу. Я стягиваю с багажника брезент, устало перекидываю ноги через бортики и падаю на холодный металл, погрязнув в сумках. Тут я хотя бы посплю. Вытяну ноги. Найду одеяло. Хватит с меня приключений и безумия.

Укрываюсь тем, что первым попадается в руки, зажмуриваюсь и протяжно выдыхаю, внезапно вспомнив о Бенни и Кори. Они остались там и видели, как я унеслась за Уиллом. Дьявол. А я им даже позвонить не смогу: телефон сел, а свой, *мистер-неуравновешанный-красавчик*, разбил на заправке. Кори будет вне себя. Уж точно.

Неожиданно Уилл выкатывается из салона. Он громыкает дверью, шаркает по земле и останавливается у багажника. Я даже смотреть на него не хочу.

— Ты замерзнешь здесь. — Заявляет парень, а меня так и тянет развернуться и треснуть его по голове. Понятия не имею, почему он вызывает у меня такие чувства.

— Зато тебя согреет алкоголь. — Буркаю я.

— Я уже почти не пьян.

— А я уже почти заснула, поэтому будь добр — отстань.

— Тебе сейчас нормально, а ночью...

— Уже и так ночь, Уилл.

— Я серьезно.

— Я тоже, пожалуйста, я жутко устала.

— Ладно, как скажешь. — Внезапно Гудмен забирается в багажник и ложится рядом со мной, а я в ужасе покрываюсь красными пятнами. Господи. Ну, что он делает.

— Уилл...

— Вдвоем теплее.

— Сейчас не время для твоих шуток.

— Я не шучу. — Он притягивает меня к себе горячими руками, а я разворачиваюсь и в его глаза смотрю недовольно, словно собираюсь поджечь его взглядом. — Чего ты?

— Какого дьявола? Я первая сюда пришла.

— Я и не выгоняю тебя. Просто забочусь о тебе, птенчик. Ты околеешь. Будешь потом жалеть, еще и таблетки у Кори заберешь. — Он все равно притягивает меня к себе, и сумки, что лежат между нами, оказываются единственным барьером. Не знаю, что со мной. Хочу оттолкнуть его от себя, а еще больше хочу оказаться к нему ближе. Сердце у меня делает сальто, а в голове что-то щелкает. — Ты не должна заболеть по моей вине.

— Ты и не заставляешь меня спать на улице.

— Я заставляю тебя делать безумные вещи. — Уголки его губ дрогают, а у меня колет в сердце. Я прикрываю глаза. Не могу на него смотреть. Не хочу на него смотреть.

— Что с тобой?

— Ты со мной.

— Так и есть. — Он придвигается ближе, и наши носы соприкасаются. Что же между нами происходит? Что мы делаем? Оба в чувства не верим, отрицаем их, а сейчас лежим друг к другу так близко, что дышим одним воздухом. — У меня никогда не получалось.

— Что не получалось?

— Доехать до Нью-Хейвена. Я столько раз выезжал сюда, столько раз говорил всем, что путешествую; столько лгал. Но всегда разворачивался в нескольких километрах. Не выходило. Перед глазами появлялась пелена, я с ума сходил, Реган, и возвращался.

— Все будет в порядке.

— Не будет.

— Уилл, он такой же человек, как и ты. Не нужно бояться.

— Я не его боюсь.

— А кого?

— Себя.

— Но почему?

— Я отключаюсь и перед глазами темно. Делаю какую-то чушь, на которую никогда бы в реальности не решился. Я не знаю, что со мной. Я с ума схожу, птенчик.

Парень опускает подбородок, а я невольно касаюсь пальцами его лица. Он дрожит, я думаю — от холода, а, может, ему просто страшно.

— Я не спал уже так долго, лишь однажды мне удалось вырубиться.

— Когда?

— Когда мы вернулись из "Сингера". Я думал, что помогаю тебе. Но вышло как раз таки наоборот, и ты помогла мне.

— Уилл..., - я не знаю, что сказать. Все слова застревают где-то в горле. Он открывает глаза, на меня смотрит, а мне так горячо в груди, что даже больно. Странное, опьяняющее ощущение. Я бессильна перед ним. — Нужно..., - я сглатываю, — нужно спать.

— Нужно.

Он проводит пальцами по моему лицу, изучает мои пылающие щеки, которые даже в этой темноте отливают красным, и обнимает меня так крепко, что дышать нечем. Я кладу голову ему на грудь, а он сильнее заматывает нас в покрывало, прижавшись подбородком к моей макушке. Над нами звездное небо. По бокам — завывающий лес. И мы одни, но нам никто не нужен. Понимать это страшно и приятно одновременно.

— Кори вечно звал меня с собой. Хотел нас познакомить.

— И что ты ему отвечал?

— Говорил: *завтра*. Не умел тогда ценить время. Не понимал, что многое теряю.

— Но мы все-таки встретились, Уилл. — Я смущенно поджимаю губы. — Так ведь?

— Да. — Он выдыхает. Молчит некоторое время, а потом неожиданно шепчет. — Наше с тобой "*завтра*" наступило через пять лет, Реган Баумгартен.

Я улыбаюсь, крепче сжимаю в пальцах ворот его куртки и проваливаюсь в темноту.

Я просыпаюсь к полудню. Солнце прячется за грозowymi облаками, и впервые мы не едем по жаре, а несемся вдоль трассы, разгоняя прохладный воздух.

Не помню, как оказалась в салоне на заднем сидении. Я протираю глаза затекшими пальцами, приподнимаюсь и вижу Уилла. Парень сжимает в левой руке руль, в правой — сигарету. Ветер из окна взьерошивает его светлые волосы, заставляет футболку порхать над торсом, но Уильям не обращает внимания, сосредоточившись на дороге.

— Тебе не холодно? — Спрашиваю я, смутившись. Я не знаю, что еще можно сказать, и в груди у меня полыхает недоумение. Несколько часов назад мы лежали вместе, крепко прижимаясь друг к другу. Теперь что? Притворимся, будто этого не было? Возненавидим один другого и продолжим войну?

— Как спалось? — Он оборачивается и выдыхает дым от сигареты.

— Нормально.

— Под утро погода испортилась. Я перенес тебя в салон.

— Что ж, да ты ниндзя. Я ничего не почувствовала.

— Вообще-то ты пыталась отбиваться. — Он затягивается и смеется. — Но меня сложно одолеть, особенно, спросонья. Тебе не дуется?

— Нет. — Я сглатываю. Станный разговор и дурацкий. Поднимаюсь, облакачиваюсь локтями о сидение и прикусываю губу. Итак. — Нам еще долго?

— Минут двадцать.

— Ты знаешь, где найти твоего..., хм, этого человека?

— Да. Есть адрес. — Уильям настороженно хмурит брови и выкидывает окурок в окно. Наверно, теперь, когда он пришел в себя, и алкоголь выветрился из его головы, болтать со мной о семейных проблемах у него нет желания. — Тебе точно не холодно? Можешь взять мою куртку. Сейчас дождь ливанет. А на тебе это чудесное, легкое платье.

Я осматриваю юбку, поправляю бретельки и решаю последовать совету Уилла. Беру его кожанку, просовываю руки и сразу же ощущаю запах мяты. Щеки мои краснеют, и я чувствую себя бунтаркой, совершившей преступление.

Нью-Хейвен — большой город. С Нью-Йорком сравнивать его глупо, но есть и в нем что-то такое, что притягивает глаз. Наверно, спокойствие. Я бы непременно сняла сериал о том, как люди бродят здесь по засаженным улицам и завтракают на верандах.

Погода портится на глазах. Голубоватое небо затягивают тучи, они гремят, неохотно сталкиваясь над нашими головами, и клокочут, будто бы изголодавшиеся животные. Меня одолевает грусть. Я люблю дождь, люблю запах, исходящий от асфальта и земли, но еще я помню, зачем мы здесь, и куда мы приехали. А потому наслаждаться прохладным ветром трудно и глупо. Вряд ли радуга обрадует Уилла, когда он встретится с родным отцом.

Мы приезжаем в один из спальных районов Нью-Хейвена. А я не могу отделаться от мысли, что дома здесь в точности такие же, как и в Янгстауне. Стоят в рядок с темными и одинаковыми кубиками из черепицы и прямоугольными, засаженными лужайками.

Уильям сбавляет скорость, а я подсаживаюсь к окну и с грустью изучаю коттеджи. В одном из них живет настоящий отец парня. Интересно, что он чувствует? Район неплохой. Так, может, и Фрэнк Фостер — хороший человек?

Мы неожиданно останавливаемся. Перевожу взгляд на Уилла, а он с силой сжимает в пальцах кожаный руль. Глядит на дом, что стоит по правую сторону, и не двигается, не дышит. Превращается в статую с испуганными глазами.

— Ты как? — На выдохе спрашиваю я, хоть и знаю, что вопрос глупый. — Идем?

— Да.

— Уилл, все будет в порядке. Слышишь?

— Не будет, Реган. Но пошли.

Он выходит из машины и нервно потирает ладони о колени. Уилл волнуется. Никак не могу смириться с тем, что даже он чего-то боится. И что мне делать? Понятия не имею, как себя вести, просто подхожу к парню и беру его за руку. Кажется, он не замечает.

Мы плетемся по кирпичной дорожке, ведущей к двухэтажному домику. Трава здесь не просто зеленая, а ярко-изумрудная, блестящая от капель дождя, что начинает медленно падать на землю. Уилл останавливается перед дверью, втягивает воздух глубоко в легкие. Я крепче сжимаю его руку, а он дергает уголками губ.

— Чувствуй какая-то.

— Ты справишься. Давай.

— Я не знаю, что сказать.

— Ты и не должен знать. Все будет в порядке. Не бойся, Уилл.

Парень переводит на меня взгляд и серьезно кивает. Сердце мое падает. Я никогда еще не видела его настолько растерянным. Впервые мне кажется, что Уильяму Гудмену действительно кто-то нужен. И этот кто-то — я. Невероятно.

Он стучит по двери и переминается с ноги на ногу. Пальцы его так сильно сжимают мою ладонь, что она вспыхивает от боли. Но я терплю. Я вдруг понимаю, что физическая боль — полная чушь. Она убивает, изматывает, отнимает силы. Но она не проникает в твои вены, не прожигает насквозь кожу. Душевная боль — это яд, дурман, лишаящий рассудка. Ты жив, показатели в норме, но ты умираешь, потому что осознанно перестаешь дышать.

Неожиданно дверь открывается, и на пороге оказывается симпатичная девушка. Она высокая, худощавая. Глаза у нее ярко-голубые. Как у Уильяма.

— Вы кто? — Она облокачивается о дверь. — Если что — Квентин в Лэйквуде и вернется только на следующей неделе.

— Квентин? — Глупо переспрашивает Уилл.

— А вы не к нему?

Парень молчит. Впервые он молчит. Черт возьми, Уилл, скажи хоть что-нибудь. Но он не двигается. Испепеляет девушку озадаченным взглядом, и тогда шаг вперед делаю я.

— Мы ищем Фрэнка Фостера.

— Папу? Он на работе.

— На работе?

— Как и каждый будний день.

— А когда он вернется?

— Черт его знает. Дайте угадаю, вы задолжники? Всегда так. Летом студенты к нам в очередь выстраиваются, будто мой отец — тиран. Что завалили? Латынь?

Девушка вскидывает брови, а я внезапно повинуюсь инстинкту и киваю.

— Да, — улыбаюсь, — латынь.

— Лучше ищите его в университете. Он там больше времени проводит, чем дома. На кафедре или в западном корпусе. Йель такой большой. Я была там однажды, хотела папе чего-нибудь из еды принести, и заблудилась. Как вы справляетесь? Карту носите, что ли.

Йель? Теперь мой черед терять дар речи.

Настоящий отец Уильяма работает в Йельском университете? Хуже быть не может. Я неуверенно киваю, а незнакомка улыбается. Она вся искрится. Счастливая такая. Мне даже не по себе становится. Неужели люди могут улыбаться, любить свой дом, предков, свою жизнь. Не знаю, так ли это, но впечатление она производит светлое и теплое.

— Спасибо, — говорю я, растянув губы в улыбке, — прости, что потревожили.

— Ой, ладно. Удачи вам с латынью! — Она смеется, закрывает дверь, а мы так и стоим на пороге, не двигаясь, словно приклеенные. Уилл протирает ладонями лицо. Затем тихо и без лишних слов спускается с крыльца. Я следую за ним.

— Нужно созвониться с Кори. — Неожиданно говорит он.

— Зачем?

— Скажем, пусть едут в Рехобот-Бич. Мы их там подхватим. Не хочу делать крюк.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

— Ты слышал ее? Нам нужно в университет.

— Нужно ли?

— Уилл, — я нагоняю парня и разворачиваю лицом к себе. Он смотрит куда-то вверх, а

я упрямо поджимаю губы. — Сколько лет ты пытаешься встретиться с ним? Сколько раз ты говорил родителям, что собираешься по штатам проехаться, а сам тянулся сюда?

— Реган.

— Поставь точку. Остановись. Это последний шанс, иначе жизнь пронесется, пока ты бежишь от собственных страхов. Знакомиться с новыми людьми, исследовать потаенные уголки штатов, городов — интересно. Но ты живешь этим. Живешь дорогой. Хватит.

— Что ты мне предлагаешь?

— Встретиться с Фрэнком Фостером и вернуться домой.

— А где мой дом? — спрашивает парень, опустив на меня взгляд. — Где мне место?

— Сам решай. Считаешь, ты должен быть здесь, рядом с человеком, который когда-то бросил твою мать? Или ты должен скитаться по дороге, рассказывая направо и налево, что у тебя нет дома, тогда как в Янгстауне тебя ждут родители?

Парень отворачивается. Срывается с места, но я вновь беру его за руку.

— Хватит убегать.

— Я не убегаяю.

— А что ты делаешь? — Мы смотрим друг на друга, и я растерянно протираю руками лицо. Трудно заставить человека делать то, что причинит ему боль. Но, а если мы уедем, если мы унесемся отсюда на всех парах, станет ли ему легче? Не станет. Уильям *должен* взглянуть в глаза собственному страху. Он должен увидеть Фрэнка Фостера, чтобы вновь спать по ночам. — Осталось чуть-чуть. — Шепчу я. — Ты не можешь уехать. Не сейчас.

Уильям зажимает пальцами переносицу. Смотреть на него невыносимо. Я молчу, а он несколько минут не двигается, размышляя о том, чего мне не понять. В конце концов, Уилл порывисто опускает руки и кивает.

— Идем.

Неожиданно мне тоже хочется стать такое же сильной. Набраться смелости и сказать отцу правду. А она ведь не в том, что я его ненавижу. Мне было бы наплевать на его слова и поступки, если бы внутри пылала только злость. Правда — противоположна, потому мне и нехорошо, когда я о нем думаю.

Мы приезжаем в Йельский университет, и на небе вспыхивает молния, будто скупое предупреждение, нависшее над нашими головами. Но я не верующая. Уилл — тоже. Мы не обращаем внимания на погоду, на ветер, разыгравшийся не на шутку, и идем к западному корпусу, как и посоветовала незнакомка.

Внезапно я думаю: как мы его узнаем? Неужели будем подбегать ко всем мужчинам, и спрашивать: а вы, случайно, не Фрэнк Фостер? А, может, вы? Или вы? Терпения даже на двоих у нас ничтожно мало, поэтому бродить по коридорам университета и играть в игру: "*холодно-горячо*" нет никакого желания.

Я настолько поглощена мыслями о Уилле, Фрэнке и всей этой неразберихе, что даже не замечаю, как оказываюсь в том месте, куда стремилась последние годы. Я ведь думала, что буду здесь работать, писать о том, что меня волнует, делиться мыслями, мнением. А потом все рухнуло. Но я все равно здесь. И как после этого расценивать жизнь? Чего же от нее ждать и на что надеяться, если она играет по своим правилам, о которых ты не имеешь ни малейшего понятия?

Я останавливаюсь возле огромной, мраморной колонны и перевожу дух. Йель красив и притягателен. Мне вдруг думается, что писатели здесь всегда полны вдохновения, ведь нельзя бродить по таким коридорам и не ощущать себя частью чего-то прекрасного.

Оглядываюсь, изучаю студентов, снующих между корпусов в темно-синей форме, и неожиданно замечаю мужчину, вышедшего из невысокого здания. Он прикрывает голову коричневым портфелем, наверно, от дождя прячется, несется куда-то, кивает прохожим.

Я думала, отца Уилла найти будет непросто. Но сейчас я понимаю, насколько сильно я ошибалась. Фрэнк Фостер — высокий мужчина с острым подбородком. Его волосы, как и у Уильяма, отливают медью, золотом. Мне кажется, даже походка у них одинаковая. Черт, не верится, что такое возможно. Я будто гляжу на Уилла, только в сорок пять лет.

Уильям растерянно застывает рядом со мной. Мы следим за Фрэнком, а он внезапно идет в нашу сторону. Внутри у меня все переворачивается. Я хватаю Уилла под локоть и подталкиваю вперед. Другого шанса не будет.

Видимо, он тоже это понимает, потому что, пусть и выглядит бледным, но смотрит на отца решительно. Едва Фрэнк Фостер оказывается перед нами, как Уилл выходит ему навстречу и откашливается.

— Подождите. — Глупое начало диалога, но мужчина все-таки застывает перед нами. У него глаза голубые. Как у Уильяма. Как у дочери. Я вся дрожу. Что творится в голове у Уилла — вопрос еще более сложный. — Мне нужно поговорить.

— Да неужели. — Отрезает Фостер. — А мне нужно открыть список, потому что лица вашего не помню. Пропускали лекции и опомнились только сейчас? Не мои проблемы.

— Я здесь не учусь.

— Тогда что вам нужно?

Уильям тяжело дышит. Глядит на мужчину, стискивает в кулаки пальцы, но сказать ничего не может. Да и что сказать? Вы мой отец? Я ваш двадцатитрехлетний сын? Как не переверни — все звучит отвратно.

— Если вы насчет поступления, обратитесь в деканат. — Фрэнк обходит нас. Смотрит на меня и кивает. Наверно, из приличия. Я тоже киваю. Наверно, от шока.

Уильям зажмуривается. Перекатывается на носках, выдыхает и резко оборачивается.

— Хелен Менсфилд.

Фостер замирает. Не вижу его лица, вижу лишь его спину, но плечи у него дрогают и покатываются вперед, будто на них свалились тяжеленные камни. Фрэнк медленно глядит на нас через плечо, оборачивается и перекладывает портфель из одной руки в другую.

— Что? Откуда вы знаете Хелен?

— Она моя мать.

— Я рад, что у нее все отлично сложилось в жизни. — Сбивчиво шепчет мужчина. Как же отчаянно он пытается ухватиться за тонкую соломинку, удерживающую его на плаву. Выглядит это нелепо и глупо, ведь даже идиот заметит, как сильно Фрэнк и Уилл похожи друг на друга. — Вы пришли ко мне, потому что...

— Ты знаешь почему.

Фрэнк отворачивается. Растерянно зажимает пальцами переносицу, а я вижу в этих движениях Уильяма. Черт. Мне хочется схватить его за руку и увести отсюда как можно дальше. Хочется обнять его, прижать к себе. Но я просто стою рядом и молчу.

— Идемте. — На выдохе отрезает Фостер и опускает руки. — Здесь не лучшее место для таких разговоров. У вас есть время?

— Да. — Отвечает Уильям.

Мы приходим в какое-то кафе напротив университета. Садимся в глубине зала.

Меня не покидает неприятное ощущение, что все это страшный сон. Сбитый с толку

Уильям, нахмуренный, жутко похожий на него взрослый мужчина. Официантка приносит мне чай, а я не помню, как заказывала его. Приподнимаю подбородок, а Уилл сжимает под столом мою руку. Она у него ледяная.

— Итак, ты сын Хелен. — Протягивает Фрэнк Фостер и сплетает перед собой пальцы. На его серьезном лице проскальзывает улыбка. — Я помню ее.

— Хорошо, что помнишь.

— Как она?

— Неплохо. А ты как?

Фрэнк покачивает головой. Светлые волосы падают ему на лицо, и он нерешительно заправляет их за уши. Тянется к карману пиджака, а затем выругивается.

— Дурная привычка. Не могу избавиться.

— Какая?

— Сигареты. Ты тоже куришь?

— Да. — Уилл смотрит ему прямо в глаза. — Теперь ясно, почему.

Повисает молчание. Фостер изучает сына любопытными глазами, но кроме интереса я ничего не вижу в этом взгляде. Он будто проводит эксперимент.

— Я думал, Хелен потеряла ребенка после аварии.

— Ты ошибся.

— И сколько тебе?

— Ты вроде умный. — Уилл машет в сторону Йельского университета, который виден за квадратным окном, и ухмыляется. — Посчитай.

— Почему она ничего мне не сказала?

— Наверно, потому что ты исчез.

Фостер откидывается на стуле. Порывисто расстегивает ворот рубашки и кивает.

— Я испугался. — Внезапно он становится тем самым двадцатилетним мальчишкой, который любил выпить и оторваться в компании; становится Уиллом. — Зачем ты здесь? Сказать, что я плохо поступил с Хелен? Я знаю. Но прошло столько лет. Она живет без меня, и я живу без нее. Если ты хочешь, чтобы я извинился...

— Не хочу.

— Тогда что тебе нужно? — Фостер потирает пальцами лицо. — Парень, я...

— Уильям, — шепчу я, неуверенно выпрямившись, — его зовут Уильям.

— Уилл, — исправляется Фрэнк, — я никогда не скажу того, что изменит прошлое. Наш разговор не приведет ни к чему. Ты же понимаешь.

— Понимаю. Но я хотел узнать правду.

— Да. Это верно.

— Я думал, мне станет легче.

— И стало?

— Нет. — Уильям ухмыляется, как обычно скрывая истинные эмоции, и наклоняется вперед, положив руку поверх деревянного стола. — Ты неплохо устроился. Завел семью.

— Так и есть.

— А они знают о том, что ты сделал?

— Не знают. — Фостер сводит брови. — И не узнают. Я давно не тот, кем был.

— А кем ты был?

— Подростком. Глупым и безответственным. Все такими были, да и ты сейчас такой. Так ведь? Надеюсь, мой пример вставит тебе мозгов. Больше, чем у всей этой одичавшей

толпы, что сидит у меня на лекциях.

— Твой пример? — Переспрашивает Уильям.

— Уилл, послушай, я не твой отец. Вопреки случившемуся, мы — чужие люди. Я живу в настоящем, а не в прошлом. И ты должен так поступить.

— Должен?

— Пойми, я не прогоняю тебя. Но мне не оправдать твоих ожиданий. Ты думаешь, я тебе нужен? Я отец для своих детей, тех самых, что ждут меня дома. Для тебя я никто.

Внутри у меня все переворачивается и взывает от неприятной боли. Я изо всех сил сжимаю руку Уилла, но он не шевелится. Наблюдает за тем, как Фостер поднимается из-за стола, и молчит. О чем он думает? Почему не произносит ни слова?

— У моей дочери сегодня день рождения. — Сообщает Фрэнк, поправив пиджак. В его глазах искрится нечто, похожее на сожаление, но, наверняка, это маска. Мужчина кивает и кладет деньги под овальную чашку с кофе. — Я не хочу задерживаться.

— Да. — Только и говорит Уилл.

— Послушай, парень, это трудно, но если ты хочешь быть лучше меня — забудь. Тебе немного лет, возможно, потом ты меня поймешь. Но сейчас лучше думать о другом.

— О чем же?

— Точно не обо мне.

Фрэнк Фостер передергивает плечами. Собирается сказать что-то еще, но замолкает. Поднимает портфель с пола и уходит, ни разу не обернувшись.

Я перевожу взгляд на Уилла. Он бледный. Ухмыляется, вертит в руках салфетку и не произносит ни звука. Меня пугает его реакция. Пусть он скажет что-нибудь, посмотрит на меня, но только не молчит. Я тяну к нему руку, а он вдруг подрывается с места и несется к выходу, на ходу спотыкаясь о ножки стульев. Я бегу за ним.

Мы вырываемся на улицу, а тут уже разыгрался дождь. Стоит белая пелена из капель воды, превратившихся в острые стрелы. Над головой громыкает небо, сетует, жалуется, и вспыхивают молнии, разрывая свод на части. Я вижу, как Уильям бежит куда-то по улице, несусь за ним, но он не останавливается.

— Уилл! — Кричу я.

Что он делает? Мне внезапно становится страшно. Парень сворачивает в переулок, а я едва не падаю на повороте, подвернув ногу. Я облакачиваюсь ладонями о стену, смотрю вперед и вижу, как Гудмен хватается руками за голову. Он в тупике. И не только потому, что повернул не в ту сторону. Кажется, жизнь загнала его в ловушку.

— Уилл, — повторяю я, двигаясь к парню, — слушай, поехали.

— Не трогай меня.

— Уилл, пожалуйста.

— Я сказал, не трогай меня!

— Не надо ничего объяснять, не надо ни о чем говорить. Давай мы просто...

— Замолчи, Реган.

— Уилл, зачем ты так?

— Ну, прости, прости, — злится он, закинув за голову руки, — у меня такая привычка. Я никого не слушаю, и мне наплевать на людей. Помнишь? Ты сама об этом говорила.

— Уилл, льет, как из ведра. Пойдем в машину! — Я подхожу к парню, а он отскакивает от меня, как от огня, и взмахивает руками. — Да, тебе паршиво, знаю, но...

— Чего ты привязалась? Отвали. Окей?

Стискиваю зубы. Мне становится так неприятно, что живот сводит. Вокруг ни души, лишь дождь барабанит по карнизам. Мы стоим посреди какой-то свалки, по бокам старые вещи, тут холодно, шумно, мерзко. А я жду человека, которому не нужна.

— Окей.

Я ухожу. Поворачиваюсь к нему спиной, а он вдруг выругивается и несется за мной, стуча ботинками о глубокие лужи.

— Куда ты? Черт подери, куда ты уходишь?

— Ты сам прогнал меня.

— Все, ладно, идем в машину. Ты ведь этого хочешь! Да? Довольна?

— Прекрати кричать на меня!

Внезапно Уилл примерзает к месту, подхватывает с асфальта какой-то поломанный стул и со всей мощи кидает его о землю. Застываю. Деревянные ножки стула проносятся возле моего лица. В нескольких сантиметрах. Стул ударяется о мокрый асфальт с глухим треском, щепки разлетаются в стороны, а я с ужасом закрываю глаза.

Внезапно мне становится так страшно, что рыдания подсакивают к горлу. Сама не понимаю, как срываюсь с места и начинаю нестись от этого переулка, от Уильяма, от его безумия и боли. Зачем мне это нужно? Я видела сломленных людей. Я видела их каждый день. Я не хочу больше. Не смогу. Я все несусь и несусь, а ливень бьет по лицу. Дышать нечем, легкие горят, как и ноги, как и все тело, и тут вдруг меня обхватывают за плечи чьи-то холодные руки. Они обнимают, прижимают к себе, останавливают.

— Подожди.

— Отпусти меня!

— Прости, пожалуйста, прости, — шепчет Уильям, и его горячее дыхание обжигает мне шею. Уилл обнимает меня, кладет голову на мое плечо, а я зажмуриваюсь. — Не уходи.

— Хватит, прекрати! — Пытаюсь вырваться, поворачиваюсь к нему, а он пригибается, будто пытается посмотреть мне прямо в глаза. Сжимает в замок мои руки.

— Я идиот, прости меня. Я идиот.

— Я хочу уйти!

— Не надо. Реган, не бросай меня.

— Ты пугаешь меня.

— Я знаю. Я не хотел, я просто..., - парень отшатывается назад и хватается ладонями за голову, пытаясь сдвинуть ее изо всех сил, — я не могу.

— Чего не можешь? — Испуганно шепчу я.

— Я думал, будет иначе. Я ждал этого момента пять лет. И все кончено. Все, что было важно, все разрушено. Я виноват, слышишь? Я не должен был кричать, но я...

— Единственный человек, который разрушает твою жизнь — это ты сам.

— Я знаю. Я понимаю, но...

Уильям закрывает ладонями лицо, капли скатываются по его волосам, пальцам, а я к нему тянусь, потому что не могу ничего с собой поделаться. Касаюсь его щеки, отнимаю от его лица руки и прижимаю к себе изо всех сил. Уилл обнимает меня. Он хватается за мои плечи так, будто боится свалиться навзничь; словно я единственная опора. Прижимается ко мне всем телом, жмет щекой к моей щеке и шепчет:

— Прости меня, прости.

— Тише, — мне нечем дышать. Я зажмуриваюсь и прохожусь пальцами по его волосам.

— Я не хотел.

— Уилл.

— Я не знаю, что мне делать.

— Все будет хорошо. Слышишь? Я здесь, я рядом.

Уильям касается губами моей шеи, потом щеки. Он растерянно отстраняется. Гладит ладонями мои мокрые волосы, смахивает капли с подбородка и глаз. Он растерян и сбит с толку, и он смотрит на меня так, будто видит впервые. А затем целует.

Его губы прикасаются к моим, ища спасения, а его руки обхватывают мое лицо, ища поддержку. Он вжимается в меня всем телом, а я тянусь к нему навстречу, потому что не могу сопротивляться, я никогда не испытывала ничего подобного.

Мне страшно. Неожиданно я понимаю, что этот человек не просто перевернет мою жизнь. Он разрушит ее. Уильям отстраняется, смотрит на меня, а мне нечем дышать. Его взгляд — взгляд сломанного, разбитого человека, у которого отняли все — путешествует по моему лицу. Его пальцы бегают по моим щекам, глаза испепеляет кожу, а затем мы вновь тянемся друг к другу. Он приподнимает меня, а я встаю на носочки и овиваю руками его плечи. Дождь барабанит по голове. Капли скатываются по нашим лицам, а мы дрожим и не от холода. Страшно нуждаться в ком-то так сильно. Это сводит с ума.

— Подожди, — между поцелуями шепчет Уильям, — Реган, послушай.

Он прикасается пальцами к моим щекам и застывает. Его дыхание обжигает губы. Я смотрю Уиллу в глаза, и внутри все переворачивается. Я не хочу, чтобы он впустил сюда, в эту созданную нами иллюзию, порывы реальности.

Пусть он молчит. Пусть не произносит ни звука.

— Я не тот, кто тебе нужен.

— Уилл, не говори ничего.

— Ты знаешь. Ты понимаешь. Птенчик, говорят идеальных людей нет, но что значит, быть идеальным? — Он приподнимает мой подбородок, и я замечаю, как подрагивают его губы. — Идеален — не тот, у кого нет недостатков или проблем. А тот, кто справляется с ними, оставаясь при этом хорошим человеком. Ты — идеальна. А я — нет.

— Не говори так, Уилл.

— Я не хочу делать тебе больно. А я сделаю. Я действительно похож на твоего отца.

"Да".

— Нет, — горячо шепчу я и покачиваю головой, — хватит.

— Ты знаешь. Я все разрушу.

"Разрушишь, но мне наплевать".

— Нечего разрушать! Не заставляй меня быть..., быть такой.

— Какой?

— Слабой.

— Прости меня, пожалуйста, Реган. — Уильям закрывает глаза и целует меня вновь и так трепетно, что сердце у меня взрывается на сотни осколков. Я хватаюсь за его руки, а он отпускает меня и отворачивается. — Нам пора уезжать.

Смотрю, как он отходит, и растерянно хлопаю ресницами. Ничего не понимаю. Что он делает? Почему убегает? Опять. Боже, такое чувство, что вся жизнь Уильяма Гудмена — сплошной побег от себя, от своих чувств и желаний. Смелый? Он? Нет.

— Зачем ты это делаешь? — Лишь спрашиваю я, так и не сдвинувшись с места. — Ты не можешь разворачиваться и уходить. Только не сейчас.

— Потом будет поздно.

— Уже поздно.

Уильям смотрит на меня. В этом взгляде столько отчаяния, что я едва не валюсь без сил на асфальт. Я думаю, он ответит что-то. Но нет. Он порывисто опускает голову и идет дальше, прорываясь сквозь беспросветную пелену дождя.

ГЛАВА 16.

Уильям находит телефонную будку и звонит Кори. Говорит, что хочет встретиться в Рехобот-Бич. Я не знаю, как реагирует Кори. Гудмен бросает трубку, приподнимает ворот ветровки и несется обратно к машине, хлюпая подошвой о лужи.

Дождь стучит по крыше. Печка работает на всю, но мне все равно холодно. Я гляжу в окно, на Уилла не обращаю внимания. Мы молчим, притворяясь, что ничего не было, и мы — чужие. А наши чувства — вымысел, как и все сказанные слова.

Не знаю, что мне делать. Впервые грудь горит и стонет, и это отвратительное и мне неподвластное ощущение, отдающее эхом по всему телу, голове, вискам, глазам.

Я зажмуриваюсь. Нужно взять себя в руки. Я не для того проехала весь этот путь, не для того сбежала из дома, чтобы разбиться о дорогу и навсегда остаться порывом ветра, гуляющим по призрачным склонам. Я должна быть умнее. Найти в себе силы и забыть о том, что делает больно. Я должна.

Мы едем, а в машине пахнет мелиссой. Я уже ненавижу этот запах. Ненавижу, как у меня подскакивает сердце, едва Уилл смотрит на меня. Глупость. Бессмыслица. Впервые я ощутила внутри тепло, захотела стать к кому-то ближе, а этот человек — разрушение. Если я прикоснусь к нему, то превращусь в пепел и растворюсь в воздухе.

Вскоре дождь превращается в морось, а затем и вовсе исчезает. Небо озаряет тусклое солнце, на землю падают безобразные куски света, освещающие лишь части поверхности. Мы едем вперед, оставляя позади грозовые тучи, ветер и холод. Становится светлее, но в груди до сих пор полыхает буря. Не знаю, как избавиться от этого ощущения.

Мы едем часа четыре, Уильям выжимает газ так рьяно, что Додж летит над дорогой и едва касается колесами асфальта. Я ничего ему не говорю. Если мы разобьемся — так уж и быть. Повторим историю его матери. Будет весьма интересно. Я — как его мать, а он — как мой отец. Повторяем ошибки взрослых, знаем об этом, но все равно падаем с головой в круговорот лжи, безумия, отчаяния. Разве это жизнь? Все говорят, что гнаться нужно за впечатлениями, с ума сходить, рисковать и на куски разрываться. Но все это чушь. Никто не кинется в сумасшествие, если ему есть что терять. Никто не погонится за мечтой, когда дома все хорошо. Люди с дороги, люди, живущие одним лишь днем, секундами — одиноки и несчастны. Они не знают, за что уцепиться, и цепляются за безумие. Оно придает им сил и уверенности в том, что у жизни вкус есть. Но, на самом деле, это вкус разрушения. Вкус отчаяния. Они по-другому не умеют. И они тухнут, поглощенные собственным ядом.

Истории про свободу всегда заканчиваются плохо. Человек, пытающийся вырваться из клетки, обязательно попадает в другую клетку. Это закон жизни. А если он все же смог выбраться — значит, он умер. Не бывает свободы, не бывает безответственности. Разъезды по городам, новые знакомства, алкоголь, безумные ночи: все это попытки убежать от себя. Все это иллюзия жизни, которая оказывается такой же мимолетной, как и падение звезды.

Вам кажется, что я вспомню, как смеялась с Кори? Как танцевала в джазовом клубе? Как бродила по Нью-Йорку с распахнутым ртом? Нет. Я вспомню, как воспламенялась и сжигала себя, влюбляясь в того, в кого нельзя влюбляться. Как ссорилась с той, кто меня

ненавидит. Как убегала под дождем, как стискивала зубы от боли.

Вот они — молниеносные моменты, дети безумия. Вот что я вспомню. Но это совсем не то, что мне нужно.

Я хотела сбежать от реальности. Но попала в еще более суровую реальность. Люди здесь — каждый — оказались разбитыми, сломленными, потерянными. Я хотела найти для себя спасение, а в итоге поняла, что каждый его ищет. И никто не находит.

Мы приезжаем в Рехобот-Бич поздним вечером. Это небольшой курортный городок, который заполняется к лету туристами. Пахнет океаном. Я открываю окно, облакачиваюсь подбородком о руки и вдыхаю глубоко-глубоко запах океана. Я никогда не видела океан.

Мне становится больно. Столько моментов, которые произошли со мной впервые, а на душе беспокойно. Я бы так хотела улыбнуться, насладиться этими минутами, но никак не получается. Я слабая и глупая. Такая же, какой была в Янгстауне. И никакие люди, ни поездки меня не изменили.

Уильям паркуется у пляжа. Мы выкатываемся из салона, а на мне по-прежнему его куртка. Не хочу ее снимать. Лишь сильнее укутываюсь в ней и складываю на груди руки. Наплевать, что она больше меня на несколько размеров, и я тону в этих плечах, как в том океане, что распластался передо мной и сливается с горизонтом. Наплевать на все. Хочу сейчас ощутить запах мяты — отвратительный, мерзкий запах! А потом отдам Уиллу куртку и больше никогда с ним не заговорю.

На парне ветровка. Он поправляет ее и плетется к пляжу, где под вечер мало людей. Неожиданно я вижу ребят. Они смеются и носятся по берегу, брызгаясь теплой водой. Я растягиваю губы в улыбке. Это Кори, Тэмзи и Джесси. А еще Бертрам.

Ошеломленно вскидываю брови. Неужели он приехал?

Мы с Уильямом медленно подходим к ребятам. Заметив нас, они застывают и глядят во все глаза. Наверно, выглядим мы уставшими и грустными, пусть оба и выдавливаем из себя фальшивые улыбки. *У Тэмми синие волосы.* Я ошеломленно застываю. Эта девушка сумасшедшая! Кори подносится ко мне. Джинсы у него мокрые по колено.

— Где вы пропадали? — спрашивает он и обнимает меня. Я вдруг хочу застыть. Сжать в пальцах его плечи, закрыть глаза и перестать дышать. Но я отстраняюсь. — Все хорошо?

— Ага.

— Так, где вы были?

— Уилл сам тебе потом расскажет.

Я смахиваю с лица пелену и гляжу на Бенни. Он тоже мокрый. С его темных волос на песок вода льется. Странно. Неожиданно он кажется мне частью этой компании, пусть и познакомился со всеми совсем недавно.

Тэмзи прыгает на Уилла, а я делаю шаг вперед к Уоткинсону.

— Привет. — Мне в горло, будто кирпичей навалили. Бертрам кривит губы, а я робко откашливаюсь и чувствую, как вспыхивают щеки. — Ты здесь.

— Я решил подвезти ребят. И еще я хотел убедиться, что с тобой все в порядке. — Он отводит взгляд в сторону, а у меня внутри все сжимается.

— Бенни...

— Ты ведь в порядке?

Он вновь на меня смотрит. А я не знаю, что сказать. Неожиданно мне становится так плохо, что глаза закрываются. Плечи поникают, я прикрываю ладонями лицо и неуклюже шагаю к парню. Он обнимает меня, а я с силой сжимаю его спину.

— Ренни.

— Извини, что я убежала.

— Давай, пройдемся. — Шепчет он, и я неуверенно киваю.

Мы говорим ребятам, что прогуляемся. Джесси улыбается, Тэмзи бурчит что-то, а на Уильяма я даже не смотрю. Надеюсь, его отвлечет Кори, и он не кинется вновь заглушать свою боль в каком-то баре, чтобы затем прибежать ко мне и рассказать о том, как плохо и трудно ему живется. Я заправляю за уши спутавшиеся волосы.

— Так, что случилось? — Спрашивает Бертрам, шагая босиком по песочному пляжу.

Волны бьются о его ноги, подкатанные джинсы мокрые и темные.

Я тоже хочу разуться, но потом передумываю.

— Не знаю.

— Ты выглядишь растерянной.

— Наверно, так и есть.

— Это из-за Уильяма?

Я перевожу взгляд на друга, а он вскользь улыбается. Мой Бенни, мой защитник. Он всегда был со мной рядом, и сейчас три года исчезают, просто испаряются. Я готова вновь рассказать ему о том, что меня гложет, что делает больно. Но тогда и ему будет больно.

— Что он сделал? Он тебя обидел?

— Нет. Конечно, нет.

— Он тебе нравится.

— Не выдумывай, пожалуйста. Как он может мне нравиться?

— Ренни, — парень потирает ладонями лицо и усмехается, — ты не научилась врать.

Мы замолкаем. Я поджимаю губы, а Бертрам отворачивается и смотрит на океан. У меня все внутри переворачивается, и я начинаю злиться. Что за глупые разговоры? Я не такая. Я не испуганная девчонка, которая по уши влюбляется в парня и с ума сходит. Я всегда смеялась над такими людьми, жалела их. А теперь...

— Бред какой-то, — выругиваюсь я, — Бенни, что мне делать?

— Уехать.

— Куда?

— Подальше от Уилла. Я помню, что сказал тебе на вечере, уверен, и ты помнишь. Но дело сейчас не во мне, и не в моих чувствах. — Парень тяжело выдыхает, останавливается и кладет ладонь мне на плечо. — Он — плохой парень. Он очень сильно похож на...

— ...отца.

— Тебя это не пугает? Желание держать Гудмена за руку противоречит всему, через что ты проходила. Хочешь стать твоей матерью?

— Не говори так, пожалуйста. — Я прикрываю глаза, потому что знаю: все его слова — правда. Истина, которая прорывается внутрь меня и разрывает на куски. — А, может...

— Нет. Ренни, ты очень дорога мне.

— Бертрам...

— Послушай, я знаю, что ты скажешь. Кинешь мне в лицо эти три года, но я уехал не просто так. Ты всегда смотрела на меня, как на друга. Мы и были друзьями, но мне было этого мало. Я мог остаться в Янгстауне, но поехал с отцом, чтобы начать все заново.

— Ты уехал из-за меня?

— Я уехал из-за себя. И тебе советую поступить точно так же. Мы встретились опять, и я вновь потерял голову. Попытался что-то сделать, но это было неправильно. Ты — мой друг,

Ренни. И я всегда буду с тобой рядом. Наплевать, что у нас ничего не вышло. Ближе у меня никого нет, слышишь? Поэтому прислушайся ко мне.

— Я должна сбежать.

— Уйти. Возможно, люди меняются. — Бертрам пожимает плечами. — А, возможно, и нет. Кто знает? Проверять на себе, стоит ли?

— Уильям — хороший человек.

— Хороший. Но еще сумасшедший и безответственный.

— Ты не знаешь, что с ним случилось.

— Не знаю. Но ты знаешь. И тебе легче?

Я отвожу взгляд в сторону. Бенни всегда говорил правду, и правда, из его уст, всегда была умной и верной. Я прикрываю глаза, а он проходится пальцами по моим волосам. Он так делал, когда я плакала из-за отца. Сидел рядом и гладил по голове.

— Поехали со мной. Придумаем что-нибудь. Я все равно должен вернуться домой.

— В Нью-Йорк?

— Да, теперь там мой дом.

— Оставить Кори...

— Он поймет, Ренни. Мы ведь не просто дружили, мы *понимали* друг друга.

— Ты прав. Ох, — я протираю ладонями лицо и киваю. — Нужно уносить ноги отсюда.

— Ты справишься. Ты же Реган Баумгартен. — Бенни обнимает меня за плечи и тащит на себя. Мы едва не валимся с ног, рискуя оказаться у подножия океана. — Я скучал.

— Я тоже.

— Улыбнись уже, ну, давай! — Он щекочет меня, а я отпрыгиваю в сторону и смеюсь.

— Хватит!

— Ну же. Я не отстану, пока ты не прекратишь дуться!

— Все-все, я уже самая счастливая на свете.

— Точно? — Он приподнимает меня и кружит. — Я не слышу?

— Да-да, боже, Бенни, отпусти меня!

Я хохочу, а он ставит меня на песок и улыбается. Обнимаю его.

— Спасибо.

— Только давай без нежностей, окей? — Ласково усмехается он. — Ты же у нас совсем не романтичная, забыла? Вместо цветов, любишь кровавые истории Кинга.

— У него не все истории кровавые, — парирую я, и мы плетемся вдоль берега, болтая и вспоминая прошлые года, когда нам было весело и просто вместе.

Жаль, что, чем старше мы становимся, тем сложнее становится жизнь.

ГЛАВА 17.

Ребята сняли квартиру на набережной. Оказывается, они приехали уже в обед. Бенни говорит, Кори носился по квартире и кричал, что Уилл не оставит от меня живого места.

Тэмми целую дорогу причитала, будто мы с Гудменом решили уединиться.

И только Джесси читал какие-то стихи.

— Он что-то принимает, верно? — Интересуется Бертрам, приподняв бровь. — Джесси, ну, очень странный парень. Тут есть вмешательство извне.

— Он талантливый и добрый. Вот тебе и все вмешательство.

Мы приходим к небольшому одноэтажному домику. Интересно, сколько он стоит? Я

перевожу взгляд на парня и хмурю брови.

— Только не говори, что это твоих рук дело.

— В смысле?

— Бенни, хватит разбрасываться деньгами!

— Давай только не будем обсуждать мои деньги. — Протягивает он. — Я сам знаю, что я могу себе позволить, а что — нет.

Закатываю глаза, думаю: чертовы богатенькие красавчики. И усмехаюсь.

Мы открываем дверь квартиры и застываем на пороге. В углу стоит *огромная елка*.

Вот же черт. Я ошеломленно распахиваю глаза, а Бертрам усмехается. Тэмми и Кори украшают ветки игрушками, гирляндой, а Бонд бренчит что-то рождественское на гитаре.

— Что тут происходит? — Удивляюсь я и делаю шаг вперед. Осматриваюсь.

Уильям вырезает снежинки.

Снежинки! Я, наверно, сознание на пляже потеряла, и волны утянули меня на дно.

— У нас праздник, — внезапно сообщает Уилл и нерешительно глядит на меня. — Все любят Рождество, верно? Мы проходили мимо какой-то свалки, а там валялась елка.

— И мы притащили ее сюда! — Восторженно продолжает Кори. — Представляешь?

— Со свалки? — Я скептически улыбаюсь. — Круто.

— Если нам хочется отпраздновать Рождество посреди лета — будем праздновать! Что в этом такого, правда? Глупо терять время и ждать, когда можно взять и сделать.

— Хорошая идея, — улыбается Бертрам.

— Да вы просто сумасшедшие, — смеюсь я. — Крыша у вас поехала.

— Вот тебе еще один урок, птенчик. — Уилл откладывает снежинку и кривит губы. — Если возвращаешь крышу на место, перестаешь видеть звезды.

Я пропускаю удар по самому сердцу. Как он умудряется пробираться внутрь меня и переворачивать все мои чувства, мысли. Я стискиваю в кулаки пальцы.

— Надеюсь, вы купите хорошие подарки. — Мурчит Тэмми. — Сейчас мы разойдемся по магазинам, предел — *двадцатка*. А часа через два пойдем в братство. Ребята на пляже пригласили нас на вечеринку для студентов.

— Мы, наверно, с Ренни уже не попадем на нее. — Говорит Бертрам.

Уильям выпрямляется. Я знаю, что сейчас только мы смотрим друг на друга, знаю, что он прекрасно понимает, к чему ведет Уоткинсон. Он прожигает меня настороженным взглядом, молчит, а я стискиваю в кулаки пальцы.

— Мы едем в Нью-Йорк.

— Что? — Не понимает Кори. — В смысле?

— Ты же видел ее лицо, когда она бродила по улицам Манхэттена, да? — Улыбается Бенни, и у меня на плечах оказываются его ладони. — Я должен сегодня вернуться, вот и ее заберу. А вы встретитесь уже дома.

— Серьезно? Да ладно, ребята. Реально уедете?

— А почему нет? — Я слабо улыбаюсь. — Мы ничего не успели, нигде не были.

— Вот это оправдание, — неожиданно усмехается Тэмзи. Она облокачивается спиной о подоконник и кривит губы. — Только вчера развлекалась с одним парнем, теперь с другим. Как же быстро ты научилась раздвигать ноги, котик. Может, еще и Кори обрабатываешь?

— Заткнись, Тэмми, — ледяным голосом отрезает Уилл. Он продолжает смотреть мне в глаза, а я отворачиваюсь. Это невыносимо.

Уильям откладывает ножницы, поднимается и, потеряв ладони о джинсы, уходит из

комнаты, не сказав ни слова. Когда за ним закрывается дверь, я зажмуриваюсь. Внутри у меня что-то переворачивается, и становится так больно, что подкашиваются колени.

— Отлично. — Бросает девушка, заправив за уши ярко-синие волосы. — Удачно вам оторваться. Идем Джесси. Надо перехватить Уилла, пока он не снес кому-то крышу.

Они тоже уходят, и в комнате остаемся лишь мы втроем. Кори растерянно глядит на меня, а я даже не знаю, что сказать. Заправляю за уши волосы, присаживаюсь на диван и сцепляю в замок руки. Я ведь верно поступаю, правда? Я должна уехать.

— Что это было? — Спрашивает Гудмен. Он присаживается рядом и переводит взгляд на Бертрама. — Куда вы собрались?

— В Нью-Йорк.

— Скажите правду, я не идиот. И какого черта Уилл унесся на всех парах? Что между вами вообще творится?

— Ничего не творится.

— Куда вы вчера уехали?

— Об этом не я должна тебе рассказывать. — Смотрю на друга. — Правда.

— Ого, так это тайна?

— Уильям все объяснит. Дай ему время.

— Ты его защищаешь. Но при этом хочешь смыться от него как можно дальше. Как это вообще называется? Самообман? Делирий?

— Выпендрился, — отшучивается Бенни.

— Нет, я серьезно. В чем дело?

— Реган любит твоего брата.

Я растерянно приподнимаю подбородок и округляю глаза.

— Нет!

— Да. — Выдыхает Бертрам. — Любит так, что готова простить ему все его недостатки, которых, к слову, не мало. Любит так, что сейчас сомневается, не хочешь уезжать, хотя я ей битый час вбивал в голову, что нужно уносить ноги, и она согласилась.

— Я и сейчас с тобой согласна.

— Но это не значит, что ты уедешь, верно? — Бенни плюхается рядом с нами на диван и сплетает перед собой пальцы. — Я заметил кое-что странное.

— Что?

— Его взгляд. Похоже, он тоже тебя любит.

— О чем вы вообще толкуете? — Возмущается Кори. — Меня сейчас стошнит. Уильям и любовь? Чушь какая-то. Еще нереальней сочетание: Реган и любовь.

— Я думаю, это связано с обстоятельствами. Они оба встретились, когда нуждались в ком-то. Вот и привязались.

— А, может, дело в банальной симпатии? Реган и Уилл — ничего такие.

— Боже, хватит, я ведь здесь! — Возмущенно взмахиваю руками и понимаю, что Кори и Бертрам зажали меня с двух сторон. — Что вы несете?

— Мы рассуждаем.

— Прикидываем возможные варианты.

— Откидываем невозможные.

— Считаете, это серьезно, профессор Уоткинсон?

— Определенно, профессор Гудмен.

— Господи, вы придурки, — усмехаюсь я и покачиваю головой, — чего смешно-то?

Мне повеситься хочется, а вы ржете.

— Я просто не думал, что доживу до такого. — Неуверенно протягивает Кори. — Разве не ты рассказывала, что любви не существует?

— Я и сейчас так считаю.

— Все-таки, делирий, — улыбается Бенни, и я пихаю его в бок. — Что? Кого ты хочешь обмануть? Я наворачивал вокруг тебя круги два года. А ты потеряла голову за несколько минут из-за какого-то чокнутого парня. Разве это не чудо?

— Я не теряла голову!

— Если ты продолжишь это отрицать — ты окончательно заврешься.

— Да не зачем мне врать.

— Опять отрицание.

— И Уилл мне не нужен.

— Еще одно.

— Я сейчас тебя ударю. — Предупреждаю я, повернувшись к Уоткинсону. — Серьезно.

— Ударь, потому что я говорю совсем не то, что должен.

— Это уж точно. Пытаешься меня запутать? Несколько минут назад ты кричал, что я должна как можно скорей унести отсюда ноги. Что изменилось?

— Я не хочу об этом говорить.

— В смысле?

— Просто...

— Что?

— Он смотрит на тебя так, как парень должен смотреть на девушку, которую любит.

— Ого, а для этого есть особенный взгляд?

— Да. Так, словно он все сделает, чтобы ей было хорошо.

— И поэтому он убежал? Не схватил меня, не попытался остановить.

— В том-то и дело. — Бертрам проходит ладонями по лицу и горько улыбается. — Он сделал единственное, что полезно для тебя — ушел.

Мы втроем замолкаем. Сидим рядом и глядим куда-то сквозь стены. А я понятия не имею, что мне делать. Черт. Я совсем запуталась.

Неожиданно дверь в комнату открывается и на пороге появляется Джесси. Он робко улыбается, проходит вперед и тянется к рюкзаку со своими вещами.

— Вы уезжаете? — Спрашивает он, вытащив пакетик с медиаторами. Они у него там разных цветов. Собирал, наверно, очень долго.

— Ага. — Шепчу я.

— Точно?

— Точно.

Бонд выдыхает и идет ко мне, волоча худощавые ноги. Он поднимает меня с дивана, прижимает к себе и поглаживает по волосам.

— Ты очень милая девушка, Реган. И имя у тебя классное.

Я усмехаюсь. Сжимаю руки за его спиной и закрываю глаза.

— У тебя тоже классное имя, Джесси. Еще ты отличный поэт и играешь чудесно.

— А ты поешь круто.

— Мы еще увидимся, правда?

— Конечно. Мне кажется, мы увидимся скорее, чем ты думаешь. Вот, держи. — Бонд вдруг отстраняется и протягивает мне какую-то записку. — Это адрес.

— Какой еще адрес?

— Вечеринки. Она здесь поблизости. Так как мы не остались праздновать Рождество, Уилл и Тэмзи укатили в братство. Отвлечаться.

— Джесси, — выдыхаю я, скукожившись. Ну, пусть он вырвет из моих пальцев листок, пусть заберет свои слова назад, — я уезжаю ведь.

— Знаю. — Он загадочно улыбается. Как умеет. — Но иногда уходят, чтобы вернуться.

Все сговорились. Или у меня паранойя? Я прикрываю глаза и тяжело выдыхаю. Что мне делать? Надо уходить, надо бежать. Пока есть шанс и не так больно.

Парень поглаживает меня по плечам и кивает. Затем прощается с Бенни, плетется к выходу и скрывается за порогом. Я гляжу ему вслед, а в груди у меня горит что-то такое, что трудно описать словами. Я внезапно вспоминаю взгляд Уилла, когда сказала, что мы уезжаем в Нью-Йорк. Этот взгляд стоит передо мной и прожигает меня насквозь, словно молния. Я никогда не ощущала ничего подобного. И я могу отрицать эти чувства, могу окунуться в них с головой. Но не могу от них избавиться.

Я смотрю на Бертрама, а он кивает. Поднимается, разминает плечи и идет к выходу.

— Ну, — спрашивает он, откашлявшись, — вы меня хотя бы проведете?

Я поджимаю губы. Неужели я останусь? Это глупо, бессмысленно. Неправильно. Я должна вспомнить о том, как Уилл разбил стул об асфальт, как молотил по автомату, как бежал под дождем в неизвестность и рычал, будто раненное животное. Вспомни.

Вспомни, Реган!

Но потом я вспоминаю, как Уильям обливал меня водой, как крутил вокруг себя под песни "Битлз", как вел до дома после похода в "Сингер", как пролежал рядом всю ночь. Я вспоминаю, как мы глядели друг на друга в зеркало заднего виденья; как он обнимал меня на улицах Нью-Йорка, как танцевал в джазовом клубе, как бил по барабанам на свадьбе. И я замираю. Уилл сказал, что я запомню эту поездку. Что он создает мои воспоминания. Он был прав. Уильям Гудмен — разбитый и сломленный мальчишка, оказался близким мне по духу. Возможно, я прыгаю с обрыва, но отношения — это всегда прыжок в неизвестность.

Почему до меня не доходит, что я глупо оправдываюсь? Не знаю.

Но я не перестаю накручивать себя. Нахожу плюсы, вспоминаю наши разговоры и то, как мы хохотали, убегали от уборщицы, дрались из-за крема. Я вспоминаю все.

И я больше не вижу сложности в выборе правильного ответа: остаться или убежать?

— Идем, — шепчу я, подзывая Кори, — нужно провести Бенни.

Мы выкатываемся на улицу, сжимая друг друга за плечи. Бертрам улыбается и тихо вздыхает, будто я его разочаровала. Я знаю. Так и есть.

— Послушай, — говорит он, открыв дверцу кабриолета, — скорее всего, ты ошибаешься, и делать тебе здесь нечего. Но если что — ты всегда можешь ко мне приехать. Слышишь?

— Да. Я знаю.

— Серьезно. Кори, я в курсе, что Уилл — твой брат. Но если он тронет ее пальцем...

— Я сам его придушу, — кивает парень и грустно хмурится. — Жаль, что ты уезжаешь. Я только погрузился в воспоминания; только вспомнил, каково быть нашей троичей.

— Мы никуда не денемся. — Обещаю я. — Правда. Давайте встретимся. Может, в конце лета? Как думаете? Мы прикатим в Нью-Йорк, и ты сводишь нас на Бродвейский мюзикл.

— Договорились. — Бертрам обнимает Гудмена, взъерошивает его кудрявые волосы и улыбается. — Когда ты уже подстрижешься? Вечно у тебя на голове черти что.

— Кто бы говорил. Сам татуировками изрисовал шею.

— Я так самовыражаюсь.

— Ага. Если бы.

— Ренни, — Бертрам переводит взгляд на меня, и я кидаюсь к нему, будто боюсь, что никогда больше его не увижу. Крепко сжимаю за плечи. — Я люблю тебя, слышишь? — Едва слышно шепчет он, а у меня перехватывает дыхание. — Что бы ни случилось, я всегда с тобой. Всегда на твоей стороне.

— Я так скучала.

— Я больше не исчезну. Честно. — Он отстраняется и приподнимает пальцами мой подбородок. — И ты не исчезай.

— Хорошо. Договорились.

— Договорились.

Он щелкает меня по носу и усмехается. Затем запрыгивает в кабриолет.

— Постарайся объезжать кочки, окей? — Смеется Кори. — А то ты, наверно, думаешь, что их специально для тебя роют.

— О, заткнись. Я нормально вожу.

— Осторожно. — Я машу рукой. — Не торопись.

— Обещаю, мамочка. Повеселитесь!

Парень дает по газам и резко срывается с места, а я наблюдаю за тем, как его синяя машина скрывается за поворотом, и не шевелюсь. Что я натворила? Кого отпустила?

На асфальте черные полосы. Он совсем не умеет трогаться. Никогда не умел. Тоска sneдает внутри, обволакивает в колючее одеяло, и я облакачиваюсь о Кори, раздраженно выдохнув. Цокаю.

— На этот раз он хотя бы попрощался.

— Это точно. — Шепчет Кори. — Гаденьш.

Мы долго стоим на тротуаре и смотрим куда-то вдаль, думая каждый о своем. Мне трудно понять себя. В груди полыхает костер. Внезапно я думаю о Уилле, о том, что он скажет, когда узнает, что я не уехала.

Господи. Я совсем свихнулась.

— Так, ладно, — восклицает Кори Гудмен и потирает ладони, — идем на вечеринку, да?

— Я смотрю, ты приобщился к подобного рода мероприятиям.

— Оказывается, необязательно пить на таких тусовках, чтобы тебя приняли.

— Да что ты говоришь. — Язвлю я. — А что же тогда обязательно?

— Поить других.

Он подмигивает, а я смеюсь и подхватываю его под локоть. Надеюсь, сегодняшний день реабилитируется, и голова перестанет раскалываться от грусти.

Мы приходим по адресу, написанному на бумажке, что мне вручил Джесси. Кампус в нескольких минутах от нашего дома, что меня радует. Это огромное, кирпичное здание с нараспашку открытыми окнами, из которых рвутся крики, музыка, алкоголь и даже люди. У подножия корпуса растелился прямоугольный бассейн, а над ним плавает пар, будто бы на улице лютый холод, а вода горячая. Я хмурю лоб: зачем людям бассейн, когда в десяти минутах ходьбы океан? Странно.

Мы проходим мимо танцующих ребят. Один из них размахивает стаканчиком так эмоционально, что брызги хлещут во все стороны. Я усмехаюсь, а он подмигивает мне.

— Ого, Реган, уже парня себе нашла, — шутит Кори, и я пихаю его в бок.

— Не превращайся в Тэмми, иначе я тебя поколочу.

— Ладно-ладно, прости.

Мы оказываемся у входа в общежитие Бета-Сигма. Двери тут распахнуты и пройти может любой желающий. Народ толпится уже на пороге. Музыка гроыхает так, что мои виски стучат и взывают от боли. Фасад зарос виноградником, и кусты проникают даже внутрь, извиваясь на дверных косяках. Кого-нибудь это интересует? Нет.

Людей здесь так много, что пройти практически невозможно. Я сжимаю руку Кори, он бурит нам дорожку в гостиную, но такое ощущение, что мы топчемся на месте. Здесь все пьют. Повсюду мелькают красные стаканчики, и я опомниться не успеваю, как кто-то вручает и мне аналогичный. Хочу отказаться, но не успеваю. Даже не поняла, кто именно меня угостил. Черти что. Кори протаскивает меня по серому коридору, оваянному дымом, и мы оказываемся в широком зале с еще более гудящими подростками. Девушки танцуют на столах, парни глядят на них и ржут, а я глаза закатываю. Господи. Упокой их души.

Ставлю стаканчик с выпивкой на какой-то столик и неожиданно замечаю на диване Джесси. Он счастливо улыбается и прекращает брэнчать на гитаре, взмахнув рукой.

— Реган! Вы здесь, как классно! — Он пьян. — Вы такие милые, светлые. — Точно пьян.

— Ты уже дошел до нужной кондиции? — Удивляется Кори. — Быстро.

— У них в стаканчиках волшебный эликси-и-ир, — секретничает он, прижав палец к обветренным губам. — Только не говорите, что я вам сказал. Хорошо?

— Хорошо. — Подыгрываю я. — Ни душе.

— А где Уилл? — Интересуется Кори, чем снимает с меня ответственность, выглядеть глупой и наивной девчонкой, разыскивающей парня. — Он тут?

— Ага. На втором этаже. Пошел за выпивкой.

— На втором этаже?

— Да, там волшебная комната, в которой варят волшебный эликсир.

— О, ясно, — протягиваю я. — И давно он ушел?

— Минуты две назад. Вы размялись, распрянулись..., фу, разминулись, или как там.

Я улыбаюсь и покачиваюсь на носках. Да уж. Веселье — лучше не придумаешь. Мне никогда не нравились подобные места, сейчас я и вовсе чувствую себя не в своей тарелке. Может, лучше уйти и дождаться Уилла в домике? Тогда и поговорим.

Мда, только о чем нам говорить? Боже, я чувствую себя идиоткой! Что я вообще тут забыла? Уильям, может, и нужен мне, но неужели стоило приходить на какую-то тусовку, торчать здесь, среди этого гула, хаоса, крика. Ну, зачем? Чтобы найти его нестоящего на ногах и отругать? Обидеться? Я покачиваю головой и с тяжестью выдыхаю.

— Спой со мной, — неожиданно взывает Джесси и хватает меня за руку, — она классно поет, очень и очень классно.

— Нет, — я смущенно покачиваю головой, — я еще в своем уме.

— Тогда выпей. И сразу ум потеряешь.

— Это нехорошая идея, когда рядом столько парней, разглядывающих мои ноги.

— Пусть разглядывают, — отрезает Джесси, — это их проблемы!

— Я, наверно...

— Прости-и-и, — внезапно орет мне на ухо какой-то парень, и на меня обрушивается ледяной коктейль из водки и апельсинового сока. Я растерянно отпрыгиваю назад, а этот парень виновато морщится. — Блин, вот же лажа.

— Точно. Лажа. — Рычу я и опускаю глаза на черное платье. Боже, сколько же ему за сегодня пришлось пережить? Теперь оно еще и алкоголем воняет. — Ты слепой?

— Он пьяный, — шепчет Кори.

— Я просто шел, а ноги, они такие, пф, и я...

— Ясно. — Я останавливаю его, вскинув руку. — Это знак. Я должна вернуться домой.

— Не уходи, я извиняюсь, правда, — продолжает мямлить парень. Он внезапно падает на меня и начинает протирать пальцами мокрое пятно на платье. — Сейчас, момент, я...

— Руки убери.

— А чем тогда вытирать?

— Головой.

— Головой? — Он доверчиво вскидывает брови, а я закатываю глаза. Пьяные люди — не люди. Их нужно запирают в одной комнате и морить голодом, чтобы мозги на место встали. И то — не факт, что встанут, конечно. — Ты обиделась? Я — Тим.

— А я — нет.

Отхожу от незнакомца и грузно выдыхаю.

— Кори, я пойду, смою эту дрянь с себя. Будь здесь, хорошо?

— Окей. И постарайся никого не убить. Ребята развлекаются.

— Пусть в шахматы лучше сыграют.

— Наверно, за всю эволюцию братств, они поняли, что шахматы — это скучно.

— Значит, мало они понимают в жизни. — Я усмехаюсь и киваю. — Не уходи.

Плечусь через заполненную гостиницу, ищу ванную комнату. Но тут такая очередь, что проще дожидаться собственной смерти. Может, туалет есть наверху?

Поднимаюсь по лестнице. Парочки целуются прямо на ступеньках, и я расстроено выдыхаю. Неудивительно, что я не верю в любовь. Если любовь пошлая и неразборчивая, она мне не нужна. Посмотреть друг на друга, прикоснуться в первый раз. Все это дорого, важно, но не случайно. Не потому, что ты надрался и подцепил первую девчонку, лицо которой ты потом даже не вспомнишь.

Я проталкиваюсь через переполненный коридор, пытаюсь открыть все двери подряд. Но они заперты. Вот это да. Ребята из сообщества заботятся о своих вещах? Удивительно. Одна из дверей поддается, но там пляшут какие-то девушки. Голые девушки. Я закрываю дверь и с ужасом встряхиваю волосами. Обряд что ли какой-то проводят. Парня пытаются себе накликают. Ну, лучше бы голышом снизу танцевали. Там больше возможностей.

Улыбаюсь сама себе — явный признак сумасшествия — и открываю еще одну комнату. Дверь неожиданно поддается. Я вскидываю брови и выдыхаю. Наконец, сделаю что-то с этим платьем. Может, найду какую-то тряпку, которой можно будет прикрыться.

Я переступаю через порог и с сожалением понимаю, что это не ванная. Это спальня. Ну, ничего тоже сойдет. Только здесь уже кто-то есть. Мелькают знакомые синие волосы.

Я прищуриваюсь, привыкая к темноте. А затем все мое тело пронзает судорога.

На кровати лежит Уильям, а девушка с синими волосами — это Тэмми, и она сидит у него на коленях.

ГЛАВА 18.

Мне кажется, меня замечают. И мне кажется, звучит мое имя. Но я ничего не вижу и не слышу. Я захлопываю дверь и застываю. Как застывает вода, превратившись в лед. Как

застывает время: часы, минуты, секунды. Все смешивается, сплетается и валится на меня с оглушающим треском, а звуки превращаются в монотонный шум, звенящий в ушах.

Я широко распахиваю глаза. Пытаюсь взять себя в руки, но ни хрена не получается. Путаница в мыслях мешает осознать происходящее, понять это. Затем моя растерянность сменяется гневом, злостью, и я больше не стою на месте. Я рвусь к выходу, сбивая ноги, несусь вон отсюда, спотыкаясь обо все, что оказывается на пути.

Дура. Идиотка.

Осталась ради него. Обманулась ради него. Унизилась. Позволила себе полюбить то, что нельзя любить — ложь. Мне не следовало его слушать, никогда. Мне следовало уехать, убежать, исчезнуть. Мне следовало..., следовало...

Я задыхаюсь. Хватаюсь рукой за живот и расталкиваю толпу, отчаянно прорываясь к выходу. Я просто хочу уйти, черт, просто хочу уйти! Меня сжимают, толкают. Дикий ор и музыка, алкоголь, дым и мельтешащий свет. Я почти уверена, что упаду и больше никогда не встану. Но я не падаю. Вопреки тому, что творится у меня внутри, жизнь течет обычно и по-прежнему. И только я внезапно оказываюсь вне времени. За чертой.

Мне никогда не было так больно.

Стискиваю зубы и понимаю, что к глазам подкатывают слезы. Нет-нет, я не сделаю этого, я не разревусь. Не ради него. Не ради человека, который...

— Боже. — Хватаюсь ладонью за лицо и врезаюсь в какого-то человека. Меня качает в сторону, но я все равно продолжаю идти. Опьяневшая и растерянная. Я убегаю, когда нет смысла больше в побеге. Раньше нужно было думать. Раньше нужно было спастись.

Я, наконец, оказываюсь на улице. Горячий воздух проникает в легкие, и дышать мне становится совсем невыносимо. Упрямо встряхиваю волосами, кулаки сжимаю так грубо, что ногти впиваются в ладони. И иду. Куда? Не знаю.

Мне никогда не было так больно.

Мир оказывается совсем чужим. И небо, висящее над головой, и океан. Я плетусь к нему, а он не ждет меня, а манит, специально, чтобы я утонула. Но я *уже* утонула. Ложь затопила меня, надежды раскололи на части. Я полюбила! Я так этого хотела. А теперь у меня разбито сердце. На сей раз это не метафора. Я понимаю ее, я чувствую, знаю. Грудь горит. Режет. Стонет. Все тело трясет, а я понятия не имею почему. Это ведь всего лишь человек! Один человек из миллиарда! И что — что он поступил не так, как ты хотела? И что — что ему ты не нужна? Какая на хрен разница? Сегодня — да, завтра — нет. Жизнь во всех смыслах отстой, так к чему убиваться? К чему плестись по широкой улице и слезы сдерживать? Что такого случилось? Что такого страшного? Все ведь в порядке. Я ведь в порядке, и жизнь продолжается. Как и всегда. Как и прежде.

Но мне никогда не было так больно.

Я брожу вдоль пустой набережной и не плачу. Я не понимаю, что случилось. Мне трудно признать, что Уильям Гудмен предал меня, еще труднее признать, что у меня к нему есть чувства. Может, я люблю его? Наверно, это и есть любовь. Когда морозит и раздрает на куски. Отличное ощущение. Оно поглощает меня, и я растворяюсь в нем.

Вспоминаю синие волосы Тэмзи Пол. Она добила своего. Стала пустым местом. Я уверена, у таких людей, как Тэмми, внутри — пустота. А они считают себя заполненными.

Я сижу на пляже, замерзнув и околевав. Прижимаю к груди ноги и слушаю океан.

Я люблю Уильяма Гудмена. Того парня, что держал за руку, заставлял улыбаться. Я должна признать это, должна быть честной. И я ненавижу Уильяма Гудмена. Того парня, что

уничтожил меня, одним взмахом руки.

Мне жутко плохо. Голова опускается, а я зажимаю ее руками и хочу орать, орать во все горло, изо всех сил. Понимаю, что моя реакция глупа, понимаю, что еле сдерживаюсь от желания сигануть с пирса. И разрываюсь. Разрываюсь на части.

Мне нужно, наконец, поступить правильно. Уехать. И тогда станет легче.

Я не помню, как возвращаюсь в домик. Сил у меня нет, ноги безвольно шаркают по асфальту, в глазах стоит темнота. Не думаю. Ни о чем. Просто делаю. Подхожу к порогу, дергаю ручку. Дверь тут же поддается, и я оказываюсь внутри. Под потолком пар. Что он там делает? Как там появился? Мне наплевать. Я иду к своей сумке. Протягиваю пальцы, чувствую на себе чей-то взгляд и оборачиваюсь.

Тэмзи Пол стоит на пороге в ванную комнату. Она одета в какие-то джинсы, майку, на ее плечах до сих пор капли воды. Принимала душ. Я молча отворачиваюсь.

— Опять уезжаешь? — спрашивает она, и ее голос делает мне так больно, что колени у меня в буквальном смысле подкашиваются. Я хватаюсь ладонью о спинку дивана. — Ты не торопись, мы можем утром подбросить тебя до вокзала.

Не отвечаю. Глаза пылают, кожа пылает.

Неожиданно осознание все-таки сваливается на меня и припечатывает к полу с дикой силой. Я горблюсь, а Тэмзи оказывается рядом и ухмыляется, расправляя синие волосы. Я пытаюсь на нее не смотреть. Пытаюсь сделать вид, что ее нет.

— Раньше ты была более разговорчивой. В чем проблема? Я же говорила, Уилл всегда думает только о себе. Ты знала. Чего сейчас удивляешься?

Раскрываю сумку и проверяю вещи. Все ли на месте. Главное, подзарядить телефон. Я шмыгаю носом, внезапно понимаю, что на мне куртка Уильяма и столбенею. Боже, нет, нет! Тело прошибает судорога. Отвращение. Я порывисто стаскиваю ее с себя и кидаю на кровать. Хватаюсь ладонями за лицо. Господи. Что же это такое. Что это.

— Если тебе станет легче, — шепчет Тэмми, — он иногда шептал твое имя.

Она стучит каблуками по полу, подхватывает с кресла сумку и исчезает за порогом. Хлопает дверь. Становится темно. Я гляжу куда-то вперед широко распахнутыми глазами, смотрю, смотрю, а затем сгибаюсь. Ломаюсь. Разбиваюсь.

— Нет, — шепчу я, закрывая ладонями лицо. Меня пронзает волна невыносимой боли. Слезы скатываются по щекам, я вытираю их, а они вновь и вновь появляются. Хватит, ну, Реган, хватит. Сейчас мне кажется, что сильнее Уильяма Гудмена, я ненавижу лишь себя.

Я сажусь на краю дивана и впииваюсь пальцами в волосы. Как он мог?

Я вытираю слезы, приподнимаю подбородок и смотрю куда-то сквозь стены. Нужно быть сильной и доверять себе, уважать себя. Нужно взять себя в руки и справиться, пусть справиться трудно. Я должна перешагнуть через обиду, боль. Должна.

Плечи понижают. Я сворачиваюсь на диване, опустив голову между колен, и глаза закрываю. Хочу заснуть и не проснуться. Мне незачем просыпаться. Дома у меня нет. И Уильяма теперь нет. А кто такой вообще этот Уильям?

Всего лишь человек, который должен был стать моим всем.

Но не стал.

Я собираюсь с мыслями и поднимаюсь на ноги. Поправляю волосы, переодеваюсь. Я складываю в рюкзак вещи и бросаю его на кресло, окончательно решив уехать. Буду на вокзале спать. Лишь бы не здесь.

Плечусь в ванную и равнодушно осматриваю свое опухшее лицо. Меня бил отец, и я

была похожа на сбежавшую из приюта дикарку. Сейчас я выгляжу хуже.

Умываюсь холодной водой, ледяной, такой, что скулы сводит, и позволяю себе еще на несколько секунд замереть, стиснув до боли зубы. Ничего. Справлюсь.

Вытираю лицо махровым полотенцем, на нем смешные ромашки, видимо, Кори не вырос еще из детства, и внезапно слышу, как распахивается входная дверь.

Желудок у меня подпрыгивает, делает сальто и скручивается от зудящей боли. Нет, нет, пожалуйста. Я прошу, не знаю кого, даже не знаю, как. Просто крепко зажмуриваюсь и повторяю, будто мантру: нет, нет, нет.

Не хочу выходить, но мне и не приходится. Оббежав всю комнату, Уильям Гудмен несетя прямо ко мне и растерянно застывает на пороге. Я не готова. Я не хочу.

— Реган.

Поднимаю подбородок и оборачиваюсь. В его глазах столько всего, что меня тянет не просто орать, а тошнить. Я поджимаю губы. Вешаю полотенце на крючок и медленно прохожу мимо парня. К счастью, он не предпринимает попыток меня остановить. Лишь следит за тем, как я обуваюсь, накидываю ветровку.

— Пожалуйста, Реган. Скажи что-нибудь.

Стискаю зубы так сильно, что они скрипят. Завязываю шнурки, а пальцы трясутся. Черт, черт! Я начинаю нервничать, в носу покалывает, глаза пылают. Ненавижу себя!

— Я не хотел. Я думал, ты уехала.

Я прыскаю со смеху. Удивительно, что я еще способна на эмоции. Поднимаюсь на ноги, а Уилл вдруг оказывается рядом. Вскидывает руки, прикоснуться ко мне хочет, а я распахиваю глаза и пячусь назад.

— Не смей, — мой голос похож на шипение, — не смей меня трогать.

— Реган, прости, я знаю, я все испортил.

— Испортил? — Переспрашиваю я и ядовито смеюсь. Похоже, я схожу с ума, но я не могу с собой ничего поделать. Гляжу в глаза парня и возгораюсь, будто спичка. — Ты не мог испортить то, чего не было.

— Было. Ты знаешь, что было.

— Нет.

— Пожалуйста, просто выслушай меня, — его руки оказываются на моих плечах. Я пытаюсь вырваться, а он сжимает их еще крепче и придвигается так близко, что у меня перед глазами все переворачивается, — я идиот, я знаю, знаю. Но Реган, пожалуйста...

— Хватит.

— Птенчик.

— Прекрати! — Взываю я и широко распахиваю глаза. — Боже, Уилл, прекрати, что ты делаешь? Отпусти меня и никогда больше не трогай, я прошу тебя, пожалуйста.

— Я не хотел. Я без тебя не смогу. Я ошибся. Но ради тебя...

— Что ради меня?

— Все, все ради тебя!

— Господи, да ты, мать твою, болен, Уилл! Ты болен! — Я рвусь наружу и отталкиваю парня от себя. Он рассерженно хватается пальцами за волосы, а я бегу к сумкам. — Мне не нужны твои извинения, и ты мне не нужен. Я знала, знала, что так будет, и все знали. Мне следовало сразу убежать, а я в тебя верила. До последнего верила. Как дура.

— Я исправлюсь.

— Исправляйся.

— Что я должен сделать?

— Уилл, ты жалок.

— Хорошо, я согласен. Мне наплевать. — Он несется на меня. — Я жалок.

— Хватит! — Решительно отпрыгиваю назад. — Знаю, что у тебя есть причины сходить с ума, разрушать себя и свою жизнь, но я не хочу быть частью этого безумия. И я не хочу тебя любить, Уилл. Не хочу видеть тебя, слышать. Ты сделал мне больно.

— Я понимаю. — Его голубые глаза блестят и поглощают меня, а я исчезаю, тону и не выбираюсь на поверхность. — Понимаю. Я потерял тебя.

— Потерял.

— Но я хочу тебя вернуть. Я смогу, я постараюсь. Когда я несусь от себя, я прибегаю к тебе, Реган. *К тебе.*

— Нет. — Я прикусываю губы и зажмуриваюсь. — Я хочу уйти. Если ты чувствуешь ко мне хоть что-то, ты меняпустишь.

— Пожалуйста, Реган, я кретин, я знаю. Но ты делаешь меня лучше. Слышишь? Ты в моей голове, мыслях, я поступил так, потому решил, что потерял тебя!

— Ты был прав.

Смотрю на парня и опускаю плечи. Перекидываю через плечо рюкзак и вытираю слезы. Они опять по щекам льются. А я ведь редко плачу. Иду к двери. Уильям идет за мной. Он выбегает вперед, касается пальцами ручки и приоткрывает дверь.

Я гляжу в его глаза. Я люблю его глаза. Но это не важно.

— Вернись к родителям, Уилл. Извинись перед ними. — Мне нечем дышать. Нечем. Я задыхаюсь, боже, я упаду. — Иначе у тебя не останется близких.

Я делаю шаг вперед. Однако Уильям неожиданно вновь закрывает дверь и ударяется об нее лбом. Он закрывает глаза и шепчет:

— Не уходи, Реган, прошу тебя.

— Уилл...

— Не оставляй меня.

— Пожалуйста, прекрати. — Слезы душат. Я не могу, не могу говорить. — Ты делаешь хуже, перестань.

— Что мне сделать? — Он выпрямляется. Приближается ко мне и касается ладонями моего лица. — Скажи, черт подери, просто скажи, я сделаю, обещаю! Реган, я люблю тебя!

Закрываю глаза, и слезы вырисовывают новые полосы на щеках. Такое чувство, что у меня нет земли под ногами, что воздух исчез. Я раскрываю глаза, а мир — черно-белый.

— Дай мне уйти. — Мой голос мертвый. Сердце падает.

Подбородок Уильяма дрогает, а глаза закрываются.

— Дай мне уйти. — Еще раз повторяю я и отстраняюсь. Позволяю себе в последний раз посмотреть на лицо Уильяма Гудмена, на морщинки около его губ, веснушки, и выдыхаю.

Мои пальцы произвольно касаются его щеки. Я пробегаюсь ладонью по его губам, а потом выбегаю за дверь и не оборачиваюсь. Это самый трудный поступок в моей жизни, и впервые я ощущаю себя по-настоящему сломленной.

ГЛАВА 19.

Янгстаун. Город, который никогда не был мне домом.

Я здесь выросла. Я здесь разочаровалась. Я пыталась стать смелее, а потом сбежала.

Стоило ли садиться в машину к Гудмену? Стоило ли бросать семью? Стоило. Внутри все горит, но я не жалею. В Янгстауне мои ноги врослись в землю. А теперь я умею летать. И пусть мой полет закончился падением, я все-таки ощутила вкус свободы.

От вокзала до моего дома минут пятнадцать. Я плетусь вдоль знакомых улиц и уже не верю, что когда-то бродила по Эри, Сиракьюс, Нью-Йорку; что видела океан, слушала джаз. Все это кажется вымыслом и плодом разыгравшегося воображения. Я неожиданно хмыкаю — слабо, горько, по-другому мое тело сейчас неспособно себя вести — и хмурюсь. Возможно, я напишу об этом. Да, напишу нашу с Кори историю. Всегда хотела выразить свои мысли на бумаге, потому ведь и пошла на факультет литературы. А теперь мне даже есть о чем писать. Удивительно. Внезапно я нахожу нечто хорошее в грозových мыслях.

Плечи ноют от усталости, а в груди у меня, будто дырка. Мне кажется, сейчас глаза я опущу и увижу простреленное легкое, ведь дышать совсем невыносимо. Щеки болят. Так болит лицо у тех, кто рыдал несколько часов подряд, а я рыдала. Мне стыдно за себя.

Я прихожу на свою улицу. Делаю несколько шагов и останавливаюсь, повернувшись лицом к коттеджу. Гляжу на него. Небольшой дом с ветхой крышей, с разбитым крыльцом и прогнившими ступеньками. Я не знаю, что чувствовать, одна мысль вертится в голове: я будто не уезжала. Внутри ощущения совсем другие, а снаружи: те же стены, тот же запах. Я вновь стою здесь, напротив дома, из которого убежала, и думаю: что со мной не так? Что я делаю неправильно? Ветер откидывает назад спутавшиеся, длинные волосы. Мне хочется поправить их, но я не поправляю. Выдыхаю и медленно иду вперед, переставляя ватные ноги. Дома кто-то есть. Я слышу, как на кухне работает телевизор.

Стаскиваю кроссовки. Бросаю рюкзак. Плетусь по коридору и чувствую этот запах, от которого глаза слезятся: запах бедности, сырости, алкоголя. Я вновь здесь. Я дома.

Прохожу на кухню. Мама помешивает салат, но, увидев меня, замирает. Ее пальцы выпускают ложку с глухим треском. Она ошеломленно смотрит на меня, пытается сказать что-то, но не может. На ее лице как всегда кричащие тени, в глазах полопавшиеся сосуды, помада на пол-лица. Она делает шаг вперед, делает шаг назад. Я тоже молчу. Подхожу к холодильнику, открываю дверцу и спрашиваю:

— Ты будешь что-нибудь?

— Я делаю салат. — Шепчет она. — Ты проголодалась?

— Немного. — Достаяю пакет молока, яйца. — Что насчет омлета?

Она нерешительно кивает. Включаю плиту, связываю в пучок волосы. Мама стоит со мной рядом, помешивает салат, а плечи ее трясутся. Я зажмуриваюсь. Не могу. Все это не просто причиняет боль. Мне трудно даже дышать.

— Я хочу устроиться в кафе официанткой. С тобой. У Грэга есть вакансии?

— У него всегда есть вакансии. — Она порывисто смахивает слезы со щек.

— Хорошо. Я собираюсь накопить немного денег, чтобы уехать, мам.

— Уехать.

— Да.

— Опять?

— Опять. — Разбиваю яйца о край сковороды, и они шипят, распластавшись по маслу.

Мама шмыгает носом. Помада у нее размазалась по подбородку. — Ты можешь поехать со мной, если хочешь. Например, в Бостон, в Вашингтон или Провиденс.

— Там у тебя никого нет.

— Начну все заново.

— Я не брошу отца.

— Почему? — Я перевожу взгляд на маму и сжимаю пальцы. — Почему ты не бросишь его? Мама, мы должны уехать.

— Ты должна уехать, — шепчет она, мешая салат, который уже давно готов. — Но не я.

Поджимаю губы и отворачиваюсь. Возможно, она права. Возможно, пришло время самостоятельно принимать решения и строить свою жизнь. Заново. С чистого листа.

Мы накладываем еду и расставляем ее на маленьком столе. Садимся друг напротив друга и молча едим, не говоря ни слова. Я внезапно вспоминаю о тех словах, что она мне сказала по телефону: *ты должна быть со мной рядом, когда мне плохо*. Что изменилось? Почему теперь она позволяет мне уйти?

— Что с ним? — Хрипло спрашиваю я, наколов лист салата на вилку. Упрямо смотрю перед собой, не хочу поднимать подбородок.

— Он до сих пор в больнице.

— И долго он там пробудет?

— Не знаю. Ему плохо. — Мама отпивает воды и передергивает плечами. — Алкоголь. Он разрушил его. Разрушил всю его жизнь.

— Ну, а ты? — Я все-таки выпрямляюсь и стискиваю зубы. — Что насчет тебя?

— Реган...

— Ответь.

— Я стараюсь. — Шепчет она. Протягивает широкую ладонь, накрывает мои пальцы. Я не шевелюсь. Просто смотрю ей в глаза. — Люди меняются, когда хотят.

— А ты хочешь?

— Хочу.

— А отец?

— Боюсь, он слишком поздно задумался над этим. — Ее голубые глаза блестящие от слез. Видимо, с отцом дела совсем плохи. Внутри у меня становится так горячо, что тело передергивает. Боже, какая разница. Наплевать мне на отца. Наплевать! — Ты сходишь к нему? Сходишь?

— Что?

— Реган.

— Нет, — качаю головой, — ни за что. Нет.

— Пожалуйста, ему совсем плохо, слышишь? Он ведь твой папа. Он...

— Ты видела, что он сделал? Мам, как ты можешь защищать его? Как ты можешь его любить? У меня нет отца. А у тебя нет мужа. У нас есть существо, которое испортило нам жизнь. — Я отдергиваю руку и до боли стискиваю зубы. — Он все разрушил.

— Так и есть.

— Ты понимаешь это, и все равно просишь меня проведать его?

— Другой возможности у тебя не будет. Сейчас ты зла. А потом его не станет. Сейчас тебе кажется, что это не проблема. А потом...

— Что потом? — Взываю я, ощутив, как глаза пылают. Я резко поднимаюсь и смотрю на мать, еле удерживая равновесие. — Что? Мы расстроимся, что никто не сворачивает нам руки? Расстроимся, что не приходится доводить его до дома? Вытирать его блевотину? Ты расстроишься, что он больше не заставит тебя орать на весь дом, когда я сижу за стеной и руками уши закрываю. Расстроишься, что больше не надо будет со спины набрасываться на него, когда он крушит квартиру, разбивает стекла, посуду, мебель. О чем ты?

— Реган, милая...

— Я убежала из-за него! Он виноват, он во всем виноват. В том, что я одна, что везде я вижу предателей и кретинов. Он сделал нас с тобой грязными, гнилыми, пустыми.

— Он был хорошим. — Шепчет она. — И когда-то он сжимал тебя за руку и обещал, что никогда не отпустит.

— Но что же случилось, мама?

— Жизнь случилась.

— Она со всеми случается. — Выплюываю я. — Но нужно быть сильнее. Нужно думать о близких, любить близких. Не делать им так больно.

— Он не смог. Он не такой, как ты.

— Да. Мы с ним совсем не похожи.

— Поэтому ты и должна простить его. Потому что ты совсем на него не похожа.

Неожиданно я смеюсь. Что за глупое оправдание, черт подери? Простить его, потому что я лучше? Потому что у меня есть совесть, чувства. Потому что я живой человек, и мне бывает больно. Потому простить?

— Врачи дают ему месяц. — Хрипит мама, нервно отбросив волосы. — Тебе решать.

Я смахиваю со щек слезы и плетусь к себе в комнату. Меня трясет от безысходности, замкнутого круга. Что же творится? Что происходит? Почему я опять здесь. Зачем я здесь. Закрываю ладонями лицо и облокачиваюсь о стену.

Нужно быть сильнее. Но что это значит? Что это, черт возьми, значит?

Возможно, быть сильным, значит, принимать свои слабости. Но в чем *моя* слабость?

В неумении двигаться дальше. Нельзя ступить вперед, будучи привязанным к чему-то, что стоит позади. Нужно сорвать веревки. Освободиться. Смогу ли я? Найду ли в себе силы? Иногда мне кажется, что сил у меня куда больше, чем я думаю. Хорошо, если так.

Предстоит мне еще очень многое.

Я устраиваюсь в бар на целое лето. Официанткам платят мало, но мне хватит, чтобы унести ноги из Янгстауна и попробовать нечто новое. Я написала нескольким редакторам, прошла собеседования через интернет, и меня взяли в Провиденс на должность младшего редактора какой-то непопулярной газетенки, да еще и на испытательный срок. Работать я начну с осени. А сейчас мечусь по бару круглые сутки. Надеюсь подзаработать как можно больше и найти квартиру в Провиденсе поближе к офису.

Чтобы дойти до бара, нужно пройти городскую больницу и дом Кори. Такое чувство, что жизнь специально надо мной смеется. Я каждый раз зажмуриваюсь, замечая коттедж Гудменов. А потом еще и кулаки стискиваю, пробегая мимо госпиталя.

Про Уилла мне ничего неизвестно. Возможно, он продолжил разъезжать по штатам, возможно, он давно втрескался по уши в Тэмми, и они танцуют до изнеможения в новом, джазовом клубе. А, возможно, он остановился, принял себя, вернулся и стал другим. Мне хотелось бы в это верить. Пусть я и убеждаю себя, что мне абсолютно наплевать.

В четверг утром — да, ко мне, наконец, вернулось чувство времени, и я знаю число и месяц, и даже год — проходя мимо дома Гудменов, я замечаю Кори. Он переносит вещи в огромный грузовик, припаркованный на обочине. Мы с ним всего один раз разговаривали с тех пор, как я убежала. Сейчас мне тоже хочется пронестись мимо, но затем...

Затем я вспоминаю, что Кори Гудмен — мой лучший друг. И я буду душой, если про него забуду из-за отношений с его братом.

Кори удивляется, когда я останавливаюсь около грузовика и облокачиваюсь спиной о

металлические дверцы. Он неуверенно улыбается и выдыхает:

— Наверно, снег пойдет.

— С чего вдруг? — Усмехаюсь я.

— Ну, ты стоишь на вражеской территории. Забыла?

— Я устраиваю временное перемирие.

Гудмен счастливо улыбается. Мы подходим друг к другу, абсолютно синхронно, и обнимаемся, словно не виделись тысячу лету. Кори покачивается, а я едва не падаю.

— Вот же гаденыш, поднакачался, что ли?

— Мы с тобой две недели не общались. Маловато для бицепсов.

— Я просто хотела сделать тебе комплимент. — Отстраняюсь и грустно кривлю губы. У него манеры Уилла. Его голос. Его смех. Это делает больно. — Ивансвилль ждет, верно?

— Эвансвилл. — Поправляет он.

— Точно, господи, ну и название.

— Обычное, знаешь ли.

— Родители, наверно, в ужасе. Как они без тебя справятся, не представляю. Хелен уж точно с ума сойдет.

— Да уж. Мама носится по квартире, все боится, что мы что-то забудем. Мне двадцать один, а такое чувство, что одиннадцать. Честное слово.

— Они тебя любят, Кори. Тебе очень повезло.

— Уилл на днях приезжал.

Я застываю. В живот, словно ударяют, и боль проносится по всему моему телу. Мне вновь не хватает воздуха, черт. Дыши, Реган. Дыши.

— И что он здесь забыл?

— Хотел поговорить с родителями. Не знаю, что там между ними творится, но отец ко мне в гостиную вышел весь напухший, будто он плакал. — Кори вскидывает брови. Плохо, что парень не знает правду. — Мама так и вообще стояла на пороге, обнимала Уилла, чуть не придушила, минут так десять!

— Ого.

— Я тоже удивился. Никогда их такими не видел.

— И куда он уехал?

— Не знаю. Сказал, что хочет начать все заново. Не знаешь, с чем это связано? — Друг саркастически кривит брови, а я закатываю глаза.

— Я-то откуда знаю.

— Ну, это между вами творилось нечто странное.

— Не хочу говорить о Уилле.

— Да. Прости. Просто..., - Кори усмехается и потирает руками лицо, — черт, я ведь все время о нем болтаю. Ты меня знаешь, и странно, что теперь я не могу потрепаться о своем ненаглядном братце.

— Да уж. Ладно, Кори, мне нужно на работу бежать.

— Ничего тебе не нужно. Твоя смена начинается в девять, а сейчас только половина восьмого. — Он поджимает губы, а я виновато отворачиваюсь. — Слушай, я понимаю, да, тебе паршиво. Поэтому и не настаиваю. Но, пожалуйста, не пропадай, Реган.

— Я ведь здесь.

— Ты не просто друг, ты мне, как сестра. Я не хочу потерять тебя.

— Кори. — Я вновь обнимаю парня и крепко прижимаю к себе. — Никуда я не денусь.

— Отлично. Смотри, ты пообещала, потому что сейчас я должен кое-что тебе отдать, а ты, я уверен, совсем не обрадуешься. Обидишься, и все такое.

Ох, я цокаю, а он открывает рюкзак и начинает копошиться в нем, будто ищет что-то очень маленькое. Однако наружу парень вытаскивает книгу. Я вскидываю брови.

— Так, и с каких это пор книги должны вызывать во мне обиду?

— Это книга Уилла. — Поясняет парень и морщится. Я застываю, а он протягивает ее мне в руки. — Он попросил меня передать ее тебе.

— Кори...

— Меня это не касается. Просто возьми, и все.

— На чьей ты стороне? — Усмехаюсь я и поджимаю губы. Грудь горит. — Гаденыш.

— Между вами трудно выбирать. Вы ведь моя семья.

Поднимаю подбородок и смотрю на друга. Наверно, ему действительно сложно. Он всегда сходил с ума по Уиллу, всегда был рядом со мной. Отказаться от кого-то одного не вариант, и ему определенно не по себе. Я поправляю кудри парня и улыбаюсь.

— Ты тоже моя семья, Кори Гудмен.

Парень отводит взгляд, и мне кажется, что в глазах у него мелькает пелена. Не могу на это смотреть, потому откашливаюсь и встряхиваю головой.

— Я пойду. Правда.

— Да. — Он смахивает со лба челку. — Увидимся еще. Обещаешь?

— Конечно.

Я киваю и медленно пячусь назад. Уходить сложно. Сложнее, чем в первый раз, но я все-таки оставляю друга позади и плетусь вперед, сжимая в пальцах книгу Уильяма. Зачем он передал ее мне? Чтобы как-то отвлечься от тоски, подступившей к горлу, разглядываю его подарок. Наверно, стоит выкинуть эту книгу к чертовой матери, сжечь где-нибудь, но я лишь крепче сжимаю ее в ладонях. Это "Бойцовский клуб". Книга Чака Паланика.

Интересно.

Открываю первую страницу и вижу в уголке надпись корявым почерком. Видимо, у парня не только характер отвратный.

"Я проиграл пари, птенчик".

Усмехаюсь. Прикрываю пальцами рот и невольно торможу посреди дороги. Так вот, что это. Наше пари, а я совсем забыла. Горло сводит. Я прикусываю губы и пролистываю желтоватые страницы. Они немного смяты, пальцами по краям в некоторых местах стерты буквы. Он любил эту книгу. Это его любимая книга.

Я протяжно выдыхаю, захопываю книжку и прижимаю к груди.

Ну, кто бы мог подумать, что даже вдалеке Уилл способен подрывать мою нервную систему. Я бы с удовольствием сейчас нашла его и треснула по голове, ведь быть таким идиотом и гением одновременно — невозможно.

Возможно. Как в этой книге.

Я продолжаю плестись в бар. Кори был прав, времени у меня еще много. Но я всегда выхожу раньше, чтобы пройтись, подышать воздухом. Это вошло у меня в привычку лишь сейчас, когда я поняла, что в жизни только от тебя зависит от чего получать удовольствие. Можно гнать по неизвестным дорогам, а можно бродить по давно знакомым.

Удовольствие будет одним и тем же, если тебе нравится то, что ты делаешь.

Невольно я сворачиваю с намеченного пути. Мне неожиданно кажется, что сегодня тот день, когда я должна сделать все, чего от себя не ожидаю. Бывает, ты скидываешь все самое

сложное на последний момент. Сейчас наступает этот последний момент. И я иду в больницу, стараясь не обдумывать свое решение.

Я спрашиваю на регистрации, в какой палате Натан Баумгартен, и меня провожает к нему неразговорчивая медсестра. Не думала, что бывают такие. Он указывает на дверь, но я не шевелюсь. Мда. Трудно перешагнуть через порог, когда понимаешь, что перешагнуть придется через себя. Что там говорила мама? Я на него совсем не похожа. А еще, что она сказала? Что ему дали месяц. Прошло две недели с того момента.

Я глубоко втягиваю воздух и открываю дверь. Она скрипит, трется о старый пол. Не знаю, как себя вести. Просто прохожу в палату, выпрямляюсь и забываю о злости. К чему она, если принести сможет только новую боль и разочарование.

Отец лежит на узкой койке. Вокруг стоят еще кровати, но там пусто. Никого. Лишь он и его мысли. Наверно, здесь запросто можно свихнуться.

Делаю шаг вперед.

— Привет. — Голос мой сиплый. Я с трудом понимаю, что делаю. Папа оборачивается и удивленно распахивает глаза. В носу у него торчит какой-то провод. Лицо сероватое, ну, как обычно. Разве что теперь оно еще сильнее осунулось.

— Ты? — Хрипит он. — Ты здесь?

— Да.

— Что тебе нужно? — Отец отворачивается. Я вижу, как дрогает его подбородок, и еще мне кажется, в глазах у него проносится стыд, осознание. Впервые он говорит со мной, не выпив несколько банок пива, не проведя ночь за барной стойкой. Он все понимает, и ему становится плохо. — Я не настроен болтать.

— Я и не болтать пришла.

— А зачем тогда?

— Проверить, как ты.

— Проверить, как я? — Он вновь смотрит на меня, а у меня все сжимается. Глаза у него покрываются пеленой, мутнеют. Он беззащитно стискивает в пальцах простыню, а я сразу же вспоминаю, как он стискивал этими же пальцами мои запястья. — Уходи.

— Хорошо. — Глаза пылают. Я вытираю тыльной стороной ладони слезы, срываюсь с места и хочу убежать, но затем вновь слышу его голос.

— Подожди. Реган. Стой.

Застываю перед дверью. Плечи у меня дергаются, и я беззащитно сгибаюсь. Больно делают только те, кого мы любим; кто нам дорог. Этот человек, вопреки всему, что между нами было, дорог мне. Я ненавижу себя за эти мысли, я его хочу ненавидеть.

А у меня не получается.

— Мэндис сказала, ты уезжаешь.

— Да. — Смахиваю со щек слезы.

— Куда?

— В Провиденс. — Я оборачиваюсь и встречаюсь с отцом взглядом. — Буду работать в редакции. Писать чушь какую-то.

— Хорошо. Да, это хорошо.

— А с тобой что?

Отец не отвечает. Пожимает плечами, отворачивается, а я неожиданно отчетливо ощущаю, что отца у меня скоро не будет. И надеяться, что он исправится, я больше не смогу. Складываю руки на груди, переминаюсь на носках и плачу, потому что внутри у меня все

горит и рушится. Разбивается на безобразные осколки.

— Ты..., ты прости меня, Реган. — Внезапно говорит он, разглядывая улицу за окном. А я вдруг ломаюсь. Сгибаюсь и закрываю ладонями лицо. — Я плохим отцом был.

Из горла вырывается всхлип. Я покачиваюсь головой из стороны в сторону, ничего не понимая, не осознавая. Мы прощаемся, но зачем? Я уйду, а он все еще будет здесь, да?

— Ты справишься. — Шепчу я, выпрямившись. — Люди исправляются.

— Я не успею.

Подбородок его трясется. По грубому лицу катятся слезы. И он хочет стереть их, но не может поднять руку. Вяло покачивает ее, то сжимает, то разжимает пальцы.

— Умирая, думаешь о том, что сделал. А я ничего не помню. — Папа вскидывает брови и застывает. — Ничего. Ты плакала, наверно.

— Наверно.

— Ты даже сейчас плачешь. Я вам с Мэндис жизнь подпортил. Но вы прорветесь. Ты сделаешь все, я уверен.

— Сделаю. — Я решительно киваю и подхожу к отцу. Он переводит на меня взгляд, а я невольно берусь за его шершавую руку. Пальцы у него холодные. — Принести одеяло?

Отец открывает рот, судорожно выдыхает и выпускает всхлип. Он все же поднимает свободную руку и тянется к моему лицу. Закрываю глаза, когда она касается моей щеки.

— Ты так и не дождалась меня, Реган. — Шепчет он.

— Дождалась. — Отвечаю я. — Ты ведь здесь.

Накрываю ладонью его пальцы и улыбаюсь. Впервые я улыбаюсь рядом с ним.

Я ухожу из больницы за пять минут до начала смены. Глаза у меня до сих пылают, а на душе становится немного легче. Я неожиданно понимаю, что все можно исправить. Но ты сам должен захотеть этого. И захотеть вовремя.

Отец разрушил мою жизнь. Но я всегда надеялась, что однажды отец изменится, и он изменился. Поздно, но все же. Я никогда не забуду того, что он сделал со мной и мамой. Я ведь не идеальна, память не сотрется просто так. Но еще я буду знать, что он раскаивался. Что он осознал свои ошибки. Легче ли от этого мне? Сложный вопрос.

История моей семьи неправильная. Она сложная и грустная. Но еще она заставляет меня верить в то, что люди все-таки меняются, когда любят, ждут и надеются. Поэтому я во время перерыва возвращаюсь домой и нахожу книгу Кэтрин Стокетт — "Прислуга".

Я люблю перечитывать это произведение, оно придает мне уверенности в том, что и я добьюсь всего, что захочу. Главное — первый шаг, а потом, пусть не становится легче, но отступать некуда, если мечты, действительно, важные.

Я отдаю книгу Хелен Гудмен. Прошу, подарить ее Уиллу, если он вновь будет дома. Я знаю, что это глупо. Но я должна быть честной, а осталось лишь одно признать: я тоже проиграла пари.

ЭПИЛОГ

Я работаю в редакции уже полгода.

Провиденс — красивый город. Каждую субботу я выхожу на улицу ближе к вечеру и гуляю по переулкам, раскрывая для себя все новые и новые места.

Быть внимательной к мелочам я научилась в той поездке. Не могу сидеть дома, когда знаю, что за окном непокоренные парки, музеи, улицы. Постоянно засиживаюсь допоздна у

Брауновского университета. Наблюдаю за студентами и записываю себе что-то в тетрадь — *профессиональная привычка*. Я теперь все мысли чиркаю в блокноте. Это, кстати, очень даже полезно. Взбесит меня какая-то карга, что взывает в общественном транспорте, и я ей посвящаю целых две страницы, описывая, как сильно мне хочется свернуть ее шею.

Там есть глава про отца. Он умер четыре месяца назад. Я приехала в Янгстаун, но не смогла в городе и на пару часов остаться. Слишком много плохих воспоминаний. Мне теперь в Провиденсе спокойней. Возможно, здесь мой дом.

Сегодня заветная суббота. Я уже обошла центральный парк и теперь хочу пройтись до Капитолия штата Род-Айленд. Говорят, это очень красивое здание. По крайней мере, так говорит моя знакомая из редакции, а она в Провиденсе живет всю жизнь.

Покупаю горячий сэндвич и плетусь вдоль широкой улицы. Люди несутся куда-то, а я медленно переставляю ноги, довольствуясь моментом. Вспоминаю, как бродила по Нью-Йорку. Нужно обязательно туда вернуться, тем более, Бенни написывает каждый день.

Улыбаюсь, откусываю бутерброд и внезапно сталкиваюсь с кем-то. Сэндвич валится из моих пальцев, эпично разваливается на асфальте, соус попадает мне на новые балетки, и я расстроено свожу брови. Черт возьми. Какое-то проклятие с моей обувью.

— Простите, я заплачу. — Говорит парень

— За балетки?

— А за них тоже надо платить?

— Ну, вообще-то...

Я выпрямляюсь, перевожу взгляд на незнакомца и едва не валюсь так же эпично, как и сэндвич. Хлопаю ресницами. Парень тоже удивленно скидывает брови. Нет. Нет. Такое не случается в нашем мире. Быть не может.

— Реган? — Удивляется Уильям Гудмен собственной персоной, и я пропускаю удар по сердцу. Сильный, меткий удар. Плечи мои опускаются. — Что ты здесь делаешь?

— Что *ты* здесь делаешь. — Хриплю я. Глаза у меня, наверно, на лоб сейчас полезут. Я не знаю, что делать. Я просто не верю! Уильям стоит прямо передо мной. На нем длинное пальто, синяя рубашка. Волосы стали короче, и щетины на подбородке нет. Парень совсем на себя не похож, и если бы он проходил мимо, я бы его даже не узнала.

— Совпадение.

— Я не верю в совпадения.

Мне становится не по себе. Прошное безжалостно наваливается на плечи, а еще этот отвратительный запах мелиссы, ох! Я грузно выдыхаю и поправляю волосы.

— Мне идти нужно.

— Мне тоже. — Уилл криво улыбается. Как прежде. Я вспоминаю, как солнце рвалось через стеклянные окна, как палило дорогу и с ума сводило. — Кори говорил про Бостон.

— Я проходила там собеседование.

— Тогда почему остановилась на Провиденсе?

— Это интервью?

— Я просто давно тебя не видел.

— И у нас были причины не видеться. — Я стискиваю зубы. — Или ты забыл?

— Ты все такая же невыносимая. — Смеется он.

Вскидываю брови.

— Оскорблять меня будешь?

— Я вообще-то пошутил. Получил твою книгу.

— Серьезно? — Смущенно сглатываю и скрещиваю на груди руки. Боже мой. Полгода прошло, а я до сих пор не могу нормально дышать, когда речь касается этого человека.

— Интересная.

— Твоя тоже.

— Ты прочитала?

— Да.

Мы смотрим друг другу в глаза, а что сказать? Не знаем. Я отворачиваюсь, а Уильям со свистом выдыхает. Наверно, ему так же нелегко, как и мне.

— Послушай, я рад тебя увидеть, — наконец, отрезает он и вновь на меня глядит. — Ты никуда из моей жизни не пропадала, несмотря на то, что мы не виделись столько месяцев.

— Это плохо.

— Считаешь? — Он тянется в карман и достает пачку сигарет. Закуривает, а я горько усмехаюсь. Уилл все тот же. Черт. Мне вдруг становится обидно. — Что такое?

— Ничего. — Отворачиваюсь.

— Да ладно тебе, я все и так понял. Врать ты не научилась. А я не могу избавиться от этой привычки, как ни стараюсь. — Он выдыхает дым в сторону и кивает. — Но я стараюсь.

— Старайся лучше.

— Знаешь, а мы ведь могли бы...

— Нет. Уилл, мы ничего не можем.

— Ты даже не дослушала, что я хотел сказать.

— Какая разница? — Возмущенно вскидываю брови, а он усмехается.

— Мы могли бы сходить в парк аттракционов.

— Что? Ты же не любишь аттракционы. Забыл?

— Но ты любишь.

— Вот сама и схожу.

— Ты не изменилась совсем.

— Ты тоже.

— Я слышал, твой отец умер. Приезжал в Янгстан, но тебя не застал.

— Да. — Поджимаю губы. — Я уехала почти сразу же.

— Кори говорил, вы с ним помирились.

— Помирились? Громко сказано. Просто приняли друг друга такими, какие есть. Что с Джесси и с..., - похлопываю ладонями по бокам и киваю, — с Тэмми?

— Я их давно не видел. — Уильям затягивается. Переводит на меня пронзительный взгляд и поправляет пальто. Мне кажется, ему не хочется говорить о ребятах, а у меня нет ни малейшего желания узнавать — почему. — Я должен идти. У меня встреча.

— Нашествие на еще один джазовый клуб?

— Нет, птенчик, — улыбается он, и у меня замирает сердце. — Ищу работу.

— Здесь? В Провиденсе?

— Возможно. Я пока присматриваюсь.

О, нет. Парень откидывает в сторону окурок, а я вдруг ощущаю себя в клетке. Черт возьми, что он вообще здесь забыл? Я протираю ладонями лицо и киваю.

— Честно? Надеюсь, у тебя ничего не получится.

— Честно, — он притягивает меня к себе и улыбается, — думаю, все как раз наоборот.

Я отстраняюсь. Грудь вспыхивает, голова вспыхивает, мир вспыхивает, и я начинаю не просто злиться, я начинаю сходить с ума, ведь куда бы я ни пошла, что бы я ни сделала, Уилл

повсюду. Почему это происходит? Он в моих воспоминаниях, мыслях, теперь еще и в моем городе. Так не должно было случиться. Это неправильно.

Я громко выдыхаю.

— Пока, Уилл. Передавай привет Кори, хорошо?

Взмахиваю рукой и схожу с места, уже думая над тем, как сменю работу, город, да и штат. Если мне придется вновь бежать — я сбегу. Я сделаю все, лишь бы не угодить в сети Уильяма Гудмена, пусть мое сердце и взрывается, едва я о нем думаю.

— До встречи, Реган Баумгартен! — Восклицает он, и я на ходу оборачиваюсь. Парень машет мне и широко улыбается. — И помни, птенчик, *ты никогда не окажешься там, где быть не должна.*

— Опять цитируешь "Битлз"? — Выкрикиваю я. — Какой ты банальный.

— Но тебе ведь нравится.

Придурок. Я закатываю глаза и скрываюсь за поворотом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net